

ISSN 0131-6117

Рус-
R U S S I A N
СРДЯ
S P E E C H
Речью

МОСКВА, 2020

МАРТ—АПРЕЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

В. Г. Костомаров д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2020

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2020

**MARCH -
APRIL**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vitaliy G. Kostomarov Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. От украинского *втикли*,
до русского *нэ добиглы* (о современном состоянии
кубанских говоров с украинской языковой основой)
- 18..... Н. А. Буре, О. В. Суханова. Концепт *один* в русской речевой культуре
- 31..... И. А. Вежинова. О роли и функциях медиаречи
в современной орфоэпической ситуации
- 44..... К. Д. Зайдес. Прагматические маркеры предикативного типа
в русской устной спонтанной речи: формальные типы
и их реализации
- 62..... А. Ф. Калинин. Русские фразеологизированные предложения
структурного типа *Кто как не он поможет!* (основные аспекты)
- 76..... А. С. Кулева, А. Р. Пестова. О названиях экзотических фруктов:
современный взгляд и лексикографическая традиция

Из истории русского языка

- 92..... А. А. Соколянский. Суть

Язык художественной литературы

- 105..... С. А. Макарова. Художественные смыслы музыкальной
терминологической лексики в лирике И. Л. Сельвинского

Наука в лицах

- 115..... О. В. Никитин. «В ответ на Ваш запрос сообщая...»
(К 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga G. Borisova, Lyudmila Yu. Kostina.* Stuck Halfway
Between Ukrainian and Russian (On Modern State of Kuban Region
Subdialects with Ukrainian Language Base)
- 18..... *Natalia A. Bure, Olga V. Sukhanova.* Concept “One”
in Russian Speech Culture
- 31..... *Irina A. Veschikova.* On the Role and Functions of Media Speech
and Its Orthoepic Aspect in the Modern Linguistic Situation
- 44..... *Kristina D. Zaides.* Predicative Pragmatic Markers in Russian Oral
Spontaneous Speech: Formal Types and Realizations
- 62..... *Arkadiy F. Kalinin.* Phraseologically Bound Sentences
Like *Kto Kak ne On Pomozhet!* in Russian Language (Main Aspects)
- 76..... *Anna S. Kuleva, Anna R. Pestova.* On the Names of Exotic Fruits:
a Modern Look and Lexicographical Tradition

From the History of the Russian Language

- 92..... *Alexander A. Sokolyansky.* Sut’

The Language of Fiction

- 105..... *Svetlana A. Makarova.* Artistic Meanings of Musical Terms
in the Lyrics of I. L. Selvinsky

Science and Persons

- 115..... *Oleg V. Nikitin.* “In Response to Your Request I Inform...”
(The 70th Anniversary of Publishing The “Dictionary” by S. I. Ozhegov)

От украинского *втиклы*, до русского *нэ доби́гли* (о современном состоянии кубанских говоров с украинской языковой основой)

Ольга Геннадьевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина²,
Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар), teliautom@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170009245-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается современная языковая ситуация в станицах и хуторах Краснодарского края, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой. Источником наблюдений послужили в основном сведения, собранные авторами в ходе полевых экспедиций 2005–2018 гг., а также данные региональных словарей, отражающих диалектную лексику и фразеологию Кубани. Иллюстративный материал, представляющий собой фрагменты речи диалектоносителей, подается способом малограмотного письма, отражающим специфические особенности местной огласовки. Показываются результаты влияния русского литературного языка на кубанские говоры с украинской языковой основой, отдаленные от материнского языка во времени и пространстве. Обосновывается определяющая современное состояние кубанского диалекта тенденция, которая заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических, фонетических и лексических элементов. Подтверждаются относительная устойчивость диалектной фонетики и грамматики и динамичность лексики. Сделанные выводы учитывают отношение сельских жителей к своему материнскому

языку и к русскому литературному, а также языковую рефлексию диалектоносителей, проявляющуюся в оценке собственной речи, в которой смешиваются украинский и русский языки. Проводится лингвистический анализ диалектных единиц, содержащих в своем значении сему 'говорение', раскрываются их эмоционально-оценочные характеристики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, смешение говоров, устойчивость и изменчивость говоров на разных языковых уровнях

для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. От украинского *втиклы*, до русского *нэ доби́гли* (о современном состоянии кубанских говоров с украинской языковой основой) // Русская речь. 2020. № 2. С. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170009245-8.

Issues of Modern Russian Language

Stuck Halfway Between Ukrainian and Russian (On Modern State of Kuban Region Subdialects with Ukrainian Language Base)

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina², Kuban State University (Russia, Krasnodar),
leliastom@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

ABSTRACT: This article examines modern state of language in stanitsas and khutors of Krasnodar region, where Kuban subdialects have been historically evolving from a Ukrainian base. Primary sources of examination are mostly data collected by the authors in the course of 2005–2018 field expeditions, as well as data from regional dictionaries containing subdialect vocabulary and phraseology of Kuban region. The article presents fragments of subdialect carriers' speech in a form of illiterate letter reflecting

special features of local vocalization. It demonstrates the effect of Russian literary language influence on Kuban subdialects, which have the Ukrainian base and which are distant from their mother tongue both in time and in space. The article substantiates a tendency that defines the modern state of Kuban subdialect — the gradual spread of grammatical, phonetical and lexical elements of Russian literary language. It proves relative stability of dialect phonetics and grammar, as well as lexical flexibility. The conclusions reached in the article take into account the attitude of villagers towards their mother tongue and to Russian literary language, as well as linguistic reflection, which manifests in evaluation of their own speech with its mixture of Ukrainian and Russian languages. The article provides a linguistic analysis of dialect units containing the “speech” seme in their meaning, discloses their emotional and evaluative characteristics.

KEYWORDS: Kuban subdialects, subdialect mixture, stability and fluidity of subdialects at different language levels

FOR CITATION: Borisova O. G., Kostina L. Yu. Stuck Halfway Between Ukrainian and Russian (On Modern State of Kuban Region Subdialects with Ukrainian Language Base). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 7–17. DOI: 10.31857/S013161170009245-8.

«*В*от так мы и кáжэмо: от укрáинского *втиклý*, до рýсского *нэ доби́глы*» — этой ироничной фразой характеризуют свою речь сельские жители Краснодарского края, говор которых имеет украинскую языковую основу. Кубань — уникальный регион, где исторически складывались говоры с двумя языковыми основами: украинской и южнорусской, что обусловлено историей заселения региона. Сюда с конца XVIII столетия для службы и освоения свободных земель переселялись запорожские и донские казаки, а также крестьяне из южнорусских и украинских губерний. Взаимодействие украинской и южнорусской этнографических групп — черноморского и линейного казачества, а также образование в 1860 году Кубанской области и Кубанского казачьего войска привели к возникновению особого *субэтноса* — кубанского казачества. В послереволюционные годы, как отмечают историки и этнографы, казачество утратило ряд важных признаков субэтноса, превратившись в этнографическую группу русского народа [Бондарь 1990: 140]. Современные жители Кубани также в большинстве своем считают себя русскими.

Что касается местного диалекта, то говоры с разными языковыми основами смешивались. На этот факт обращали внимание краеведы еще во второй половине XIX в. Так, в 1897 г. Л. А. Апостолов писал: «Язык Кубанской области довольно своеобразный. Малорусское наречие даже в наиболее однородных станицах подвергалось значительному влиянию великорусского, приняв туда много оборотов и слов...» [Чистов (отв. ред.) 1967: 37–38]. Действительно, отдаленные от материнского языка во времени и пространстве кубанские говоры с украинской языковой основой испытывают мощное влияние русского языка. Осознавая смешанность в своей речи украинских и русских черт, сами носители говоров называют себя *перевёртнями*: *Якы́ ж мы украї́нцы, мы такó... пэрэвэ́ртынь* (ст-ца Ахтанизовская). В селе Ейское Укрепление, говор которого имеет южнорусскую языковую основу в отличие от говоров соседних населенных пунктов Щербиновского района, где бытуют кубанские говоры с украинской языковой основой, записан локализм *пополáшник*: *Я папалáшник: атéц — с Ей-Укряплéния, а матъ с Никалáивки*. Признавая себя *пополáшником*, информант обращает внимание на то, что на его речь повлияли говоры родителей, имеющие разную языковую основу. «Словарь русских народных говоров» приводит однокоренное прилагательное *пополáшный*, зарегистрированное на Дону: '1. Поделенный пополам, на двоих. 2. Смешанный пополам с чем-л.' [Сороколетов (гл. ред.) 1995: 329].

Традиционно местные говоры с украинской языковой основой на Кубани называют *балáчкой*. Слово образовано от общеславянского глагола *балáкать*, который, по мнению Н. М. Шанского, представляет собой суффиксальное производное от *балáка* 'болтун(ья)' (от *бал* 'разговор, болтовня' + суффикс -АК(А)) [Шанский, Боброва 2000; см. также Фасмер 1996: 112]. Существительные *бал*, *балы* и в наши дни известны в других славянских языках и диалектах. В украинском языке *балáкать* означает 'разг. говорить, разговаривать, беседовать; разг. толковать; фам. калякать (с кем-л.); разг. болтать' [Ивакин (ред.) 2004: 19]. В русских говорах слово имеет два значения: '1. Говорить хорошо, толково, правильно (о грамотных людях). 2. Говорить непонятно, неразборчиво' [Филин (гл. ред.) 1966: 70]. На Кубани глагол *балáкать*, помимо 'говорить, болтать', означает также 'говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой'. Беседуя с информантами, мы обратили внимание на то, что во втором (собственно кубанском) значении глагол *балáкать*, как и однокоренные существительные *балáчка*, *балáканье*, обладает разной оценочной характеристикой. Как правило, пренебрежительный оттенок эти слова имеют в кубанских станицах, где складывались кубанские говоры с южнорусской языковой основой. Местная *балáчка* и у жителей черноморских станиц также может ассоциироваться с неграмотной, некультурной речью.

Показательно признание жительницы ст-цы Марьянской Лубенец Н. В., 1940 г. р.: *Мы да́жэ ино́й раз поё́дым у Краснода́р, та́мо бала́каю. Го́споди! Чё ж я бала́каю, на́до ж разгово́ривать*. Однако в большей части отношение к своему диалекту почтительное: *Мы бала́каим, и бу́дэ цэ́й разгово́р, нэ умрэ́* (ст-ца Канеловская). *Я бала́каю. А мне нра́выцца э́тат разгаво́р. Ньюбы́чный. И гара́цкіе инагда́ ф сваі́ слава́ ужэ́ на́шы слава́ фстваля́ють* (ст-ца Медведовская). *Наиш разгово́р, вин са́мый лу́чшы́й* (ст-ца Копанская). Записаны также многочисленные высказывания, в которых носители диалекта с сожалением признают, что молодежь отходит от материнского языка: *Сича́с ужэ́ отпада́е бала́канье. От пі́сни — э́то на́шэ. Стихі́я...* (ст-ца Нововеличковская). *Ді́ты на́шы нэ бала́каю́ть, ужэ́ разгово́риваю́т* (ст-ца Старотитаровская).

Широко распространено в крае наречие *по-хохо́льски(ы)*, означающее 'с выговором, характерным для кубанского говора с украинской языковой основой'. Подчеркнем, что *хохла́ми* в Краснодарском крае называют не украинцев, а коренных кубанцев, говор которых имеет украинскую языковую основу. В аналогичном значении на Кубани широко бытует фразеологизм *хохо́л рі́заний*: *Пиді́ до ді́да Супо́ни, вин роска́жэ, вин жэ́ хохо́л рі́заний, коза́к* (ст-ца Старомышастовская). Словарь «Русский говор Кубани» регистрирует также однокоренной глагол *хохля́ть* 'говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой': *Па́па, ты хоть на лю́дях ни хахля́й* (хут. Александровский) [Шейнина, Тарасенкова (ред.) 1992: 375].

Глаголам *бала́кать* и *хохля́ть* в местных говорах противопоставлены структурные варианты *разговора́ри(ы)вать/разговора́рювать* 'говорить на русском литературном языке, без характерного местного выговора': *А цэ́ як у санато́рии була́: сидю́ за сто́лом и мовчу́. Минé ты́дно: оні́ ж разгово́риваю́т, а я бала́каю* (ст-ца Новомышастовская). *В нас ді́ты то́жэ усі́ разгово́рюваю́ть, а я бала́каю. Я нэ мо́жу вжэ́ по-друго́му* (ст-ца Киевская). *Та та́к жы́ и полу́ча́ицца, шо́ ф шко́ли уну́к разгово́рюе, а до́ма вин бала́кае. Воні́ фсе: и бала́каю́т, и разгово́риваю́т* (ст-ца Сергиевская).

Обращает на себя внимание, что многие информанты, особенно люди старшего поколения, воспринимают русский литературный язык как язык искусственный, манерный и претенциозный. С литературной речью связывается на Кубани произношение звука [г] взрывного образования в отличие от [γ] фрикативного¹, присущего членам данного диалектного сообщества. Отсюда выражения *говори́ть на «г» / разгово́ривать на «г»*

¹ Для носителей кубанских говоров с украинской языковой основой характерно фрикативное γ. Фарингальное h встречается в их речи спорадически (например, в вопросительной частице ha). Добавим, что «впечатления, получаемые от γ и h, поскольку оба они являются фрикативными согласными, довольно близки друг другу, и надо иметь достаточно натренированное ухо, чтобы их различить» [Кузнецов 1960: 34].

‘произносить «г-взрывное»’ (ср. с донским *бить на «г»* в аналогичном значении [Дегтярев (ред.) 2003: 46]). «Литературное» [г] часто вызывает иронию и насмешку у носителей диалекта. Приведем диалог собирателя с информантом: — А какая дразнилка была для тех, кто по-русски разговаривал? — *Ну кацапы. А ищѣ дразнілка така́я былá: гўси гогбчут, гóрот горіт, вс́якая гáдость на «гэ» говоріт. Говоріть на «гэ» — по-ру́сски значит* (ст-ца Гривенская). В этой дразнилке раскрывается образная основа бытующего на Кубани глагола *гоготáть* ‘говорить на русском литературном языке, произносить взрывное [г]’: *Вин* (речь идет о муже) *разгавáривав, с армии прышóв и так вин разгавáривав. А я балáкала, я нэ прывы́кла гáгáтáть* (аул Хатукай).

В кубанских говорах широко бытуют также глагол *што́кать* (ср. с донским *бить на что* [Маслов 2007]) и образованное от него существительное *што́калка*, высмеивающие правильную, литературную речь: *Прыйй́хала што́калка з гóроду, хóдэ тай што́кае* (ст-ца Азовская). Яркая особенность местного произношения, отличающая его от литературной нормы, актуализируется в глаголе *шо́кать* ‘говорить на местном диалекте, с диалектной фонетикой’: *Мы тада́ ни гавары́ли, мы балáкали: шо. Ё́сли хто с пры-е́жжых ста́нит гавары́ть па-ру́сски, мы смия́лись с них: гарацкі́е што́кают, а мы шо́каим, а аны́ што́кают* (ст-ца Копанская).

Между тем сами диалектоносители признают: их говор размывается под влиянием русского литературного языка. Осознание ими этого неизбежного процесса проявляется в бытующих присказках, включающих диалектно-литературные эквиваленты, отражающие смешение кубанских говоров на лексическом уровне и демонстрирующие шутовское отношение к своей смешанной речи: *кажу́ — говорю, лё́зла по лё́стнице — упáла с драбы́ны, ваш топо́р нашу сокы́ру попёр, лентя́й багла́я с кру́чи спихну́л*. Не случайно местные жители называют кубанский диалект, совмещающий украинско-русские черты, *ре́[э]паны́й язы́к*. Показательны и выражения *налома́ть язы́к, переверну́ть язы́к, подхвата́ть язы́к* ‘научиться говорить на русском литературном языке’: *В а́рмии я язы́к наломáл* (ст-ца Ахтанизовская). *Сын па-ру́сски, а я ужэ́ нэ пэ́рэвэрну́ язы́к* (ст-ца Нижегородская). *Я тро́шки у го́ради патхвата́в язы́ка* (ст-ца Бородинская). Значение ‘овладеть русским литературным языком’ актуализируют также глаголы *вы́гавката́сь, переверну́ться, переве́стись*: — Вы балакаете? — *Та нет, мы ужэ́ вы́гавкали́сь* (ст-ца Копанская). *Ді́ты на́шы нэ балáкають, ужэ́ разгавáривают, и мы тро́шки пэ́рэвэрну́лись* (ст-ца Старотитаровская). *Ужэ́ на́шы уну́кы нэ балáкають. А мы нэ пэ́рэвылі́сь ще* (ст-ца Старотитаровская). У глагола *переверну́ться* зафиксировано энантиосемичное значение ‘перейти с разговорного русского литературного языка на местный диалект’: *Тут хахлы́, и я пи́ривирну́лась* (хут. Саньков).

Размывание материнской основы кубанских говоров в разной степени происходит на всех языковых уровнях. Наглядными результатами этого процесса являются слова-«гибриды», включающие в себя русский и украинский аффиксы (происхождение корневой морфемы может быть различным). См., напр.: *поди́укувать* ‘подыскивать’ (русская приставка ПОД- и украинский суффикс -УВА(ТЬ)): *Я стал пати́укувать нивéсту* (ст-ца Бородинская); *раскуштува́ть* ‘распробовать, отведать’ (русская приставка РАС- и украинский суффикс -УВА(ТЬ)): *Ну шо? Раскуштува́лы мий борц? Га́рний?* (ст-ца Новотитаровская); *роска́чивать* (украинская приставка РОС- и русский суффикс -ИВА(ТЬ)): *Сэ́стра́ (йи бу́ло п'ять годі́в) ста́ла ло́тку роска́чивать, и ло́тка пэ́рэви́рну́лась на сэ́рэ́дны рі́чки* (ст-ца Новомалороссийская) и др.

Влияние русского языка проявляется и в том, что носители кубанских говоров с украинской языковой основой параллельно с украинскими активно используют и русифицированные формы. В подтверждение приведем иллюстрации из «Опыта словаря кубанских говоров» [Борисова 2018], записанные в населенных пунктах, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой: *ба́тьки(о)ви́ці́на* ‘1) Родина; 2) наследство’: *На́до на ба́тькиви́ці́ну сэ́зды́ть* (с. Шабельское). *Ха́ту брат про́дал, на́шу ба́тькови́ці́ну* (с. Новопавловка); *пи(о)дсу́лок* ‘судак небольшого размера’: *Ма́лэ́нький су́да́к — це́ пи́дсу́лок* (ст-ца Елизаветинская). *А у́трам адні́ патсу́лки ла́ви́лись* (ст-ца Бородинская); *ро(а)спы́ться* ‘спиться’: *Муш роспы́вся по-стра́шному. А я тырпі́ла. Од дурна́ бу́ла!* (ст-ца Вышестеблиевская). *Мужы́кі распы́лись* (ст-ца Новотитаровская); *свашку(о)ва́ть* ‘быть свашкой на свадьбе’: *Вона́ свашкува́ла у́ їх на сва́йби* (ст-ца Марьянская). *Є́сли я сва́шка, є́сли я ба́русь свашковáть, то я иду́ помога́ть гото́вить* (ст-ца Ясенская); *з(с)ва́жить* ‘взвесить на весах’: *Зва́ш міні́ пилки́ла са́харю* (ст-ца Старомышастовская). *Купы́в колбасы́ в магази́ни, сва́жив до́ма, а вона́ є́го обду́рýла, ста́рого: би́льшы гро́щив взя́ла* (ст-ца Марьянская).

Фонетическая система кубанских говоров с украинской языковой основой, безусловно, подвергается трансформациям под воздействием русского языка. Так, в речи носителей кубанских говоров с украинской языковой основой происходит ослабление позиций оканья в пользу аканья, наблюдаются редукция гласных, переход [э] в [о] под ударением перед твердым согласным, оглушение парных звонких согласных в слабых позициях, отверждение мягкого [ц'] и др. Между тем многие материнские фонетические черты (произношение [и] на месте этимологического ятя, отверждение парных по твердости/мягкости согласных перед гласными переднего ряда, произнесение губно-губного [w] на месте согласного [л] в конце глагольных форм прошедшего времени мужского рода ед. ч.

и др.) проявляют поразительную устойчивость. По характерной местной огласовке можно безошибочно узнать носителя кубанских говоров с украинской языковой основой. Коренные кубанцы шутят: *А шоб прові́рить людýну: хохо́л (куба́нэць) вин чи ни, попроси́ть ёго сказа́ть: «На по́лиці лэжи́ть паляни́ця».*

Грамматическая система кубанских говоров с украинской языковой основой также размывается под влиянием русского языка. Нечастотность, малопродуктивность отдельных грамматических форм приводит к их неизбежному устареванию. Так, архаическими являются украинские окончания существительных дательного и предложного падежей мн. ч. -ОВИ, -ЕВИ, встречающиеся у небольшого круга существительных в речи представителей старшего поколения (к *бра́тови, при ба́тькови, де́дови, сы́нови, на ду́бови, по хлі́бови* и др.). В разряд архаичных перешло характерное для украинского языка чередование заднеязычных согласных звуков [г], [к], [х] со свистящими [з], [ц], [с] в позиции перед [е], [и] в формах существительных дательного и предложного падежей ед. ч., что фиксируется только у пожилых диалектоносителей (к *саба́це, поро́зи, в па́зуси, в Темрю́ці* и др.). В полной мере процесс архаизации коснулся звательной формы, которая спорадически отмечается у одушевленных имен существительных (*Га́лю, ма́мо* и др.).

Однако в большинстве своем грамматические черты обнаруживают заметную стабильность, сосуществуя с русскими литературными вариантами даже в пределах одного высказывания. См., например, флексии -ИВ/-ОВ в существительных родительного падежа мн. ч.: *Як нача́лась сове́чка вла́сть, так йих прыжа́лы: и казаки́в, и чирке́сов* (ст-ца Елизаветинская); [т'] / отсутствие конечного [т] / [т] в окончаниях глаголов 3-го л. изъявительного наклонения: *Чирэда́ прýмо би́жы́т на мэ́нэ: буга́й спэ́рэди и коро́вы. И буча́ть. Буча́т, ну рыву́ть: Бу... Ду́маю: наве́рно волк* (ст-ца Ольгинская). *Му́зыка гра́е, и оца́ пи́сня, так вона́ мине́ шку́ру знима́е: «Хай Русь благо́родна фскипа́е, как волна́»* (ст-ца Бородинская). *Та то́ ж тыля́чи зу́би, враз повыпада́ют, бу́дуть други́, но́ви* (ст-ца Петровская); флексии -ИМО (-ЕМО) / -ИМ (-ЕМ) в формах глагола 1-го л. мн. ч.: *Булó, коро́ву па́сэм, пи́дросткамы, у пи́джмурка гуля́им, мак йи́мо, на дэ́риво ла́зым — клей йи́мо* (ст-ца Дядьковская); формы инфинитива на -ТЬ/-ТЬ: *От пи́шла́ я на горóт тра́ву рва́ты, чу́ю: шось у ро́ти сквозня́к. Ма́ц языко́м — нэма́ зуби́в. Дава́й шука́ть...* (ст-ца Гостагаевская) и др. Яркая грамматическая черта кубанского диалекта — дублетные флексии -АХ/-АМ у существительных мн. ч. с предлогом *ПО* при глаголах любого лексического значения. Окончание -АХ характерно для украинского языка XIX в. и его восточных говоров (в них предложный падеж русского языка соответствует

местному падежу) и отсутствует в русском языке и южнорусском диалекте, в том числе донском. Устойчивость данной флексии подтверждается и ее широким функционированием в кубанских говорах с южнорусской языковой основой, в которых она является заимствованной. Стабильные украинские формы личных местоимений *вин, вона, воно, вони* в речи диалектоносителей могут под воздействием аканья менять свою огласовку ([*вана, вано, ваны*]), а также заменяться русскими местоимениями или перемежаться с ними.

Как и в любом живом языке, изменения в области фонетики и грамматики протекают в кубанских говорах достаточно медленно. Ведущая тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических и фонетических элементов. Однако эти процессы не носят глубинного характера, что способствует относительной устойчивости местных диалектных черт на уровнях фонетики и грамматики.

Что касается диалектного лексического состава кубанских говоров с украинской языковой основой, то он также испытывает влияние русского языка. Показательны выводы, сделанные в 1994 г. ростовским диалектологом Б. Н. Проценко, который провел обследование по комплексной программе первых четырех томов «Лексического атласа русских народных говоров» в ст-це Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Собранные материалы продемонстрировали, что, сохраняя фонетические и морфологические черты, говор этой станицы, имеющий украинскую языковую основу, претерпел колоссальные изменения в области лексики, что проявилось в мощной экспансии русизмов, значительно трансформировавшей словарь [Проценко 1996: 17–19]. Анализ диалектных текстов, запись которых ведется нами с 2005 г., в сравнении с расшифрованными текстами 1970–1980 гг., хранящимися на кафедре современного русского языка Кубанского госуниверситета, демонстрирует сокращение в речи информантов количества лексических единиц материнского языка и их замену общерусскими эквивалентами.

Русификация лексикона носителей кубанских говоров с украинской языковой основой особенно наглядно проявляется в активном использовании украинско-русских синонимов, причем введение русских синонимов в речь может происходить и самопроизвольно, без уточнений модального характера: «у нас так, а у вас так», «это по-хохольски, по-хохлацки», «это по-кубански», «это по-русски». См., напр.: *Хорошо дивчата есть спивають, прям хорошо поють* (хут. Братковский). *Мать на горіице была, а ей што-то подавала на чирдак з дробыны* (ст-ца Елизаветинская). *Пахалы, сёялы, убыралы, молотылы, усэ жэничины работалы, робылы* (ст-ца Новобережанская).

В целом изучение языковой ситуации в кубанских станицах, где исторически складывались говоры с украинской языковой основой, демонстрирует, что на лексическом уровне носители кубанских говоров *от українського у(в)тиклѣ* в силу большей проницаемости и динамичности диалектной лексической системы. В области же фонетики и грамматики эти говоры еще *до русского нэ добѣгли*, поскольку материнские фонетические и грамматические черты проявляют в них заметную устойчивость, сосуществуя с русскими литературными, что наблюдается даже в речи одного диалектоносителя.

Литература

- Бондарь Н. И. Что мы знаем друг о друге? Этнографические очерки о народах Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1990. С. 132–174.
- Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Дегтярев В. И. (ред.). Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.
- Івакін О. П. (ред.). Новый украинско-русский, русско-украинский словарь / відп. за вип. Д. Б. Якунін. Киев: Аконті, 2004. 576 с.
- Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1960. 184 с.
- Маслов В. Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области. Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. 122 с.
- Проценко Б. Н. О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 17–19.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб.: Наука, 1995. 346 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М.–СПб.: Терра – Азбука, 1996. 573 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 315 с.
- Чистов Е. В. (отв. ред.). Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967. 358 с.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 400 с.
- Шейнина Е. П., Тарасенкова Е. Ф. (ред.). Русский говор Кубани: Словарь. Краснодар, 1992 // Деп. в ИНИОН РАН. № 47266. 414 с.

References

- Bondar' N. I. [What do we know about each other? Ethnographic stories about the people of Kuban]. *Kubanskii kraeved. Ezhegodnik*. Krasnodar, Krasnodar Book Publ., 1990, pp. 132–174. (In Russ.)
- Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov*. [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
- Chistov E. V. (resp. ed.). *Kubanskie stanitsy: Etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy na Kubani*. [Kuban villages: Ethnic, cultural and community processes in Kuban]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 358 p.
- Degtyarev V. I. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva*. [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 608 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of Russian: In 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Terra Publ., Azbuka Publ., 1996. 573 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 315 p.
- Ivakin O. P. (ed.). *Novyi ukrainsko-russkii. Russko-ukrainskii slovar'* [New Ukrainian-Russian. Russian-Ukrainian dictionary]. Kiev, Akonit Publ., 2004. 576 p.
- Kuznetsov P. S. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960. 184 p.
- Maslov V. G. *Slovar' govora Dobrinki Uryupinskogo raiona Volgogradskoi oblasti* [Dictionary of a dialect Dobrinki of the Uryupinsk district of the Volgograd region]. Tula, Tula St. Univ. Publ., 2007. 122 p.
- Protsenko B. N. [About the status of steppe Kuban dialects in the Lexical atlas of the Russian national dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)*. 1994 [Lexical atlas of the Russian national dialects (Materials and researches). 1994]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies (RAS) Publ., 1996, pp. 17–19. (In Russ.)
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [School etymological dictionary of Russian]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 400 p.
- Sheinina E. P., Tarasenkova E. F. (ed.). *Russkii govor Kubani: Slovar'* [Russian dialect of Kuban: Dictionary]. Krasnodar, 1992 // Dep. in INIOON RAS, no. 47266, 414 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Vol. 29. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 346 p.

Концепт *один* в русской речевой культуре

Наталья Анатольевна Буре¹, Ольга Васильевна Суханова² Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), nataly.bure@gmail.com¹, ovslr51@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170009246-9

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются средства репрезентации концепта *один* в русскоязычных текстах. Концепт как явление ментального мира может быть репрезентирован словом, словосочетанием, предложением, текстом. Концепт *один* рассматривается сквозь призму общечеловеческой и национально-этнической культуры. Главная концептуальная категория — языковая картина мира. Проблема концептуализации действительности связана и с когнитивными категориями, и с аспектами языка, с его лексико-семантическими ресурсами, с грамматической, частеречной семантикой. Комплексный анализ лексических единиц позволяет устанавливать отношения формы и содержания. Актуализация концептуального содержания языковой единицы определяется когнитивной деятельностью человека, которая связана с инструментом познания — языком. Идея объединения единиц репрезентации концепта *один* с точки зрения их семантики и функционирования в речи реализуется в структурировании поля, в котором центр представляет лексема *один*, а периферию — образованные от нее вторичные слова. Цель исследования — изучить образные значения единиц поля с инвариантом *один*.

Источники материала для анализа: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина, «Малый энциклопедический словарь» (Брокгауз, Ефрон), «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Полный словарь русских рифм. Словарь русских синонимов» Н. Абрамова, «Словарь-справочник

по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов» А. Н. Тихонова, Е. Н. Тихоновой, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова, Национальный корпус русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт, средства репрезентации концепта, концептуальное содержание, структура концепта, полевая структура концепта, центр и периферия концепта, образные средства репрезентации концепта

для цитирования: Буре Н. А., Суханова О. В. Концепт *один* в русской речевой культуре // Русская речь. 2020. № 2. С. 18–30. DOI: 10.31857/S013161170009246-9.

Issues of Modern Russian Language

Concept “One” in Russian Speech Culture

Natalia A. Bure¹, Olga V. Sukhanova², Saint-Petersburg State University
(Russia, Saint-Petersburg), nataly.bure@gmail.com¹, ovslr51@mail.ru²

ABSTRACT: The article analyzes means of representing the concept “one” in Russian texts. Concepts as phenomenon of mental world can be represented by a word, a phrase, a sentence or a text. Concept “one” is considered through the prism of the universal and national-ethnic culture. The main conceptual category is the linguistic picture of the world. The conceptualization of the reality is associated with cognitive categories and language aspects, its lexical and semantic resources, grammatical semantics and semantics of speech parts. Complex analysis of lexical units allows to establish relations between the form and the content. Actualization of the conceptual content of the language unit is determined by personal cognitive activity associated with the language as a knowledge instrument. The idea of combining the representation units of the concept “one”, based on their semantics and

functioning in speech, is implemented in the structuring of the field. The center of the field is represented by the lexical unit “one”, while its periphery — by the secondary words derived from it.

The research is aimed at studying the figurative meanings of the field units with invariant “one”.

Sources for the study material: Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dal, English-Russian Phraseological Dictionary by A. V. Kunin, Small Encyclopedic Dictionary, Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov, Comprehensive Dictionary of Russian Rhymes. Dictionary of Russian Synonyms by N. Abramov, Reference Dictionary of the Russian Language: Spelling, Pronunciation, Stress, Word Formation, Morphemics, Grammar, Word-Usage Frequency by A. N. Tikhonov and E. N. Tikhonova, Etymological Dictionary of the Russian language by M. Fasmer, Phraseological Dictionary of the Russian language by A. I. Molotkova, Russian National Corpus.

KEYWORDS: concept, concept representation means, conceptual content, concept structure, field structure of concept, concept center and periphery, figurative means of concept representation

FOR CITATION: Bure N. A., Sukhanova O. V. Concept “One” in Russian Speech Culture. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 18–30. DOI: 10.31857/S013161170009246-9.

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.*

Н. Гумилев

Язык каждой культуры обладает своими особенностями. Язык культуры непереводим адекватно на иной язык. В начале XX в. Л. В. Щерба писал: один и тот же мир «постигается различным образом в различных языках...» [Щерба 1958: 49]. С интеллектуальной деятельностью человека связаны концепты как маркеры духовно-нравственных ценностей культуры. Концепты обеспечивают хранение информации, ее воспроизведение. По замечанию Ю. С. Степанова, «концепт — это как бы сгусток

культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40].

Концепт *один* входит в концептум *число*. Рассматривая лексические прототипы (средства репрезентации концептума *число*), А. Вежбицкая предложила назвать лексические прототипы *числа* не производным от него словом *числительные*, а отнесла эти прототипы к классу «кванторных слов» [Вежбицкая 1999: 153]. Концепт противопоставлен концептуму: «...термин “концепт” оправдан в описании современного понимания концептума, термин “концептум” удачно укладывается в историческое описание концепта», — замечает В. В. Колесов [Колесов 2019: 434].

В традиционной русской культуре, как и в культурах других народов, число *один* обозначало единую силу Бога. «Число и счет были сакрализованными средствами» [Топоров 1980: 52]. Число *один* в Священном писании несет богословскую нагрузку (библейская нумерология): Бог — один и один: *Господь один праведен. Одно стадо и один пастырь. Один Господь, одна вера, одно крещение. Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба*. Имя концепта *один* не только элемент лексико-семантической системы русского языка, но и культуры, истории, быта русского народа. За каждым именем отвлеченного в современном понимании знака свой миф, своя история [Приемышева 1999: 224].

Концепт как явление ментального мира может быть репрезентирован словом, словосочетанием, предложением, текстом. В языке каждого народа отражается мир — формируется языковая картина мира. Языковая картина мира — это особенности культуры, особенности жизни общества. В словаре А. В. Кунина английское выражение *be at one (with smb.)* на русском языке будет звучать так: *придерживаться одного мнения, быть заодно* (быть не *одним*, а быть с кем-то одинаковым): *They are at one in believing that this is the best course to follow* = *Они единодушно считают, что лучше всего придерживаться этой линии поведения* [Кунин 1984: 905].

Выделение семантических полей может основываться на объединении нескольких классов (групп) единиц, если у каждой из этих единиц имя содержит признак, свидетельствующий об их общности. Приведем доказательства того, что лексико-семантические средства репрезентации концепта *один* организованы полевой структурой со своим центром и периферией. Центральными (в других терминах: ядерными, мотивационными) могут быть слова, мотивированные лексемой [Сембирцева 2013: 231]. Производные от этих слов представляют периферию.

Имя концепта *один* — слово с количественной семантикой — целое число между нулем и двумя. Этимология слова *один* восходит к древнерусскому *одинѣ, одина*; в праславянском — **edinъ, *edina* (путем сложения **ed* и **inъ* (ср. иной)). *Единый*, заимствовано из церковнославянского, вместо русского *один* [Фасмер]. Ср. *Все до одного (до единого)* — все без исключения, полностью; *одним (единым) духом* (разг.) — сразу, за один прием. Прослеживается отстояние, цепочка в имени концепта: центр (точка отсчета) — *один*, чуть дальше центра — *един (как один)*. По Аристотелю, *единое* — это все то, что не имеет материи и не допускает деления. В «Малом энциклопедическом словаре» *один* — верховный бог, устроитель мира и законодатель [Брокгауз, Ефрон 1997: 396]. Такое же отстояние лексико-семантических единиц как средств репрезентации концепта *один* обнаруживаем в словаре Даля.

Центр: по определению В. И. Даля, *один м. одна, одно мн. одни, одне* — сам, единичный, единый, сам по себе, без дружки или ровня; единица счетом [Даль 1979: 650]. Устаревшая форма множественного числа *одне* употреблялась по отношению к объектам женского рода. *Одинѣ и у каши загинетѣ (сирота)*.

Периферия — родственные слова: *одиный, единый, единственный; оди-ножды, одинѣ разѣ; одинецѣ*, чему нет ровни, единственный; *одинакѣ и одиначка*, одиночка сын либо дочь; *одиначка*, одинакая вещь, человек без пары; *одиначить*, быть заодно; *одинокѣ*, холостой, неженатый или вдовый; *одиннадцать*, съ однимѣ десять.

Слово *один* морфологически — количественное числительное; в отличие от других количественных числительных имеет грамматические значения прилагательного (согласуемые род, число, падеж); склоняется, как прилагательное, в единственном числе. И. п. од-ин (ср. пап-ин). Р. п. одн-ого (ср. стар-ого). Д. п. одн-ому (ср. стар-ому). В. п. од-ин или одн-ого. Т. п. одн-им (ср. стар-ым). П. п. об одн-ом (ср. стар-ом).

Обратимся к лексической единице *один*, представленной в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов 1989: 443] и Национальном корпусе русского языка. Слово *один* в русском языке употребляется в нескольких значениях: 1. Число, цифра, количество 1. 2. В знач. прил. Без других. *Один в поле не воин. Выхожу один я на дорогу; // Сквозь туман кремнистый путь блестит.* М. Ю. Лермонтов, «Выхожу один я на дорогу...», 1841 г. 3. В знач. прил. Одинокий. *У меня нет семьи. Я один.* 4. В знач. мест. неопр. Какой-то. *В один прекрасный день.* 5. В знач. мест. определит. Тот же самый. *Снится ему один и тот же сон.* 6. В знач. мест. определит. Только. *От тебя одни неприятности.* 7. В знач. мест. определит. Какой-нибудь из сходных. *И помню я одну из них: // Она приветливей других // Ко мне ласкалась.*

М. Ю. Лермонтов, «Мцыри», 1838–1839 г. **8.** В знач. прил. ед. Единый, целый. *Одна радость в глазу* (единственное утешение). **9.** В знач. прил. Единственный. *Стишки для вас одна забава*. А. С. Пушкин, «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824 г. **10.** В знач. сущ. первый или каждый из числа однородных предметов, лиц и т. д. *Один за всех, все за одного!* **11.** Разг. В знач. мест. Некто, кто-то. *Приходил тут один.*

В исследовании М. Н. Приемышевой установлено, что количественное значение данного слова оказывается наименее реализуемым в языке [Приемышева 1999: 78, 135]. Ср.: *одинокий*, см. *один*, *отдельный* и *удиняться*. *Один как перст (как черт на болоте, как солнце на небе)*, *один, что маков цвет* — жить уединенно, в одиночестве, особняком, вести уединенную, одинокую, отшельническую жизнь [Абрамов (сост.) 1996: 253]. Другими словами, в русской речи слова с количественным значением слова *один* уступают по частотности употребления другим средствам репрезентации концепта *один*.

Словообразовательные отношения демонстрируют распределение лексических средств репрезентации концепта *один*. Центр: *один, одна, одно, одни*. Периферия: *одинаково, одинаковый, одинокий, одиноко, одиночество, однажды*. На границе поля: *одновременно, одновременный, одnogодок, одноклассник, однокурсник, однообразие, односторонний, однофамилец* [Тихонов 1996: 364].

В фигурах речи к количественной семантике лексических единиц добавляется экспрессивно-эмоциональное значение (за счет реализации экспрессивно-эмоциональной функции). Например, имена числительные могут использоваться в приемах речи, основанных на контрасте (контекстуальная антонимия): *За **один** час можно все понять. А тут **два** дня и **две** ночи. **Сорок восемь** часов.* Токарева. Другой пример, где «повторение числительного *один* (с **одним** глазом, **одним** легким “уменьшает” количество *один*: Он вообще многого не замечал раньше, как будто жил с **одним** глазом и дышал **одним** легким. А сегодня он вдыхал полной грудью и смотрел во все глаза. И это оказалось в два раза лучше, чем прежде. Токарева» [Ким 2008: 39].

По мнению Брусенской, «количественные числительные обеспечивают предметную точность слова. Понятийная же точность часто создается именно употреблением числовых форм имени в определенных значениях»: «Взводный, которого я искренне уважал за ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться». Г. Жуков. Единственное число уточняет мысль (вообще рядовой армии) [Брусенская 1994: 28].

Числительные и сочетания с ними обладают значительным стилистическим потенциалом; играют важную роль в создании различных средств

выразительности [Ким 2008: 37]. Но рассмотрение стилистических функций числительных возможно только в сочетании с числительными «контекстных партнеров»: *Один за другим они вышли из комнаты.*

Фразеологизмы со словом *один* также могут быть однозначными и многозначными. Центр поля фразеологических средств, репрезентирующих концепт *один*, — фразеологизмы, содержащие сему «единичности». Периферия: фразеологизмы с семой «одинаковости», «однозначности».

Опираясь на материалы «Словаря фразеологических синонимов русского языка» [Жуков, Сидоренко, Шкляр 1987: 264–265] и «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молоткова [Молотков 2006: 295], заметим, что многозначные фразеологизмы чаще всего имеют по два значения.

Один на один. Один на один с самим собой. 1. Наедине, без свидетелей, без посторонних. *Старший сын относился к матери с брезгливым сожалением, избегал оставаться с нею один на один.* М. Горький. 2. Без союзников, помощников, единомышленников. *Евграф Павлыч любил Федьку и всегда брал с собой на медвежью охоту: с рогатиной в руках Федька ходил на медведя один на один.* Мамин-Сибиряк.

В один голос. 1. Все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать). 2. Единодушно, единогласно (утверждать, повторять).

Всё одно (едино). 1. Одинаково, безразлично. 2. В любом случае, при любых условиях.

Интересно, что выражения *всё одно (едино)* и *всё одно (едино) что* омонимичны. Ср. *Всё одно (едино) что.* Как если бы, словно бы. *Хотел, да не отдал, так это всё одно, что ничего.* А. Н. Островский. Гроза, 1860 г. [Национальный корпус русского языка].

Фразеологические обороты *одно в одно; одно к одному*, устар. Заодно уж, все равно; о ряде событий, обычно о каких-либо неприятностях, следующих одно за другим.

Сравним с *одно к одному (один в один)* в ряду *один к одному / одна к одной* (в значении наречия и в функции сказуемого). Употребляется уже в другом значении — об одинаковых, абсолютно похожих объектах (обычно с положительной оценкой).

Значение фразеологизмов со словом *один (одна)* часто определяется с помощью сочетания с наречием меры и степени *очень*, например: *один шаг* (очень близко); *один-два и обчелся*; *на один зуб* (очень мало); *как одна минута* (очень быстро); *как одна копейка* (очень точно); *одна кожа да кости* (очень худой).

Образные выражения вступают между собой в синонимические отношения (имеют различительные признаки содержательного и (или) образного характера, разную внутреннюю форму), например, *одним (единым) махом* (разг.); *с одного маху* (разг.); *одним (единым) духом* (разг.); *в (за) один присест* (разг.) при общем значении 'сразу, в один прием'. Эти фразеологические единицы образуют синонимическую цепочку с выражениями *как одна минута*; *одна нога здесь, другая там, на одной ноге* при общем значении 'очень быстро, молниеносно'. Фразеологические синонимы первого и второго типа отличаются по степени выраженности временной характеристики действия: действие, характеризующееся фразеологическими единицами второго типа, происходит гораздо быстрее, т. е. действие интенсивнее, чем действия, которые характеризуются фразеологическими синонимами (фразеологическими единицами первого типа).

Обратимся к фразеологическим синонимам, объединенным значением 'одинаковый'. По этому признаку можно «распределять» оценку действий и сами сравниваемые объекты. Распределить по степени выраженности признака 'одинаковый' можно следующим образом:

- 1) *Мерить на один аршин; стричь под одну гребенку* ('подходить к оценке одинаково'; степень выявленных качеств не определяется).
- 2) *Одного покроя, на один покрой; одного поля ягодки (ягодка); одним миром мазаны* ('чем-то похожи'; выявляются похожие качества объектов).

Одного поля ягодка (ягода); одним миром мазаны — 'похожи друг на друга' обычно по своим качествам, средствам, положению; стоят друг друга. Обратим внимание, что эти фразеологизмы употребляются с осуждением. Имеется в виду, что лица обладают одними и теми же недостатками, слабостями, негативными чертами характера.

- 3) *Подгонять под один колер; один к одному; один в один, один в одного* (определяются 'совершенно одинаковые' качества объектов). *Из одного (и того же) теста* — 'схожий с другим', обычно по образу жизни, характеру, взглядам.

К стилистическим синонимам можно отнести *на одно лицо* и прост. *на одну колодку*. Очень похожи друг на друга, лишены индивидуальных отличий.

В одно слово разг. и *в одну дуду дудеть* прост. 1. Одновременно, вместе (сказать, подумать). О словах и мыслях, которые сказаны или возникли одновременно у нескольких лиц. 2. Говорить, утверждать, повторять одно и то же, обычно настойчиво.

Фразеологизмы могут быть абсолютными синонимами (дублетами):

*Одному (единому) богу (аллаху) известно, ведомо; один бог (аллах) знает, ведает, устар., разг., иногда шутл. Употребляется в значении вводного словосочетания или в качестве главного предложения. Никому не известно, никто не знает. На дядюшку надеешься? Так выйдет ли он из полону, нет ли, **одному богу** известно. Мельников-Печерский. Сквозь землю не видно, на каков грунт попадешь: **единому богу** известно. Мельников-Печерский.*

Ни один черт; ни одна собака, прост. Абсолютно никто.

Фразеологизмы со словом *один* могут находиться в отношении семантического противопоставления. Например:

*Валить в одну кучу — путать, **смешивать без разбора, несмотря на различия, разнородность.***

*Приводить к одному знаменателю — **уничтожать различия.***

Варианты фразеологизмов фиксируют различное грамматическое значение компонентов в их составе, например:

- 1) *как одна копейка* и *как одну копейку*. Это варианты фразеологизма, объединенные общим значением 'совершенно точно; ни больше, ни меньше'.
- 2) *одним словом* и *одно слово* (устар.). Варианты фразеологизма со значением 'короче говоря'.
- 3) с оттенками значения: *хоть одним глазком* 'мельком — один раз — посмотреть, взглянуть на кого-л. или что-л.' — *одним глазом* (между делом — в процессе — наблюдать, присматривать, следить за чем-либо или кем-либо'.

На фоне межстилевых фразеологизмов со словом *один* выделяются разговорные и просторечные выражения [Молотков 2006: 295]:

Одной левой сделать. Легко, запросто, без усилий победить, справиться.

Не пропустить ни одной юбки. Быть неразборчивым в отношении с женщинами.

Не один ли черт? (не все ли равно, какая разница?).

Один черт 1. Совершенно безразлично. 2. Одинаково, равнозначно.

Сорок одно с кисточкой — шутливо-фамильярное приветствие при встрече.

По мнению Приемышевой, слово *один* является синкретичной морфолого-синтаксической единицей, призванной выражать различные оттенки

категории единичности [Приемышева 1999: 138–139], метко и образно характеризую нашу действительность.

Нам не нравятся люди, у которых *одна извилина (да и то — след от фуражки)*. Неоспорима истина — *муж и жена — одна сатана*. Хорошо жить *одним домом* (вместе, сообща вести хозяйство). Нам неприятна неравная борьба — *игра в одни ворота*. Неправильно и несправедливо *оставлять (кого-либо) в одной рубашке* — без средств существования, в крайней нужде и кричать вслед: «*Чтоб ты жил на одну зарплату!*» Полезно для нашей жизни *сесть за один стол*, начать переговоры, чтобы прийти к соглашению.

Фраза *один за всех и все за одного*, которая возникла еще в древние времена, до сих пор актуальна. Такой фразой поднимали дух воинов перед сражением. И это верно — вместе сподручнее делать общее дело.

История развития языка — это формирование единиц разной степени обобщенности, с разным набором признаков. С языковой картиной мира связана основная функция языка — функция «фиксации и накопления в его семантике общественно значимого опыта» [Верещагин, Костомаров 1982: 92].

Литература

- Абрамов Н. (сост.). Полный словарь русских рифм. Словарь русских синонимов. М.: Терра, 1996. 333 с.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Репринт. воспроизведение изд. Т. 3. М.: Терра, 1997. 560 с.
- Брусненская Л. А. Семантические и функциональные аспекты интерпретации категории числа в русском языке: авт. дис. докт. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1997. 43 с.
- Вежбицкая А. Семантические и лексические универсалии // Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 140–170.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. 182 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1979. 779 с.
- Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. 448 с.
- Ким Н. М. Использование имен числительных в фигурах речи // Вестник Таганрогского педагогического института им. А. П. Чехова. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. № 1. С. 37–40.

- Колесов В. В. Основы концептологии. Санкт-Петербург: Златоуст, 2019. 776 с.
- Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
- Молотков А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ, 2006. 512 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.10.2019).
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 796 с.
- Приемышева М. Н. Количественные числительные в современном русском языке: Семантика и функционирование: дис. ... канд. филол. наук / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург, 1999. 240 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kolichestvennye-chislitelnye-v-sovremennom-russkom-yazyke-semantika-i-funktsionirovanie#ixzz5HY1Kjxe> (дата обращения: 01.10.2019).
- Сембирицева В. П. Мотивационные поля в современном русском языке // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Вып. 6. Москва, Архангельск, 2013. С. 229–235.
- Степанов Ю. Концепт // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.
- Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А. Словарь-справочник по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. М.: Цитадель, 1996. 703 с.
- Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 3–58.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 01.11.2019).
- Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye (дата обращения: 01.11.2019).

References

- Abramov N. (comp). *Polnyi slovar' russkikh rifm. Slovar' russkikh sinonimov* [Comprehensive dictionary of Russian rhymes. Dictionary of Russian synonyms]. Moscow, Terra Publ., 1996. 333 p.
- Brokgauz F. A., Efron I. A. *Malyi ehntsiklopedicheskii slovar': v 4 t.* [Small encyclopedic dictionary: in 4 vols.]. Vol. 3. Moscow, Terra Publ., 1997. 560 p.
- Brunenskaya L. A. *Semanticheskie i funktsional'nye aspekty interpretatsii kategorii chisla v russkom yazyke*. Avt. dis. ... dokt. filol. nauk [Semantic and functional aspects of the number category interpretation in the Russian language. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Krasnodar, 1997. 43 p.

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1979. 779 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: <https://vasmer.lexicography.online> (accessed: 01.11.2019).
- Kim N. M. [The use of numerals in speech figures]. *Vestnik Taganrogskogo pedagogicheskogo instituta im. A. P. Chekhova. Ser. "Gumanitarnye nauki"*. [Bulletin of the Chekhov Taganrog Pedagogical Institute. Series "Humanities"], 2008, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.)
- Kolesov V. V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 2019. 776 p.
- Kunin A. V. *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984. 944 p.
- Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2006. 512 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 01.10.2019).
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 796 p.
- Priemysheva M. N. *Kolichestvennye chislitel'nye v sovremennom russkom yazyke: Semantika i funktsionirovanie*. Dis.... kand. filol. nauk [Quantitative numerals in Modern Russian language: Semantics and functioning. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/kolichestvennye-chislitelnye-v-sovremennom-russkom-yazyke-semantika-i-funktsionirovanie#ixzz5HY1Kjxe> (accessed: 01.10.2019).
- Sembirtseva V. P. [Motivational fields in the Modern Russian language]. *Problemy kontseptualizatsii deistvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoi kartiny mira* [Problems of reality conceptualization and modeling the linguistic picture of the world]. Issue 6. Moscow, Arkhangel'sk, 2013, pp. 229–235. (In Russ.)
- Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol. 1. Available at: https://elib.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye (accessed: 01.11.2019).
- Stepanov Yu. S. [Concept]. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997, pp. 40–76. (In Russ.)
- Tikhonov A. N., Tikhonova E. N., Tikhonov S. A. *Slovar'-spravochnik po russkomu yazyku: Pravopisanie, proiznoshenie, udarenie, slovoobrazovanie, morfemika, grammatika, chastota upotrebleniya slov* [Reference dictionary of the Russian language: Spelling, pronunciation, accent, word formation, morphemics, grammar, word-usage frequency]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1996. 703 p.
- Toporov V. N. [On numerical models in archaic texts]. *Struktura teksta* [Text structure]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 3–58. (In Russ.)

- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. [National and cultural semantics of Russian phraseological units]. *Slovari i lingvostranovedenie* [Dictionaries and linguistic and cultural studies]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982. 182 p.
- Vezhbitskaya A. [Semantic and lexical universals]. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1999, pp. 140–170. (In Russ.)
- Zhukov V. P., Sidorenko M. I., Shklyarov V. T. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 448 p.

О роли и функциях медиаречи в современной орфоэпической ситуации

Ирина Андреевна Вещикова, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), irinavmgu@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170009247-0

АННОТАЦИЯ: В статье обсуждается круг вопросов, касающийся речевой (орфоэпической) культуры в современной языковой ситуации. Для этого в работе рассматриваются объем и содержание разных видов норм — литературной произносительной нормы и произносительного медиастандарта, а также сходство и отличия разных типов орфоэпических словарей — академических и профессионально ориентированных. Проведенное исследование говорит о том, что отношения литературной нормы и медиастандарта исторически изменчивы. Приметой языковой ситуации текущего момента является экспансия теле- и радиоречи как сферы бытования современного русского литературного языка. Выдвижение ее на первый план объясняется двумя причинами — переходом культуры от литературоцентризма к медиацентризму и перестройкой внутри системы СМИ. Анализ языковой, научной и ортологической ситуации показывает, что наиболее существенным и заметным образом наблюдаемые преобразования затронули три момента. Во-первых, медиатексты на уровне орфоэпии стали изучать в плане реальной модальности. Во-вторых, устные СМИ вошли в круг нормообразующих источников. В-третьих, в последние десятилетия наибольшее воздействие на литературную норму и на языковое сознание носителей языка оказывает именно практика телевизионных массмедиа. Эти обстоятельства обязывают заботиться о просвещении и повышении уровня произносительной культуры всех тех, кто связан

с участием в общественно значимой коммуникации и занимается преподаванием русского языка разным контингентам учащихся.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературная произносительная норма, произносительный медиастандарт, медиаречь, орфоэпическое знание, академические словари, профессионально ориентированные словари, функциональная подсистема, устные СМИ

для цитирования: И. А. Вещикова. О роли и функциях медиаречи в современной орфоэпической ситуации // Русская речь. 2020. № 2. С. 31–43. DOI: 10.31857/S013161170009247-0.

Issues of Modern Russian Language

On the Role and Functions of Media Speech and Its Orthoepic Aspect in the Modern Linguistic Situation

Irina A. Veschikova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), irinavmgu@gmail.com

ABSTRACT: The author discusses a range of issues concerning orthoepic culture in the current language situation. The article considers not only the scope and content of different kinds of norms — the literary orthoepic norm and the media orthoepic norm, but also similarities and differences of various kinds of orthoepic dictionaries — academic and specialized dictionaries. The research indicates that relations between the literary norm and the media norm have varied throughout history. The sign of the current language situation is the expansion of TV and radio discourse as a sphere of modern literary Russian language. Its predominance has two main reasons — transition of the culture from “literature centrism” to “mediacentrism” and restructuring of the media system. The analysis of linguistic, scientific and orthological situation shows that the witnessed transformations mainly concern three points. Firstly, nowadays orthoepy of media texts is explored

in terms of real modality. Secondly, the oral media has become one of the overall standard-setting sources. Thirdly, in recent decades the ways of orthoepic influence have change dramatically. According to our research, TV media practice has the greatest impact on both literary norm and language consciousness of native speakers. This fact obliges people who participate in socially significant communication and teach Russian language to different kinds of students to take care of their education and to raise their level of the orthoepic culture.

KEYWORDS: literary orthoepic norm, media orthoepic norm, media speech, orthoepic knowledge, academic dictionaries, specialized dictionaries, functional subsystem, media

FOR CITATION: Veschikova I. A. On the Role and Functions of Media Speech and Its Orthoepic Aspect in the Modern Linguistic Situation. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 31–43. DOI: 10.31857/S013161170009247-0.

*«В каждую эпоху развития литературного языка задают тон
определенные речевые жанры»*

[Бахтин 1979: 243].

Устные СМИ в современной языковой ситуации

Обсуждение проблематики, связанной с культурой произношения в языке текущего момента, целесообразно начать с введения понятий *литературное произношение и функциональные системы*, к числу которых М. В. Панов относил сценическую речь и теле- и радиоречь. Определяя литературное произношение, следует помнить, что оно существует в противопоставлении диалектному и просторечному и представляет собрание правил, обязательных для данного языкового коллектива в конкретный временной период. Рассматривая «сценическую речь как особую функциональную систему», фонетисты отмечают, что она «обладает рядом специфических черт, которые определяются условиями и задачами ее функционирования, а также особым ее положением в обществе, в национальной культуре» [Кузьмина 1986: 5]. Говоря о «слове в эфире», специалисты ставят акцент на том, что «радио и телевидение являются основными пропагандистами культуры устной речи» [Агеенко, Зарва 1960: 3]. Следовательно, эти функциональные системы роднит признание за ними особой общественно-коммуникативной значимости, хотя нельзя не учитывать, что в разные периоды жизни языка их роль и характер взаимодействия с литературной нормой могут меняться. Общее направ-

ление их исторической динамики в последние десятилетия заключается в том, что «к концу столетия (XX в. — *И. В.*) язык художественной литературы утрачивает нормотворческую значимость. Восприимчиком этой функции становится язык медиальных средств, причем прежде всего СМИ устных» [Немищенко 2001: 100]. Разумеется, в основе таких перестановок лежали определенные причины. Решающими в этом процессе мы полагаем две. Одна касается «острой борьбы литературоцентризма с медиацентризмом, которая идет в современной русской культуре» и логику которой ученые выстраивают так: «В XIX в. классическая русская литература соседствовала с сильными и влиятельными художественными “конкурентами” — театром, музыкальной драмой и живописью — и в соревновании, подчас даже борьбе с ними, вышла “победительницей”, утвердив свой приоритет в форме литературоцентризма. В конце XX — начале XXI в. русская литература встретила с не менее могущественными “оппонентами”, представляющими визуальность и аудиальность современной медиакультуры, — телевидением, радио, видео, Интернетом, мультимедийными проектами» [Кондаков 2008: 41]. Второй причиной можно считать «изменение взаимоотношений между различными СМИ» и, в частности, то, что одним «из важных последствий, которое невозможно было в свое время предвидеть, является влияние телевидения на совокупность деятельности по производству культурной продукции, в том числе в области науки и искусства» [Бурдые 2002: 53]. Исходя из сказанного, наша цель — понять направления преобразования функций и возможностей медиаорфоэпии.

Виды норм и типы орфоэпически ориентированных словарей

Выдвижение на первый план медиатекстов диктует сосредоточиться на двух категориях — литературной произносительной норме и медиа-стандарте. Описанию первой посвящены академические словари [Еськова (ред.) 1983/2015; Каленчук и др. 2012/2017], систематизирующие сведения о произношении и ударении, владение которыми «демонстрирует приобщенность индивида не к тому или иному социуму — хотя бы и достаточно авторитетному, — а к культуре» [Успенский 2002: 13–14]; характеристике второй — профессионально ориентированные словари [Агеенко, Зарва 1960/2000; Зарва 2001; Агеенко 2011; Штудинер 2016], задающие установки и рекомендации для работников радио и телевидения. Главное в содержании литературной нормы — признание и кодификация вариантов; отличительная черта медиастандарта — возведение в ранг нормативного лишь одного из сосуществующих вариантов. То, что один из профессионально ориентированных словарей — «Сло-

варь трудностей русского языка для работников СМИ» (до 2016 г. имел название «Словарь образцового русского ударения») — фиксирует буд-то бы равноправные варианты, ничего по сути не меняет, поскольку, с одной стороны, неравноправные варианты в нем не указываются, вследствие чего описание не может претендовать на отражение литературной произносительной нормы, с другой — для медийного цеха рекомендуется только один вариант, даваемый в нем «на первом месте» [Штудинер 2016: 4].

Для наглядности приведем примеры словарных статей, структура которых отражает водораздел между медиастандартом и литературной нормой. Это приходится иметь в виду, поскольку в современном литературном языке существует немалая по объему группа слов, имеющих орфоэпические варианты.

[Еськова (ред.) 2015]	[Каленчук и др. 2017]	[Зарва 2001]	[Штудинер 2016]
бомонд [факульт. бо]	б[о]монд и допуст. [а]	бомонд [бо]	бомонд [бо и ба]
предл. ₂ в сетИ и в СЕти	в сЕти и в сетИ	в сЕти	в сЕти и в сетИ
фольклор [лѐ и допуст. ло]	фоль[кл]ор и [кл']	фольк[ло]р	фольклор [лѐ и ло]
заялся и допуст. заялся	заялся и заялся	заялся	заялся
вин. рЕку и рекУ	рЕку и допуст. рекУ	рЕку	рЕку
крем [рэ и ре]	[кр'е]м ! не рек. [рэ]	крем [не рэ]	крем [не рэ]
вин. пОлосу и полосУ	вин. пОлосу и полосУ	полосУ	полосУ и пОлосу
обеспЕчение и допуст. обеспечЕние	обеспЕчение ! не рек. обеспечЕние	обеспЕчение [не обеспечЕние]	обеспЕчение [не обеспечЕние]
проданА и допуст. прОдана	проданА и допуст. прОдана	проданА	проданА и прОдана

В качестве дополнения к таблице стоит упомянуть о том, что широко обсуждаемый вариант *обеспечЕние* кодифицирован как «Толковым словарем русского языка с включением сведений о происхождении слов» (2007), подготовленным в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН Н. Ю. Шведовой, Л. В. Куркиной, Л. П. Крысиным, так и научно-информационным орфографическим академическим ресурсом «АКАДЕМОС» того же института.

Размышляя над утверждением об «особой роли» радио и телевидения как «пропагандистов образцового произношения», невозможно миновать вопрос о том, каким образом медиастандарт, сдерживающий употребление вариантов, исполняет возложенную на него задачу быть проводником литературной нормы, которой, как указывалось, свойственно их наличие. Такая противоречивость не ускользнула от внимания представителей академической науки, которые довольно резко высказываются по поводу решений и установок профессионально ориентированных словарей:

- «“отказ” от одного из вариантов (для чего не может существовать объективного критерия) означает искусственное вмешательство в живой язык» [Еськова 2004: 275];
- «авторы этого словаря исходят из странной предпосылки, что в звучащих текстах по радио, на телевидении — варианты недопустимы. Они дают в словаре как единственно правильное ударение *одноврЕменно*. Значит, *одновремЕнно* — неправильно. Я уж не говорю о том, что в данном случае из двух практически равноправных вариантов выбран менее употребительный... В этом словаре вообще не допускаются варианты ударения: по рекомендации авторов, можно сказать *важнЫ*, но нельзя говорить *вАжны*, можно сказать только *бЫстры*, *кОротки*, но нельзя — *быстрЫ*, *короткИ*...» [Лопатин 2003].

Опуская содержательно близкие суждения других ученых, напомним, что приведенное научное представление, за которым стоят основательные исследования, восходит к основоположникам орфоэпии, считавшим, что «полная унификация произносительной системы невозможна, и едва ли ее следует добиваться. Язык есть явление развивающееся, и в каждую данную эпоху в нем сосуществуют явления развивающиеся и явления отмирающие, сосуществующие варианты, различные по своей возрастной и социальной принадлежности, по своей стилистической окраске» [Аванесов 1984: 6].

Еще одно «замечание» связано с именованием специализированных изданий, а именно с тем, что изменение заголовка «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (так назывались первые шесть

изданий) «совершенно недопустимо» по той простой причине, что «новое название “Словарь ударений русского языка” (так именуются последние два издания. — И. В.) снимает ограничение адресата», превращает его «в равноправного “конкурента” академического орфоэпического словаря. До изменения названия было ясно, каково соотношение между орфоэпическим словарем — основным и наиболее авторитетным источником — и словарем, рекомендующим норму, предназначенную для “озвучивания” средствами массовой коммуникации. Теперь это соотношение нарушено» [Еськова 2004: 276]. К сожалению, создатели этих описаний не откликаются на критику, не мотивируют отобранные для эфира варианты и основания для исключения из заглавия слов «для работников радио и телевидения».

Функции медиаорфоэпии в разные произносительные эпохи

Кратко охарактеризуем особенности взаимодействия литературной нормы и медиастандарта в разные произносительные эпохи. В советское время «слово в эфире» было прежде всего областью практической деятельности и оставалось вне сферы интересов академической науки. При этом СМИ, именуемые «четвертой властью», не обладали в тот момент властью ни в процессе кодификационных (пере)оценок орфоэпических вариантов, ни в формировании языкового вкуса и речевой компетенции социума. Об этом можно судить, полагаясь на два авторитетных источника. Так, проведенное в 1960-е гг. массовое социолингвистическое обследование выявило, что «влияние радио на произношение в целом сказывается слабо» [Крысин (ред.) 1974: 121]. Это означает, что «по диапазону охвата фонетических явлений» и «по силе воздействия на фонетические явления» СМИ в лице радио уступали место таким социальным признакам, как место рождения и наиболее длительного проживания, возраст, социальное положение, семейное влияние, образование [Крысин (ред.) 1974: 117]. Кроме того, в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (1-е изд. — 1950, 6-е — 1984) нет параграфа об орфоэпии СМИ, но наличествует параграф о сценической речи. Можно предположить, что в доперестроечный период телерадиоречь либо не имела яркой специфики, либо не играла большой роли.

Важным рубежом в истории отношений изучаемых величин стал период начала перестройки. В середине 1980-х гг. орфоэпическая ситуация (языковая, научная, ортологическая) начала стремительно развиваться, вероятно, отреагировав на изменение роли и места устных СМИ в постсоветском культурном пространстве. Похоже, что наиболее существенным и заметным образом преобразования затронули три пункта (момента).

Во-первых, наконец-то фонетику медиатекстов (как ранее сценическое произношение) стали рассматривать не только с точки зрения предъявляемых к ней «идеальных требований» (выражение Аванесова), но в плане принципов ее реального устройства в разные исторические периоды [Лаптева 2000, Вещикова 2019].

Во-вторых, как только устные СМИ попали в орбиту исследований, они сразу были включены в круг источников для выявления активных процессов в области произношения и ударения [Воронцова 2000; Каленчук, Касаткина 2007]. Тем самым функции медийной практики усложняются за счет того, что теперь она не только участвует в приобщении социума к осознанию нормы как явления культуры, но сама литературная норма оказывается под ее ощутимым воздействием. Разумеется, медиаречь нельзя недооценивать, но было бы неправильным ее и переоценивать, в частности при ранжировании орфоэпических вариантов на шкале нормативности. Произнесения, выбранные и тиражируемые работающими в СМИ, нуждаются в правильном истолковании. Так, не стоит игнорировать тот факт, что высокая статистическая ценность в медиасреде некоторых звучаний, например [де]кан, по средАм, одноврЕменный, обеспЕчение, [се]ссия, творОг и под., зависит исключительно от того, что они квалифицированы авторами словарей для работников СМИ как оптимальные и эффективные в условиях эфира. Что касается их массового употребления средними носителями языка, то оно очевидным образом обуславливается стремлением «приобщиться к тому обществу, которое обладает для носителя языка социальным престижем» [Успенский 2002: 13]. Если проанализировать характер употребления конкурирующих реализаций типа [дэ]кан, по срЕдам, одноврЕменный, обеспЕчение, [сэ]ссия, тврОрог и под., то можно заметить, что они не чужды работающим за пределами дикторского амплуа и активны в речи тех представителей литературно говорящего социума, которые «безразличны» к языковой моде, но при этом строго следуют литературной норме.

В-третьих, особого внимания заслуживает вопрос о сдвигах в способах и путях орфоэпического просвещения и усвоения литературного произношения. Не будет преувеличением сказать, что уже не единичны случаи, когда носители языка, в том числе профессионально связанные с языком, вместо апелляции к фундаментальным лексикографическим описаниям, показывающим содержание и границы литературной нормы, ориентируются на орфоэпическое поведение медиаперсон. Употребляемые в СМИ произнесения типа О[де]сса, п[о]эт, аг[ре]ссия, [те]ррор, бу[те]рброд, дЕньгами и др. воспринимаются и оцениваются как единственно правильные. Ссылки на указания академических словарей: одесский [дэ и де]; п[а]эт и *факульт.* п[о]эт, аг[ре]ссия и *допуст.*

аг[рэ]ссия, [те]ррор и [тэ]ррор; бу[тэ]рброд ! не рек. бу[те]рброд; день-гАми и *допуст. устар.* дЕньгами и др., — как правило, не в состоянии повлиять на языковое сознание говорящих в отношении оценки «правильного произношения». Если какие-то варианты, например обеспечение, одновременно и под., не поддерживаются медиасообществом, они остаются «аутсайдерами».

Сегодня налицо ситуация, при которой именно устные СМИ отвоевывают себе новые позиции — лидера мнений и законодателя моды в области произношения. Поэтому чрезвычайно существенным представляется еще один момент, относящийся к так называемым «медийным консультациям». По сравнению с предшествующими десятилетиями, когда к просветительской деятельности на платформе СМИ привлекали главным образом филологов, в современных медиа «обозначилась тенденция — приглашать поменьше специалистов-ученых; предпочтение отдается артистам, поэтам-песенникам, иногда писателям, режиссерам. Разность мнений — это всегда хорошо, и телезрителям интереснее люди популярные, с имиджем. Ну кто теперь знает и слушает профессоров, академиков?! Если и приглашают, то на их выступления остается мало времени, чаще в конце, и успевает академик две-три реплики высказать, и даже самая толковая идея тонет в разногласии суждений» [Светана-Толстая 2007: 266]. В силу указанных обстоятельств разговор о литературном произношении нередко подменяется рассмотрением отдельных «трудностей русского языка» с далеко не всегда адекватными пояснениями, обзором конвенциональных для дикторского амплуа звучаний или «любительским» изложением того или иного вопроса. Приведем хотя бы три таких примера. В первом случае телевизионную аудиторию консультирует проф. В. Аннушкин: «Е или Э? Ба[сэ]йн или ба[се]йн? [Дэ]кан или [де]кан? Существуют, вне всякого сомнения, определенные правила, сложившиеся правила произношения тех или иных слов. Но в некоторых словах наблюдается и вариативность, т. е. допускается произношение и мягкое, и твердое. Бар[тэ]р или бар[те]р? Конечно, бар[тэ]р... А вот какие слова произносятся с мягким согласным: девальвация, декада, крем (справка по [Еськова (ред.) 2015]: девальвация [дэ и де], декада [*допуст.* дэ], крем [рэ и ре]. — И. В.). [Тэ]мп или [те]мп? Прог[рэ]сс или прог[ре]сс? [Де]кан или [дэ]кан? ([Еськова (ред.) 2015]: темп [тэ], прогресс [*допуст.* рэ], декан [*допуст.* дэ]. — И. В.). Все-таки мне кажется, что есть склонность к тому, чтобы чаще употреблять твердое произношение. Но вообще-то надо прислушиваться и присматриваться к своему языку... Такова сегодняшняя шпаргалка» (Программа «Настроение». ТВЦ. Эфир от 12.12.2018). Как видно, автор не всегда корректен в своих суждениях и интерпретации приводимых примеров. Во втором случае в роли консуль-

танта выступает диктор протокольных мероприятий президента России: «Е. Хорошевцев: ...Как можно сказать обеспЕчение? Это не печенье, это обеспЕчение, русское слово “печься”. Д. Надина: Я говорила с одним из филологов, который сказал: “А что вы хотите? У нас президент говорит обеспЕчение, поэтому все... могут произносить это слово с ошибкой и не чувствовать себя виноватыми”. Е. Хорошевцев: Я не буду говорить о речи президента... Видимо, не нравится ему слово обеспЕчение... Это внутреннее, он все-таки бывший военный, поэтому у них обеспЕчение — сленг. Он привык так, так и говорит. И пусть, он же тоже человек» (программа «Творцы». РСН. Эфир от 07.05.2016). Очевидно, что подобные комментарии не только не обладают объяснительной силой, но не способны выдерживать серьезную критику по причине их лингвистической безграмотности. В третьем случае о правильном произношении рассуждают певцы и актеры театра и кино: «А. Макарский: Следующей и заключительной точкой нашего путешествия были знаменитые на весь мир КижИ... Мы только о КижАх и говорили. А заодно наконец разобрались, где же все-таки правильно ставить ударение в названии острова... В. Макарская: Скажи, как ты все-таки будешь называть: КижИ или КИжи? А. Макарский: Вот смотри. Правильное название КИжи, потому что в финском языке все ударения на первый слог. А в... мы... не финны. В обрусевшем, простонародном языке говорят КижИ. Знаешь, как я буду говорить: КИ-жи. И то, и другое считается правильным. Выбирайте, как вам больше нравится...» (Проект «Святыни России». Телеканал «Спас». Эфир от 18.11.2018). К сожалению, и здесь медиаперсоны не подсказывают зрителю алгоритм действий при решении вопроса о литературном произношении. Не продолжая перечень такого рода примеров (см. [Вещикова 2019]), подчеркнем, что в абсолютном большинстве случаев вопрос о том, что авторитетным арбитром для ищущего ответ о правильном произношении должны быть научные рекомендации и мнение эксперта, даже не затрагивается.

Учитывая, что отмеченные выше способы трансляции орфоэпической информации обретают популярность и привлекают внимание широкой аудитории, а сами медиа обладают несоизмеримо большими возможностями, чем любые другие средства, одной из насущных задач лингвистического сообщества наряду с решением сугубо научных задач — исследованием материалов устных СМИ разных произносительных эпох и анализом их как сложносоставного образования — становится просветительская деятельность, связанная с повышением уровня (орфоэпической) культуры как работников радио и телевидения, так и всех тех, кто связан с участием в общественно значимой коммуникации и занимается преподаванием современного русского литературного языка как родного и неродного.

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 384 с.
- Агеенко Ф. Л. Словарь собственных имен русского языка. М.: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2010. 880 с. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2011.
- Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: Ок. 50 000 слов / Под ред. Былинского К. И. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. 645 с.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
- Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
- Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии. М.: ФЛИНТА, 2019. 216 с.
- Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 305–325.
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под редакцией Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2014/2015. 1008 с. (1-е изд. — 1983; под редакцией Р. И. Аванесова).
- Еськова Н. А. Рецензия на словари: М. В. Зарва «Русское словесное ударение» и Ф. Л. Агеенко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 272–278.
- Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. Печатное издание М.: ЭНАС, 2001. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001–2002.
- Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007. С. 301–320.
- Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с. (1-е изд. — 2012).
- Кондаков И. В. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков) // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5–44.
- Крысин Л. П. (ред.). Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1974. 352 с.
- Кузьмина С. М. Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М.: Наука, 1996. С. 5–23.

- Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт в телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2000. 520 с.
- Лопатин В. В. Проблемы нормирования и опыт орфографической работы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 05.06.2019).
- Немищенко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.
- Светана-Толстая С. В. Русская речь в массмедийном пространстве. М.: МедиаМир, 2007. 344 с.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVIII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: Словари XXI века, 2016. 592 с.

References

- Ageenko F. L. *Slovar' sobstvennykh imen russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian proper names]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo "Mir i Obrazovanie"» Publ., 2010. Available at: GRAMOTA.RU, 2011.
- Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii dlya rabotnikov radio i televideniya* [The dictionary of stress for radio and TV employees]. Ed. Bylinskii K. I. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei Publ., 1960. 645 p.
- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Russian literary pronunciation. The textbook for students of pedagogical institutes]. 6th edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 384 p.
- Bakhtin M. M. [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280. (In Russ.)
- Burd'e P. O *televidenii i zhurnalistike* [On TV and journalism]. Moscow, Fond nauchnykh issledovaniy "Pragmatika kul'tury", Institut Eksperimental'noi Sotsiologii Publ., 2002. 160 p.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian orthoepic dictionary: Pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. N. A. Es'kova. 10th edition. Moscow, AST Publ., 2014/2015. 1008 p. (1st edition — 1983; R. I. Avanesov (ed.)).
- Es'kova N. A. [Review of the dictionaries: M. Zarva "Russian word stress" and F. Ageenko "Russian proper names. The dictionary of stress". The Russian word stress]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. Moscow, no. 1 (7). 2004, pp. 272–278. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. [Oral speech in the media]. *Yazyk massovoi i mezhlchnostnoi kommunikatsii* [The language of mass and interpersonal communication]. Moscow, MediaMir Publ., 2007, pp. 301–320. (In Russ.)

- Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoi orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Large orthoepic dictionary of Russian language. Literary pronunciation and stress in the beginning of XXI century: the norm and its variants]. 2nd edition. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p. (1st edition – 2012.)
- Kondakov I. V. [On the other side of the word. The crisis of "literature centrism" in Russia in XX–XXI centuries]. *Voprosy literatury* [Literature Issues], 2008, no. 5, pp. 5–44. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian language according to the mass screening. The experience of sociolinguistic research]. Ed. L. P. Krysin. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p.
- Kuz'mina S. M. [The current state and the objectives of the research of Russian phonetics in terms of functional stylistics]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovani. Urovni yazyka* [Russian language in its functioning. Language levels]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 5–23. (In Russ.)
- Lapteva O. A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyi plast v televizionnoi rechi v normativnom aspekte* [The live Russian TV discourse. The spoken layer of TV discourse in normative aspect]. Moscow, URSS Publ., 2000. 520 p. (1st edition – 1990.)
- Lopatin V. V. *Problemy normirovaniya i opyt orfograficheskoi raboty* [Problems of standardization and the experience of orthographic work]. Available at: <http://www.gramota.ru> (accessed 05.06.2019).
- Nemishchenko G. P. [The dynamics of speech standard of modern public verbal communication: problems and development trends]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Issues], 2001, no. 1, pp. 98–132. (In Russ.)
- Shtudiner M. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka dlya rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskie formy* [The dictionary of Russian language difficulties for media employees. Stress, pronunciation, grammatical forms]. Moscow, Slovarei XXI Veka Publ., 2016. 592 p.
- Svetana-Tolstaya S. V. *Russkaya rech' v massmediinom prostranstve*. [Russian speech in the mass media]. Moscow, MediaMir Publ., 2007. 344 p.
- Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVIII vv.)* [The history of Russian literary language (XI–XVIII cent.)]. 3th edition. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.
- Veshchikova I. A. *Televizionnaya rech' v aspekte orfoepii*. [The TV discourse in terms of orthoepy] Moscow, FLINTA, 2019. 216 p.
- Vorontsova V. L. Active processes in the field of the stress] *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late XX century (1985–1995)]. 2th edition. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 305–325. (In Russ.)
- Zarva M. V. *Russkoe slovesnoe udarenie. Slovar' naritsatel'nykh imen* [Russian word stress. Dictionary of Common Names]. Moscow, ENAS Publ., 2001. Available at: GRAMOTA.RU. 2001–2002.

Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: формальные типы и их реализации

Кристина Денисовна Зайдес, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), kristina.zaides@student.spbu.ru

DOI: 10.31857/S013161170009267-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию основных формальных типов прагматических маркеров предикативного типа (ПМПТ) в русской устной спонтанной речи. В работе предлагается типология ПМПТ, выявленных на материале двух корпусов устной речи — корпуса диалогов «Один речевой день» (ОРД) и корпуса монологов «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Предлагаемый подход к описанию прагматических маркеров (ПМ) подразумевает учет синтаксической структуры исследуемых единиц, на основе чего выделяются маркеры, состоящие из одного слова (*там, вот, это, как бы*), из двух и более слов (*и все такое прочее, это самое, типа того что*), а также условно предикативные маркеры — ПМПТ (*скажем так, (я) не знаю, знаешь/-те*). Сам класс ПМПТ неоднороден, так как включает маркеры, в основе которых лежат единицы разных формальных типов, прошедшие или только проходящие процесс прагматикализации и, следовательно, находящиеся в разных точках на шкале преобразования полнозначной единицы в прагматический маркер. Предложенная типология включает три группы ПМПТ, различающихся по форме выражения предик-

кативности: формально полноценные ПМПТ (*понимаешь/-те, (я) (не) думаю (что), так скажем*), формально неполные ПМПТ (*как это <назвать, сказать>, что ещё <сказать>*) и ПМПТ с вторичной предикативностью (*короче (говоря), собственно (говоря)* и под.). Анализ корпусного материала показывает, что класс прагматических маркеров чрезвычайно разнообразен, а подходы к исследованию и систематизации ПМ могут основываться как на функциональных, так и на формальных характеристиках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прагматический маркер, предикативность, устная спонтанная речь, речевой корпус, речевые единицы, шкала прагматикализации

для цитирования: Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: формальные типы и их реализации // Русская речь. 2020. № 2. С. 44–61. DOI: 10.31857/S013161170009267-2.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке гранта РФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

Issues of Modern Russian Language

Predicative Pragmatic Markers in Russian Oral Spontaneous Speech: Formal Types and Realizations

Kristina D. Zaides, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg),
kristina.zaides@student.spbu.ru

ABSTRACT: The article describes the main formal types of predicative pragmatic markers (PPM) in Russian spontaneous oral speech. The paper suggests the typology of PPMs on the material of Speech Corpus of Russian Everyday

Communication “One Day of Speech” and the corpus of monologues “Balanced Annotated Collection of Texts”. The approach to the PPMs’ description implies taking into consideration the syntactic structure of examined units. The whole class of pragmatic markers can be divided into 3 groups: one-word markers (*tam, vot, eto, kak by*), word markers consisting of two or more words (*i vsyo takoye procheye, eto samoye, tipa togo chto*), and so-called formally predicative markers (*skazhem tak, (ya) ne znayu, znayesh/te*). The class of predicative pragmatic markers is heterogeneous since it includes markers originated from different clauses which have already passed the pragmaticalization process or which are passing it now.

The suggested typology covers 3 groups of PPMs sorted according to the form of predicativity: formally full PPMs (*ponimayesh/te, (ya) (ne) dumayu (chto), tak skazhem*), formally incomplete PPMs (*kak eto <nazvat’, skazat’>, chto yeshchyo <skazat’>*), and PPMs with the secondary predicativity (*ko-roche (govorya), sobstvenno (govorya)*, etc.). The analysis of the corpus material shows that the class of pragmatic markers is extremely diverse, and that it is possible to classify the markers based on functional or formal aspect.

KEYWORDS: pragmatic marker, predicativity, oral spontaneous speech, speech corpus, speech units, scale of pragmaticalization

FOR CITATION: Zaides K. D. Predicative Pragmatic Markers in Russian Oral Spontaneous Speech: Formal Types and Realizations. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 2. Pp. 44–61. DOI: 10.31857/S013161170009267-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Science Foundation, project № 18-18-00242 “The System of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech”.

У

стная спонтанная речь как объект исследования все чаще привлекает внимание лингвистов разных специальностей: исследователей фо-нетики, морфемики, словообразования, морфологии, синтаксиса, а также специалистов по дискурсивным и прагматическим исследованиям. С точки зрения прагматики, т. е. изучения использования средств и единиц языка в функциональном аспекте, устная речь представляет собой поистине бесценный источник материала для лингвистического осмысления. Создание и широкое распространение речевых корпусов позволяют детально рассматривать специфические особенности устной спонтанной речи разных типов и жанров: публичная речь, кино-, теле- и радиоречь,

спонтанный бытовой диалог, повседневная коммуникация в различных речевых ситуациях.

Немаловажную роль в устной спонтанной речи на любом языке играют те средства коммуникации, которые обычно остаются за рамками лингвистического исследования в силу их гезитативной, часто «второстепенной» для исследователя, природы, ср.: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как гезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» [Подлесская, Кибрик 2009: 27]. Эти «несмысловые» и часто находящиеся за рамками привычной грамматики единицы на первый взгляд кажутся речевым «мусором», незначимыми и ненужными «словами-паразитами» (именно так их часто и называют, см., например: [Шмелев 1998; Дараган 2000; Химик 2000]); употребляя их, говорящий лишь вербализует естественные трудности спонтанного речепорождения или демонстрирует собственный невысокий уровень речевой компетенции (УРК)¹, ср.:

- (1) *ой / (смеется) я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они кота накормили / это самое // он начал / это самое / (э-э) ну это / как его // (э-э) ну з... / ж... / ну жареной свиной // значит / окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу // ну вот ну он значит был / грязный / рыжий / как они его в общем это самое нашли / подобрали / так вроде бы* (САТ; И5, жен., 43 года)².

Однако дальнейшее изучение спонтанной речи показывает, что такие единицы не только высокочастотны в речи людей с разным уровнем образования и речевой компетенции и в высшей степени разнообразны по форме в устном дискурсе, но и очевидно являются важной особенностью любой устной речи — особенностью структурной (помогают говорящему в самом процессе порождения речи), дискурсивной (помогают выстраивать устный текст, обозначая логические зависимости и иерархию частей)

¹ См. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013].

² В атрибуции к примерам из материала корпуса САТ указаны номера информантов (И1...), их пол и возраст. Подробнее о корпусе САТ см., например: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017, 2019а; Богданова-Бегларян, Зайдес 2019].

и прагматической (как это ни покажется странным, создают в конечном счете условия для правильного восприятия речи и способствуют достижению коммуникативной цели) [Богданова-Бегларян 2016a]. Подходы к исследованию (и даже наименованию!) этого типа функциональных речевых единиц сильно отличаются друг от друга, приводя к несогласованности в отношении понимания некоторых лингвистических терминов, называющих такие единицы, и их функций (см., например: [Bogdanova-Beglarian, Filyasova 2018]).

Среди различных терминов, описывающих такие вспомогательные единицы речи, обладающие, как показали исследования, значительным функциональным потенциалом, известны, например, следующие: *филлер* [MacLay, Osgood 1959], *прагмалексема* [Rathmayr 1975], *дискурсивный маркер* [Schiffrin 1987; Fraser 1999; Schourup 1999], *модальная частица* [Abraham 1991; Aijmer 1996], *дискурсивное слово* [Баранов и др. 1993; Киселева, Пайар 1998; 2003], *вербальный хезитатив* [Богданова-Бегларян 2013], *прагматема* [она же 2014] и *прагматический маркер* [Богданова-Бегларян и др. 2019б]. *Дискурсивные маркеры* и *дискурсивные слова* обычно не проходят процесса прагматикализации и остаются в разряде служебных или вводных слов/конструкций, не теряя своего лексического и грамматического значения. Термин *модальная частица* в русской традиции связан исключительно с классом частиц и описывает грамматикализованные, но имеющие собственное лексическое значение части речи, не употребляющиеся в качестве заполнителей пауз хезитации. *Прагматема* омонимична термину с другим значением в сфере фразеологии [Мустайоки, Копотев 2004], а в самом слове *прагмалексема* есть часть (*лексема*), подразумевающая наличие у единицы лексического значения. Понятие *филлер* охватывает некоторые единицы, заполняющие паузы хезитации, оставляя без внимания их функциональность, а термин *вербальный хезитатив* не подходит для тех единиц, функция которых лежит не только в области хезитации, но и в сфере структурирования текста или рефлексирования над ним, и т. д. При этом только термином *прагматический маркер* обозначаются именно незначащие единицы речи (не лексемь!), прошедшие процесс прагматикализации и не имеющие собственного лексического и/или грамматического значения, но выполняющие в речи ряд важных функций. Один из типов этих единиц и является объектом исследования в данной статье, в связи с этим предпочтительным термином для описания речевых единиц, входящих в эту группу, является термин *прагматический маркер*.

Прагматические маркеры (ПМ) — функциональные единицы речи, уже прошедшие процесс прагматикализации, в ходе которого повышается

роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов, или только находящиеся на определенной стадии процесса прагматикализации [Bogdanova-Beglarian et al. 2018]. В результате ПМ утрачивают (полностью или частично) свое лексическое и/или грамматическое значение и начинают употребляться как функциональные слова-операторы, основные функции которых — заполнение паузы, хезитации, структурирование текста и некот. др. ПМ появляются в речи в местах колебаний или сомнений говорящего, вне его осознанного желания, абсолютно автоматически. Будучи нелексическими единицами (фактически — не-словами!), они едва ли бывают замечены самими говорящими³ и зачастую не обращают на себя особого внимания слушающих (за исключением случаев публичной речи, где речевые привычки человека могут помещаться в фокус внимания оценивающих его речь слушателей). Говорящие разного возраста, пола, уровня речевой компетенции и профессиональной принадлежности, не задумываясь, в моменты любого рода затруднений в построении устного текста вводят в речь прагматические маркеры. При этом функции ПМ могут сильно различаться.

Известна классификация ПМ, в основу которой положены функции данных единиц, которые они выполняют в устном дискурсе. Так, можно различать маркеры границ высказывания (*вот, значит*), хезитативные (*не знаю, это самое*), дейктические (*вот так вот, вот такой вот*), метакommunikативные маркеры (*знаешь, понимаешь, видишь*), маркеры-рефлексивы (*или как его/её/их, (так) скажем (так)*), маркеры-ксенопоказатели (*говорит, говорю, такой/такая/такие*), ритмообразующие маркеры (*там, вот*), маркеры-аппроксиматоры (*как бы, там, типа*), маркеры-заместители (*и всё такое прочее, и так далее*) [Богданова-Бегларян 2014]. Важным свойством ПМ при этом является их полифункциональность — способность маркера выполнять несколько разных функций одновременно или в зависимости от конкретного контекста⁴.

³ Ср.: «особенности разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предъявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать» [Шмелев 2010: 239].

⁴ Интересен в этом плане вопрос об омонимии или полифункциональности маркеров, нуждающийся в отдельном исследовании: являются ли формально одинаковые маркеры, имеющие разные функции в зависимости от контекста, вариантами одного ПМ, объединяющего все эти функции под интегральной «архифункцией» (по аналогии с семей и архисемой в лексикологии), или они представляют собой омонимы, совпавшие в одной звуковой оболочке маркеры с принципиально различной функциональностью (например, ПМ *вот*, использующийся для маркирования границы высказывания, имеющий характерную интонацию с понижением ЧОТ, и ПМ *вот*, функция которого лишь ритмообразующая).

С точки зрения синтаксической структуры все ПМ, выполняющие различные функции, могут различаться по составу компонентов (см. об этом подробнее: [Зайдес 2019]). Так, можно выделять маркеры-слова (*там, вот, это, как бы*), маркеры-словосочетания, состоящие из двух и более слов, иногда (далеко не всегда) связанных подчинительной связью (*и все такое прочее, это самое, типа того что*), а также условно предикативные маркеры — ПМПТ (*скажем так, (я) не знаю, знаешь/-те, смотри/-те*).

Группа ПМ распадается тем самым на подгруппы маркеров с разной синтаксической структурой, выполняющих одну и ту же функцию: однословные и многословные. Особняком среди маркеров, состоящих из двух и более слов, стоят ПМ предикативного типа, т. е. маркеры с просматривающейся в них структурой, подобной структуре предложения в языке.

Такие маркеры, формально совпадающие с предложениями как основными коммуникативными единицами, построенными по грамматическим правилам данного языка, можно называть *прагматическими маркерами предикативного типа* (ПМПТ). В данном случае можно говорить лишь о формальной предикативности ПМ, а не о предикативности в общепринятом смысле этого термина [Богданова-Бегларян, Зайдес 2019]. Формальная предикативность маркеров выражается, в первую очередь, через отношение ПМ к предложению-источнику, в котором усматривается вполне традиционная предикативность. Такой предикативный маркер, как функциональная единица, возникший в результате процессов грамматикализации и прагматикализации⁵, теряет собственно грамматическую предикативность, а также семантический пропозициональный компонент — отношение предложения к действительности, — и начинает употребляться как вербальный хезитатив или единица с какими-то иными функциями. Предикативность предложения, бывшая его основным конституирующим признаком, превращается в формальную предикативность, связанную прежде всего с наличием глагола в его структуре. Многие свойства получившихся маркеров восходят как раз к полноценной, но

⁵ Эти два процесса — *грамматикализация* и *прагматикализация* — часто действуют в устной речи одновременно или тесно между собой связаны. Например, наречие *сейчас* в результате грамматикализации, совмещенной с *редукцией* (*шас*), превращается в междометие со значением эмоционального несогласия (*ну уж приехали // шас мы будем ещё раз // не уговоришь меня / ни в коем случае / нет / нет / нет / не слышу тебя*), а далее — уже в результате прагматикализации — в вербальный хезитатив (часто с *редупликацией*): *так / шас шас шас я // ага / вот они; так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // шас шас шас // ну подожди* (подробнее об этом см., например: [Богданова-Бегларян 2016б]). В западной литературе прагматикализация рассматривается даже как подкласс грамматикализации, изучающий главные особенности процесса грамматикализации, которые отличаются специфическими характеристиками в плане функций и синтаксической интеграции (см., например: [Diewald 2011: 365–390]).

утраченной в ходе процессов грамматикализации и прагматикализации предикативности: так, появляются застывшие глагольные формы — маркеры *говорит* (чаще — *грит*) или *понимаешь*, — для которых уже не характерны глагольные категории наклонения, вида, лица, числа и пр. Таким образом, ПМПТ — это новые функциональные единицы речи, возникшие в результате прагматикализации полноценных языковых предикативных единиц, застывшие в одной из своих возможных форм, практически не имеющие парадигмы спряжения или имеющие дефектную парадигму, которые употребляются в речи как речевые автоматизмы.

Важно, что некоторые из ПМПТ, несмотря на свой статус единиц, которые не являются сознательным выбором человека при порождении речи, по структуре могут быть довольно развернутыми, отдаленно напоминают традиционные предложения в языке и без должного внимания останутся приравнены к этим предложениям, несмотря на то, что они, безусловно, не выражают никакого смысла, содержательно опустошены, ср.:

(2) — у / вот это да !

— да ! мы жили вместе / и мы всё время где-то тёрлись // я думаю / у ! как ты меня достала-то ! (ОРД; И63 и Ж1)⁶;

(3) пришлось вернуться я шапку забыла в этом в вагоне // (смеется) а всё думаю что же будет // обязательно что-то потеряю (САТ; И32, жен., 49 лет);

(4) вот в Праге хотелось бы / побывать / вот потому что **ну я думаю что...** ну это единственное наверно место которое (а-а) Второй мировой войной не было разрушено (САТ; И7, жен., 30 лет);

(5) ну я если честно (а) не знаю что и добавит да / сучья какие-то кри-вые на этих деревьях / вот **я думаю** все (САТ; И3, муж., 20 лет);

(6) так / я вижу репродукцию / Шишкина «Старые липы» // она / очень лиричная // это / **я думаю что** / осень // осенняя // ну скажем так / или поздний август или / начало / осени / **я думаю что** это / по времени закат (САТ; И23, жен., 43 года).

В приведенных примерах статус предикативной единицы (я) *думаю* (что) различен. Так, в примерах (2) и (3) *думаю* является полнозначным глаголом, обладающим лексическим значением осмысления, рефлексии: после глагола может стоять либо цитирование мыслей информанта (2), либо зависимое придаточное предложение, передающее эти мысли (3). В примерах (4)–(6) перед нами ПМПТ с различной функциональностью: все маркеры в первую очередь заполняют паузы колебания, однако имеют дополнительные функциональные вариации. В примере (4) маркер

⁶ В атрибуции к примерам из материала корпуса ОРД указаны номера информантов (И1...) и их коммуникантов (с гендерной дифференциацией: М1... или Ж1...).

(я) *думаю (что)* сопровождается обрывом и перестройкой текущей фразы, заполняя паузу хезитации, в примере (5) ПМПТ входит в цепочку маркеров, отмечающих конец речепроизводства (*вот, всё*), пример (6) демонстрирует высокую частотность такого типа заполнения паузы хезитации с помощью ПМПТ с оттенком сомнения информанта в сказанном или предположительности того, о чем он говорит. Таким образом, выделенные предикативные единицы в примерах (4)–(6) могут считаться прагматическими маркерами с практически стертым лексическим значением, тогда как фраза (я) *думаю (что)* в примерах (2)–(3) обладает собственным лексическим значением и полноценным синтаксическим окружением, а глагол в ней не утрачивает свойственных ему категорий.

Среди ПМПТ есть разные виды единиц, выделяющиеся по степени реализуемой ими формальной предикативности. Можно разделить все ПМПТ на три группы:

- 1) формально полноценные ПМПТ, содержащие предикат (обычно глагольный): (я) *(не) думаю (что)*⁷, (я) *не знаю, говорю/говорю, (так) скажем/скажем (так), знаешь(-те), понимаешь(-те), слушай(-те), видишь(-те)* и нек. др.;
- 2) формально неполные ПМПТ, в которых глагольное сказуемое опущено, но легко реконструируется: *что еще [сказать]*⁸, *как его/её/их [назвать]*, *как это [называется/сказать]*;
- 3) ПМПТ с вторичной предикативностью, в которых опущено деепричастие, обычно входящее в состав подобных вводных предложений (конструкций), фиксируемых в словарях: *короче (говоря), собственно (говоря)*.

Ниже рассмотрим подробнее каждую группу ПМПТ, останавливаясь на их формальных характеристиках и основных реализуемых ими функциях.

1. Формально полноценные ПМПТ включают в свой состав глагольный предикат, по форме совпадая с полнозначными языковыми конструкциями. Однако лексическое значение данных маркеров практически утрачено, а способность глагола к изменению по лицам, числам, временам, наклонениям строго ограничена. Например, ПМПТ *говорит/говорю*, указывающий на то, что далее цитируется чужая речь (как другого человека, так и своя собственная, произнесенная ранее), теряет значение

⁷ Факультативность тех или иных элементов ПМПТ в конкретной речевой реализации обозначена круглыми скобками; элементы в скобках могут присутствовать или отсутствовать в речи, в отличие от тех частей в маркере-конструкции, которые приводятся без скобок: они обязательны.

⁸ В квадратных скобках приводится реконструируемая предикативная часть; рассматриваемые ПМПТ без нее также являются предикативными, т. к. подразумеваемое, но не реализованное глагольное сказуемое напрямую передает предикативность.

глагола говорения и превращается в функциональный маркер ренарратива, или маркер-ксенопоказатель, реализуясь в сильно редуцированной форме *грю/грит/гыт* (схожий путь грамматикализации прошли ставший частицей глагол *молвить* (*мол*) и вводное слово *дескать* (*-де*)):

(7) *вообще-то грит* неудобно / *я в отпуск вышел* (ОРД; И95);

(8) *я ему потом звоню грю Вадик / а прикинь это были бы мои последние!* (ОРД; И72).

ПМПТ *грит* и *грю* также прошли путь грамматикализации, утратив остальные свои формы, и встали на путь прагматикализации, так как часто служат не только в качестве указания на цитацию (ввода чужой речи), но и иногда как заполнителя пауз хезитации, весьма частотного в устном тексте:

(9) *ну грит / типа так что / грит я надеюсь / будешь работать здесь / да / она говорит / да конечно / типа что всё / это самое ну всё в порядке* (ОРД; И95) (отметим также соседство *говорит* с другим маркером-ксенопоказателем — *типа*, также передающим указание на чужую речь, но не являющимся предикативным).

Помимо маркеров-ксенопоказателей, формально полноценными ПМПТ являются метакоммуникативные маркеры, помогающие говорящему привлечь, а затем и удержать внимание слушателя, «работая» тем самым на достижение успешности коммуникации. В эту группу входят ПМПТ, восходящие к глагольным формам, ослабившие свое лексическое значение и легко взаимозаменяемые в разных контекстах:

(10) *личной жизнью так тем более знаешь когда личной жизнью была занята я вообще с ним по-моему раз в полгода дай Бог мы с ним встретились это вот и то он знаешь говорит имей совесть* (ОРД; И95);

(11) *понимаешь / у него ... я тебе говорю / у него были / вот / сопливый мальчик* (ОРД; И83);

(12) *болтали и там принесли счёт я говорю слушай ну давай я запла... он говорит ты чего вообще забудь* (ОРД; И95);

(13) *да мне видишь / в часа три мне уже нужно встречаться на Петроградке с человеком / у меня по работе встреча* (ОРД; И74);

(14) *ну смотрите / можем в принципе / как там (э-э) / обсудить это по телефону / да ?* (ОРД; И101).

ПМПТ, представляющие собой глаголы с функцией установления и поддержания контакта между собеседниками, намного более частотны в диалогах и полилогах, чем в монологах. Именно в диалогической речи потенциал использования этих маркеров настолько широк, что в одном высказывании часто могут встретиться несколько маркеров в цепочке. ПМПТ в данном случае усиливают эмоциональность и повышают персонализацию в адресности речи, выполняя фатическую и метакоммуни-

кативную языковые функции при стертом значении глагольного компонента.

В следующем примере (15) *видишь*, используемое собеседником информанта как прагматический маркер, считается информантом как полноценный глагол со значением зрительного восприятия. Такой буквализм понимания происходит в тех коммуникативных ситуациях, где, по мнению одного из коммуникантов, использование маркера излишне:

- (15) — *везде вон в Челябинской области **видишь** что творится //*
— *вижу //*
— *все деревья ... на это вот ...*
— *(у-у) // опять метеорит на них упал ?*
— *а это ... в Горловке что творится ... (ОРД; Ж2 и И60).*

Маркеры, используемые для заполнения паузы хезитации, могут также являться предикативными и формально полными. Чаще всего это употребляемые исключительно в 1 лице настоящего времени формы (я) *не знаю* и (я) *думаю (что)*, сопровождающиеся паузами хезитации, обрывами, самокоррекцией и другой вербализацией речевых затруднений говорящего (в примерах подчеркнуты), что поддерживает прагматический статус этих предикативных единиц, наряду с другими служащих в качестве вербальных хезитативов, ср.:

- (16) *на следующей картинке / муж / мужчина идет / (э-э) ну / видимо на рыбалку / потому что у него / или с ... **не знаю** / на рыбалку или с рыбалки / ну / у него ну **ОЧЕНЬ** самодовольный вид (САТ; И15, жен., 43 года)⁹;*
(17) *значит в этот день выходной / можно навестить / или какой-то вот ... родственников там **я не знаю** / по поводу событий может быть весёлых (САТ; И16, жен., 46 лет);*
(18) *хотя отдых / с родственниками моего мужа / это ужасно (смеется) я могу вам сказать / очень ужасно / его родственники очень тяжелые // вот ну не знаю поживем (смеется) увидим отдохнем узнаем (САТ; И22, жен., 22 года);*
(19) *на самом деле / о том как вот это вот процедурно удобнее всего сделать / вы лучше спросите **я думаю** у коменданта / они наверно как-то лучше владеют (ОРД; И72);*
(20) ***я думаю** ну ладно знаешь пошли короче / ну он пойдем в другое место куда-нибудь поесть если там в «Фартуке» просто меню такое какое-то скудное было (ОРД; И95);*

⁹ Большими буквами в расшифровках САТ пишутся слова, интонационно выделенные говорящим. Подробнее о дискурсивной транскрипции монологов САТ см., например: [Русская спонтанная речь 2008].

- (21) *я думаю / что от Тани он чувствует этот самый / вот этот холодок* (ОРД; И63);
- (22) — *ну на антивирус я думаю / вот (э) вот под вопросом / пишу*
шестьдесят дней /
 — *ага //*
 — *то есть / что такое шестьдесят дней /* (ОРД; И38 и М1).

Кроме данных функциональных типов ПМПТ, распространенным в русской устной речи является и маркер-рефлексив (*так*) *скажем / скажем (так)*. В отличие от вводного слова *скажем* в значении 'например, допустим', этот маркер указывает на некоторую «нетривиальность» последующей языковой единицы (рефлексия над речью), но может употребляться и в качестве заполнителя паузы хезитации, возникшей при построении речи:

- (23) *этим прудом / уже воспользоваться не смог / в итоге // потому что (э-э) все кто / **скажем так** / увидели то что он там поймал / вот вычислили / в средствах массовой информации // они ринулись к этому пруду* (САТ; И6, муж., 40 лет).

Таким образом, в группе формально полноценных ПМПТ оказываются устойчивые воспроизводимые функциональные единицы, имеющие в составе грамматикализованный глагол и не «теряющие» этот глагол в контексте.

2. В формально неполных ПМПТ, в отличие от первой группы маркеров, глагол в контексте отсутствует, и именно их конструктивная неполнота рождает воспроизводимость единицы, ее употребление как речевого автоматизма. В эту группу входят функционально однородные маркеры, служащие для заполнения пауз при поиске слов: *что ещё [сказать]*, *как его/её/их [назвать]*, *как это [сказать/назвать/говорится]*. Неслучайным образом все такие ПМПТ функционируют как вербальные хезитативы, помогающие говорящему заполнять паузу прямо в процессе поиска слова или последующего тематического блока дискурса:

- (24) *этот ... **как его** ... Валера ... на пятёрке* (ОРД; И83);
- (25) *а раньше вот (э-э) где (в-в) вот эта биржа (м-м) **как это** / музей-то* (ОРД; И65);
- (26) *но мне так надо / мне так нужен был аванс / что я здесь это / **как это** / на Невский выхожу / да / свободная касса / приходите* (ОРД; И77);
- (27) *газончик покосили / ну / этот / **как его** / садик* (ОРД; И83).

3. Последняя группа ПМПТ — маркеры с вторичной предикативностью, в которых эта предикативность реализована через деепричастие, передающее добавочное действие. Обладая в языке пропозициональностью, т. е. способностью передавать положение дел в реальном мире,

наряду с непосредственным основным глагольным предикатом в предложении, конструкции *собственно говоря* и *короче говоря* развивались как вводные слова со значениями актуализации предмета говорения и подведения итога соответственно. В устной речи, чаще всего при опущении деепричастных частей этих выражений, остающиеся в их составе *короче* и *собственно* становятся ПМПТ, т. к. перестают функционировать как вводные конструкции и прагматикализуются, становясь заполнителями пауз хезитации, ср.:

- (28) у него вообще тема / у него ж «Пассат» как бы третий / ну **короче** датчик не работает / температуры в радиаторе / но вообще была мулька (ОРД; И105);
- (29) у меня зять ну один мальчик / ну / один мальчик / нашел **короче** карту / и на карте прям пин-код написан / пошел в банкомат там триста тысяч / он успел снять сорок тысяч / с чужой карты (ОРД; И77);
- (30) здравствуйте / мне ваш телефон передал Юрий / который сейчас в отпуск ушёл / вот / я вам звоню **собственно** по поводу ... а Луна-чарского нашего объекта (ОРД; И95);
- (31) ну **собственно** / такая обстановка в мире / что лучше перестраховаться / конечно / (неразборчиво) / тем более дети (И65).

В данной группе ПМПТ предикативность вбирает в себя оставшееся слово — *короче* или *собственно*, — а эллипсис деепричастия сигнализирует о том, что данный маркер уже полностью прошел путь грамматикализации и прагматикализации: от деепричастного оборота, через вводную конструкцию, к хезитативному и дискурсивному употреблению.

Предложенная структурная типология прагматических маркеров предикативного типа и описание вариантов реализации некоторых исследуемых маркеров могут быть использованы при анализе устного спонтанного дискурса разных жанров, в разных коммуникативных ситуациях, где могут быть выявлены новые, специфические для данных типов коммуникации, прагматические маркеры.

Литература

- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет — всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции

- «Диалог 2013» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 125–136.
- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27), 2014. С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В. Функционирование некоторых прагматем русской устной речи в коммуникации представителей разных социальных групп // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (34), 2016а. С. 38–49.
- Богданова-Бегларян Н. В. Устная спонтанная речь и разнообразие происходящих в ней процессов // Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). Iss. III, November 2016б. С. 26–31.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара. Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М.: ИРЯ РАН, 2019а. В печати.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Попова Т. И., Шерстинова Т. Ю. Корпус естественной речи: проблемы ручного аннотирования прагматических маркеров и пути их решения // Анализ разговорной русской речи (АР³-2019): Труды восьмого междисциплинарного семинара. Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2019б. С. 5–10.
- Богданова-Бегларян Н. В., Зайдес К. Д. Корпус монологической речи: реальная и формальная предикативность составляющих русского устного дискурса // Анализ разговорной русской речи (АР³-2019): Труды восьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2019. С. 11–16.
- Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. Протвино, РГГУ, 2000. С. 67–73.
- Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в устной спонтанной речи: подходы к описанию // Коммуникативные исследования. Т. 6, № 2, 2019. С. 117–138.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: Контекстное варьирование и семантическое единство. Сб. статей. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.
- Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. 280 с.

- Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа 'потому что,' в зависимости от,'к сожалению' // Вопросы языкознания. № 3, 2004. С. 88–107.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Русская спонтанная речь. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты. Лексические материалы / Сост. В. В. Куканова / Отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова. СПб: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 208 с.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2000. 272 с.
- Шмелев А. Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург. Тез. междунар. науч. конф. (29–31 октября 1998 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 151–153.
- Шмелев А. Д. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. № 19 (1), 2010. С. 236–265.
- Abraham W. The grammaticalization of the German modal particles // Approaches to grammaticalization, vol. II, ed. by E. C. Traugott and B. Heine. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1991, pp. 331–380.
- Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective. Language Sciences, 18 (1–2), 1996, pp. 393–427.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Filyasova Yu. A. Discourse vs. pragmatic markers: A contrastive terminological study // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, SGEM2018. March 19–21. Vienna ART Conference Proceedings, 2018, vol. 5, pp. 123–130.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G., Baeva E. Towards a description of pragmatic markers in Russian Everyday Speech // Lecture Notes in Computer Science, 11096, 2018. Pp. 42–48.
- Diewald G. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions // Linguistics, 49–2, 2011, pp. 365–390.
- Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics, 31(7), 1999, pp. 931–952.
- MacLay H., Osgood C. E. Hesitation phenomena in spontaneous English speech // Word, 15, 1959, pp. 19–44.
- Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Sagner, 1985. 352 p.
- Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
- Schourup L. Discourse Markers // Lingua, 107 (3–4), 1999, pp. 227–265.

References

- Abraham W. The grammaticalization of the German modal particles. Approaches to grammaticalization, vol. II, ed. by E. C. Traugott and B. Heine. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1991, pp. 331–380.

- Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective. *Language Sciences*, 18 (1–2), 1996, pp. 393–427.
- Baranov A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Russian discourse words guide]. Moscow, Pomovskii i Partnery Publ., 1993. 205 p.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G., Baeva E. Towards a description of pragmatic markers in Russian Everyday Speech. *Lecture Notes in Computer Science*, 11096, 2018, pp. 42–48.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Filyasova Yu. A. Discourse vs. pragmatic markers: A contrastive terminological study. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, SGEM2018. March 19–21. Vienna ART Conference Proceedings, 2018, vol. 5, pp. 123–130.
- Bogdanova-Beglarian N. V. [Does the seeker always find? (On the searching function of verbal hesitations of Russian spontaneous speech)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2009" (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.)* [Computational linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the annual international conference "Dialogue-2009" (Bekasovo, May 29 – June 2, 2009)]. Iss. 12 (19): in 2 vol. Vol. 1. / Ed. by V. P. Selegei. Moscow, RGGU, 2009, pp. 125–136. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [Pragmatemes in oral colloquial speech: Definition and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2014, vol. 3 (27), pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [Functioning of certain pragmatemes of Russian oral speech in communication of representatives of various social groups]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2016a, vol. 2 (34), pp. 38–49. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [Oral spontaneous speech and the diversity of its processes]. *Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*, iss. III, November, 2016b, pp. 26–31. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Zaides K. D. [Corpus "Balanced Annotated Collection of Texts": Methodology of multilevel analysis of Russian monological speech]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of spoken Russian speech (AR³-2017): Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. Saint-Petersburg, 2017, pp. 8–13. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Sherstinova T. Yu. [Corpus "Balanced Annotated Collection of Texts" (BACT): the analysis of specifics of Russian monological speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Iss. 21. ed. by V. A. Plungyan. Moscow, RLI RAS, 2019a. In print. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Popova T. I., Sherstinova T. Yu. [The corpus of natural speech: Problems of manual annotation of pragmatic markers and ways of their solution]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2019): Trudy vos'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2019): Proceedings

- of the 8th Interdisciplinary Seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. Saint-Petersburg, 2019b, pp. 5–10. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Zaides K. D. [The corpus of monological speech: Real and formal predicativity of Russian oral discourse units]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2019): Trudy vos'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2019): Proceedings of the 8th Interdisciplinary Seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. Saint-Petersburg, 2019, pp. 11–16. (In Russ.)
- Daragan Yu. V. [Functions of parasite words in Russian spontaneous speech]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara «Dialog-2000» po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam. Tom 1. Teoreticheskie problemy* [Proceedings of the International Seminar “Dialogue-2000” on Computational Linguistics and Their Applications. Vol. 1. Theoretical Problems]. Protvino, RGGU, 2000, pp. 67–73. (In Russ.)
- Diewald G. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions // *Linguistics*, 49–2, 2011, pp. 365–390.
- Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*, 31 (7), 1999, pp. 931–952.
- Kiseleva K. L., Pajar D. (eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: Kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Russian discourse words: Context variation and semantic unity]. Digest of articles. Moscow, 2003. 206 p.
- Kiseleva K. L., Pajar D. (eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Russian discourse words: An experience of contextual-semantic description]. Moscow, 1998. 280 p.
- Khimik V. V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Poetics of low, or Colloquial language as a cultural phenomenon]. Saint-Petersburg, Philological Faculty SPbSU, 2000. 272 p.
- MacLay H., Osgood C. E. Hesitation phenomena in spontaneous English speech // *Word*, 15, 1959, pp. 19–44.
- Mustaioki A., Kopotev M. *K voprosu o statuse ekvivalentov slova tipa “potomu chto”; “v zavisimosti ot”; “k sozhaleniyu”* [On the status of word-equivalents of the type ‘potomu chto’, ‘v zavisimosti ot’, ‘k sozhaleniyu’]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2004, № 3, pp. 88–107. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of Russian spoken discourse]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 736 p.
- Rathmayr R. *Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme*. München: Sagner, 1985. 352 p.
- Russkaya spontannaya rech': Svobodnye monologi-rasskazy na zadannuyu temu. Teksty. Leksiicheskie materialy* [Russian spontaneous speech. Monologues-stories on the proposed topic. Texts. Lexical materials] / Comp. V. V. Kukanova / Ed. by N. V. Bogdanova. Saint-Petersburg, Humanity and Arts Faculty SPbSU, 2008. 208 p.
- Shmelev A. D. [Parasite words and their role in discourse structuring]. *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury* [Russian language in the modern cultural context]. Abstracts of International Scientific Conference (October 29–31, 1998). Ekaterinburg, Ural State University, 1998, pp. 151–153. (In Russ.)

- Shmelev A. D. [Language facts and corpus data]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 19 (1), 2010, pp. 236–265. (In Russ.)
- Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
- Schourup L. Discourse markers // *Lingua*, 107 (3–4), 1999, pp. 227–265.
- Zaides K. D. [Approaches to the description of predicative pragmatic markers in oral spontaneous speech]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2019, vol. 6, № 2, pp. 117–138. (In Russ.)
- Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi. Ch. 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie. Kollektivnaya monografiya.* [Speech corpus as a material for Russian speech analysis. P. 1. Reading. Retelling. Description. Collective monograph] / Ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. Saint-Petersburg, Philological Faculty SPbSU, 2013. 532 p.

Русские фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* (основные аспекты)

Аркадий Федорович Калинин, Балашовский филиал ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова» (Россия, Балашов), kalininarkadiy@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009271-7

АННОТАЦИЯ: В статье исследуются русские фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* в трех основных аспектах: структурно-грамматическом, логико-семантическом и коммуникативном, — что позволяет построить классификацию и говорить о типологии таких синтаксических единиц. Рассмотрена формальная организация данных фразеологизированных предложений, изучены синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие предикативность, универсальное грамматическое значение предложения, грамматическая категория субъекта и семантическая категория агенса; определена отнесенность указанных синтаксических единиц к двусоставным предложениям, исходя из структурно-грамматического аспекта. В статье исследована смысловая организация фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!*, выявлены и охарактеризованы двух-, трех- и четырехкомпонентные элементарные и неэлементарные семантические структуры таких предложений, определена их «двусоставность», исходя из логико-грамматического аспекта. Изучена коммуникативная организация данных фразеологизированных предложений, выявлено, что они являются расчлененными, имеющими тема-рематическое членение высказываниями и представляют собой двусоставные предложения,

исходя из коммуникативного аспекта. Такое разноаспектное исследование фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* позволило предложить их структурно-грамматическую, логико-семантическую и коммуникативную классификации и предложило возможность построения общей типологии данных синтаксических единиц, что может представлять определенную ценность в рамках теории синтаксиса простого предложения в русском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, фразеологизированные предложения, структурно-грамматический аспект, логико-семантический аспект, коммуникативный аспект, семантическая структура предложения, двусоставное предложение

для цитирования: Калинин А. Ф. Русские фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* (основные аспекты) // Русская речь. 2020. № 2. С. 62–75. DOI: 10.31857/S013161170009271-7.

Issues of Modern Russian Language

Phraseologically Bound Sentences Like *Kto Kak ne On Pomozhet!* in Russian Language (Main Aspects)

Arkadiy F. Kalinin, Balashov branch of Saratov State Agrarian University (Russia, Balashov),
kalininarkadiy@mail.ru

ABSTRACT: The paper studies Russian phraseologically bound sentences like *Kto kak ne on pomozhet!* in three main aspects: structural-grammatical, logical-semantic and communicative. It allows to solve a problem of classification and typology of such syntactic units. The article studies formal organization of these sentences, syntactic categories which form predicativity (modality, tense and person), universal grammatical meanings of the sentence and grammatical category of subject as well as semantic category of agent.

We determine the relevance of these syntactic units for two-member sentences based on structural-grammatical aspects. The paper investigates semantic organization of phraseologically bound sentences like *Kto kak ne on pomozhet!* as well as identifies and characterizes two-, three- and four-component elementary and non-elementary semantic structures of these sentences. We also determine two-member sentences based on logical and grammatical aspects.

The article studies communicative organization of these phraseological sentences and reveals that they are dissected and divided into theme and rheme by phrases. Considering them from communicative aspect, we can say that they are two-member sentences.

Such multi-aspect research lets us suggest structural-grammatical, logical-semantic and communicative classification of the of phraseologically bound sentences like *Kto kak ne on pomozhet!* and to build common typology of these syntactic units, which is highly important for the syntax theory of simple sentence in Russian language.

KEYWORDS: Russian language, phraseologically bound sentence, structural and grammatical aspect, logical and semantic aspect, semantic structure of sentence, two-member sentence

FOR CITATION: Kalinin A. F. Phraseologically Bound Sentences Like *Kto Kak ne On Pomozhet!* in Russian Language (Main Aspects). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 62–75. DOI: 10.31857/S013161170009271-7.

Лингвистическая сущность русских фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* не изучена, не исследована их формальная, смысловая и коммуникативная организация, что представляется актуальным, тем более что такие синтаксические единицы нередко употребляются в разговорной речи, в различных жанрах художественной литературы и в публицистике.

В статье они рассмотрены в трех основных аспектах: структурно-грамматическом, логико-семантическом и коммуникативном. При исследовании в структурно-грамматическом аспекте изучается их формальная организация, грамматические значения предложения и отношения между его словоформами.

Повествовательные восклицательные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* являются фразеологизированными. При

определении данного статуса таких предложений мы исходим из концепции «Русской грамматики» [Шведова (гл. ред.) 1980: 391]. Подчеркнем при этом, что фразеологизированные предложения рассматриваются как языковой и коммуникативный феномен [Величко 2015; Иомдин 2006]. Отметим также, что в последнее время появилось значительное количество работ из области грамматики конструкций, «малого синтаксиса», и работы, описывающие фразеологизмы-конструкции, что свидетельствует об актуальности их изучения [Рахилина, Кузнецова 2010; Добровольский 2016; Добровольский 2017].

Фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* в структурно-грамматическом аспекте — это двусоставные прономинально-глагольные предложения, предикативная основа которых представлена координируемыми главными членами: подлежащим, выраженным личным местоимением в именительном падеже в сочетании с местоименным словом *кто*, прямое лексическое значение которого ослаблено, союзом *как* и отрицательной частицей *не* или его синтаксическим эквивалентом — именем существительным в именительном падеже в сочетании с указанными выше компонентами — и простым глагольным сказуемым, выраженным лексически свободным глаголом совершенного или несовершенного вида в форме единственного или множественного числа синтаксического индикатива или синтаксического ирреального сослагательного наклонения: *Кто как не она его спасет!*; *Кто как не родители постоянно о нем заботятся!*; *Кто как не мы отвечаем за судьбу своей страны!*; *Кто как не он справился бы с этой работой!* Порядок подлежащего и сказуемого в таких фразеологизированных предложениях строго закреплён.

Данные предложения означают акцентированное утверждение целесообразности действия — именно для данного субъекта, по отношению к данному объекту, в данном месте, при данных обстоятельствах:

Кто как не он ему там в этой трудной ситуации поможет!

Различаются нерасчлененные фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* (в них отсутствуют детерминанты) и расчлененные (в их составе детерминанты наличествуют).

Детерминанты в расчлененных фразеологизированных предложениях данного структурного типа имеют пространственные значения: *Кто как не он там поможет!*; временные: *Кто как не они теперь спасут!*; причинные: *Кто как не он сгоряча уничтожит!*; целевые: *Кто как не она назло испортит!*

При исследовании фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* в структурно-грамматическом аспекте

выявим, как реализованы в них синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие универсальную грамматическую категорию предложения — предикативность [Виноградов 1975: 268], грамматическая категория субъекта и семантическая категория агенса, или деятеля. При этом нами также учитывается тенденция в современной лингвистике к формальному и содержательному сужению понятия «предикативность» [Шведова (отв. ред.) 1970: 542].

Исследуем вначале синтаксическую категорию модальности и ее проявление в данных фразеологизированных предложениях. В единой сложной синтаксической категории модальности обычно различают объективную модальность и субъективную модальность, но выявляют и другие модальные значения (внутрисинтаксические модальные значения, частные модальные значения) [Востоков 2000: 29–30; Золотова 2008].

Основной является объективная модальность, являющаяся обязательным грамматическим признаком любого предложения и выражающая отнесенность высказывания к действительности с точки зрения реальности/ирреальности; она может быть передана четырьмя способами: морфолого-синтаксическим, интонационно-синтаксическим, конструктивно-синтаксическим и лексико-синтаксическим [Золотова 1973: 142–145].

Во фразеологизированных предложениях структурного типа *Кто как не он поможет!* выявляется объективная модальность реальности/ирреальности, способы ее выражения — морфолого-синтаксический, интонационно-синтаксический и лексико-синтаксический.

В данных фразеологизированных предложениях, в функциональном аспекте являющихся повествовательными, со сказуемым — глаголом в форме настоящего, прошедшего или будущего времени синтаксического индикатива выявляется объективная модальность реальности: *Кто как не она ему об этом расскажет!; Кто как не геологи открыли это богатое месторождение нефти!; Кто как не мы отвечаем за судьбу потомков!*

В таких фразеологизированных предложениях выявляется объективная модальность ирреальности со сказуемым — глаголом в форме синтаксического ирреального сослагательного наклонения: *Кто как не он сделал бы это!*

Во фразеологизированных предложениях структурного типа *Кто как не он поможет!* субъективная модальность, а также внутрисинтаксические модальные значения и частные модальные значения не проявляются, что обусловлено их структурой и семантикой.

Категория времени выражает отнесенность высказывания к моменту речи. Понятие синтаксической категории времени ввел в отечественную лингвистику акад. А. А. Шахматов, который полагал наличие данной

категории как в глагольных, так и в безглагольных предложениях [Шахматов 2001: 19].

Принято строго разграничивать категории морфологического и синтаксического времени. Морфологическое время — это одно из значений формы слова (глагола), формально выражающееся средствами морфем. Синтаксическое время — это категория уровня предложения, имеющая свои формальные средства выражения: структурную схему предложения как исходный член оппозиции, эксплицирующий синтаксическое настоящее время, и глагольное слово (знаменательное и служебное) с его средствами словоизменения, поставленными на службу синтаксису [Шведова (отв. ред.) 1970: 543].

Синтаксическая категория времени реализуется или в системе временных форм предложения, образующих парадигму, или во вневременности — одной из форм ее проявления.

Во фразеологизированных предложениях структурного типа *Кто как не он поможет!* наличествует полная временная парадигма: формы будущего, настоящего и прошедшего времени синтаксического индикатива — сказуемое выражено спрягаемым глаголом несовершенного вида, — и неполная временная парадигма: формы будущего и прошедшего времени синтаксического индикатива — сказуемое представлено спрягаемым глаголом совершенного вида. Ср.: *Кто как не он это строит (строил, будет строить)! — Кто как не он это построит (построил)!*

Фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* имеют, как было отмечено, форму синтаксического ирреального сослагательного наклонения. Следовательно, данные фразеологизированные предложения могут иметь трех- или четырехчленную модально-временную парадигму.

Детерминанты с временным значением уточняют, конкретизируют в них значение времени: *Кто как не он о них потом позаботится!*

Основополагающими в теории простого предложения являются синтаксическая категория лица, грамматическая категория субъекта и семантическая категория агенса, или деятеля, определяющие структурно-семантический тип предложения.

Синтаксическое лицо — это категория предложения, необходимая для оформления предикативности и устанавливающая отношение высказывания к первому, второму или к третьему лицу.

Фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* — это двусоставные прономинально-глагольные предложения.

Личное местоимение в функции подлежащего может употребляться в форме первого, второго или третьего лица единственного или множественного числа, то есть данные фразеологизированные предложения

имеют полную микропарадигму лица: *Кто как не я им помогу!*; *Кто как не ты им поможешь!*; *Кто как не он им поможет!*

Грамматический субъект — это словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, которая называет признак предмета. Грамматический субъект может проявляться в словосочетании и в предложении: *Лунная ночь*; *Машина мчится*. В более узком толковании грамматический субъект — это подлежащее [Лекант (ред.) 1995: 353]. Следовательно, фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* являются субъектными предложениями.

Агнс, или деятель, — это производитель глагольного действия. Данное понятие относится к содержательной стороне предложения. В исследуемых фразеологизированных двусоставных глагольных предложениях со значением глагольного действия, являющихся агенсными предложениями, агнс выражается личным местоимением в форме именительного падежа в сочетании с местоименным словом *кто*, союзом *как* и частицей *не* или его синтаксическим эквивалентом — именем существительным в сочетании с указанными выше компонентами: *Кто как не он вовремя это сделает!*; *Кто как не родители купят ему квартиру!* Данные фразеологизированные предложения со значением состояния являются безагненными предложениями: *Кто как не она его так полюбит!*

Итак, исследование фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* в структурно-грамматическом аспекте показало, что они, будучи фразеологизированными двусоставными прономинально-глагольными предложениями в системе простого предложения в русском языке, являются субъектными, агенсными, с определенным агенсом, предложениями со значением глагольного действия и безагненными высказываниями со значением состояния и характеризуются спецификой выражения синтаксических категорий модальности, времени и лица.

Исследуя фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* в логико-семантическом аспекте, мы учитываем, что в современной лингвистике сложилось множество концепций и подходов относительно семантики предложения. Весьма распространенной является денотативная, или референтная, концепция значения предложения, базирующаяся на выявлении отношений между высказыванием и обозначаемой им ситуацией, или событием [Ломтев 1972; Москальская 1977].

Широко представлены исследования, авторы которых связывают смысловую организацию предложения с его формальной организацией. Лингвисты этого направления предложили понятие семантической структуры

предложения. Семантическая структура предложения — это содержание предложения, известное обобщение соответствующих лексических значений, осуществляемое и направляемое моделью предложения [Данеё 1968; Шведова 1973]. Смысловая организация предложения устанавливается нами на основе его формальной устроенности.

В соответствии с концепцией «Русской грамматики», существуют элементарные, простейшие семантические структуры, включающие в свой состав элементарные семантические категории, или семантические компоненты: семантический предикат (семантический предикативный признак), семантический субъект и семантический объект, — и неэлементарные, расширенные семантические структуры, включающие в свой состав неэлементарные семантические компоненты с различными определенными и обстоятельно-определяющими значениями [Шведова (гл. ред.) 1980: 124–125].

Компонентный анализ фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* основывался на семантической структуре предложения и выявил, что семантические структуры данных предложений могут быть двух-, трех- и четырехкомпонентными.

Двухкомпонентные элементарные семантические структуры фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* включают в свой состав семантический субъект, выраженный личным местоимением в именительном падеже в сочетании с местоименным словом *кто*, союзом *как* и частицей *не* или его синтаксическим эквивалентом — именем существительным в именительном падеже в сочетании с указанными выше компонентами, и семантический предикат, обозначающий действие или состояние субъекта и выраженный спрягаемым глаголом в форме будущего, настоящего или прошедшего времени синтаксического индикатива или в форме синтаксического ирреального сослагательного наклонения: *Кто как не он разберется!*; *Кто как не мы победили!*; *Кто как не она заботится!*; *Кто как не он сделал бы!* В таких фразеологизированных предложениях, означающих акцентированное утверждение целесообразности действия именно для данного субъекта, субъективно-модальное значение связано с местоименным словом *кто*, прямое лексическое значение которого здесь утрачено.

Трехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* делятся на две группы.

1. Элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката и семантического объекта. В данных семантических структурах значение внутреннего состояния, речи, мысли, отношения или действия направлено на объект, выраженный

личным местоимением или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Кто как не она меня вылечит!; Кто как не отец его накажет!; Кто как не мать ей посоветует!*

2. Неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката и семантического конкретизатора; семантический конкретизатор указывает на место, время, способ проявления состояния или совершения действия, причину, цель и выражен наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Кто как не дети здесь играют!; Кто как не он назло сделает!; Кто как не волонтеры теперь поедут!*

Четырехкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* делятся на три группы.

1. Элементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката и двух семантических объектов. Действие или состояние субъекта в них направлено на объекты, выраженные личными местоимениями или именами существительными в косвенных падежах без предлогов или с предлогами: *Кто как не она его от болезни вылечит!; Кто как не ты отговоришь брата от поездки!; Кто как не вы сообщите родственникам о трагедии!*

2. Неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката, семантического объекта и семантического конкретизатора. Действие или состояние субъекта в них направлено на объект, выраженный личным местоимением или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом; семантический конкретизатор указывает на место, время, способ проявления состояния или совершения действия, причину, цель и выражен наречием или именем существительным в косвенном падеже без предлога или с предлогом: *Кто как не он вовремя выполнит работу!; Кто как не она назло ему навредит!; Кто как не он построит здесь хоромы!*

3. Неэлементарные семантические структуры, состоящие из семантического субъекта, семантического предиката и двух семантических конкретизаторов; семантические конкретизаторы указывают на место, время, способ проявления состояния или совершения действия, причину, цель и выражены наречиями или именами существительными в косвенных падежах без предлогов или с предлогами: *Кто как не он назло потом отомстит!; Кто как не они втихомолку оттуда сбегут!; Кто как не она поневоле теперь страдает!*

Этот перечень семантических структур фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* не является окончательным и может быть продолжен.

В логико-семантическом аспекте, как и в структурно-грамматическом, повествовательные фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* являются двусоставными (двучленными) предложениями: в их семантической структуре непременно имеются семантический субъект и семантический предикат.

При описании объективного содержания фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* с опорой на понятие пропозиции (а пропозиция — это модель называемого предложением «положения дел», объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, какую сообщает ему формальная организация предложения [Белошапкова (ред.) 1981: 481]) подчеркнем, что данные фразеологизированные предложения являются глагольными предложениями. Глагольным предложениям — и свободным, и фразеологизированным — присуще положение говорящего в позиции наблюдателя. Говорящий субъект в данной позиции «портретирует» действительность — совершающиеся в них события с их участниками. Языковым отражением такой операции является событийная пропозиция. Способом категоризации событийных значений является глагол. Таким образом, в основе номинативного значения данных фразеологизированных предложений лежит событийная пропозиция.

При описании объективного содержания фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* с опорой на понятие вида суждения отметим, что такие синтаксические единицы являются логико-семантическим типом фразеологизированных реляционных предложений, соответствующих суждению отношения.

В коммуникативном аспекте рассматриваются закономерности употребления предложения или высказывания как единицы общения, сообщения. Данный аспект выражается в выделении в предложении главной, основной части сообщения, содержащей новое, неизвестное собеседнику. Эта часть сообщения обычно выделяется относительно другой, заключающей в себе уже известное. Членение предложения или высказывания таким способом — это актуальное, или коммуникативное, членение, или членение на тему и рему, данное и новое, основу и ядро. Средствами выражения актуального членения являются порядок слов, интонация, частицы и особые синтаксические конструкции [Белошапкова (ред.) 1981: 503–506].

При исследовании фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* в коммуникативном аспекте нами использована классификация типов высказываний по характеру содержащейся в них актуальной информации, предложенная чешским лингвистом

П. Адамцем в книге «Порядок слов в современном русском языке» [Адамец 1966: 26–30], который выделяет четыре типа высказываний: 1) общеинформативные; 2) частноинформативные; 3) общевеерификативные; 4) частновеерификативные — в соответствии с типами вопросов, выдвинутых швейцарским ученым Ш. Балли в труде «Общая лингвистика и вопросы французского языка»: а) полный диктальный вопрос; б) частичный диктальный вопрос; в) полный модальный вопрос; г) частичный модальный вопрос [Балли 1955: 47–48].

Анализ фразеологизированных предложений структурного типа *Кто как не он поможет!* в коммуникативном аспекте показал, что они являются расчлененными высказываниями, имеющими в своем составе тему и ремю. В данных фразеологизированных предложениях, рассмотренных в коммуникативном аспекте, выявились следующие четыре типа высказываний.

1. Общеинформативные фразеологизированные высказывания структурного типа *Кто как не он поможет!*, отвечающие на полный диктальный вопрос и передающие вещественную информацию в целом; актуальная информация совпадает с вещественной, сказуемое входит в ремю: *Кто как не он // теперь ее вылечит!; Кто как не они // нам там помогут!*

2. Частноинформативные фразеологизированные высказывания структурного типа *Кто как не он поможет!*, отвечающие на частичный диктальный вопрос; актуальная информация, содержащаяся в них, представляет собой один частный момент вещественной информации; сказуемое входит в тему, так как предполагается, что событие в целом известно: *Кто как не он воспитает // этих сирот!; Кто как не они спасут // тонущих моряков!*

3. Общевеерификативные высказывания структурного типа *Кто как не он поможет!*, отвечающие на полный модальный вопрос, представляют собой не новое сообщение, а «реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения» [Адамец 1966: 27], ремой данных высказываний является одно сказуемое: *Кто как не она их всех // погубит!; Кто как не они детей в тайге // найдут!*

4. Частновеерификативные фразеологизированные высказывания структурного типа *Кто как не он поможет!*, отвечающие на частичный модальный вопрос, констатируют реальность не факта в целом, а какого-то одного его момента: *Кто как не учитель // этот сложный материал нам объяснит!; Кто как не специалист // во всем этом разберется!*

Итак, фразеологизированные высказывания структурного типа *Кто как не он поможет!*, исследованные в коммуникативном аспекте, являются расчлененными, имеющими тема-рематическое членение, и представляют собой двусоставные предложения.

В системе простого предложения в современном русском языке фразеологизированные предложения структурного типа *Кто как не он поможет!* находятся в классе фразеологизированных двусоставных предложений в подклассе глагольных предложений.

Литература

- Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966. 96 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Белошапкова В. А. (ред.). Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1981. 560 с.
- Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры как языковой и коммуникативный феномен // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Рус. и иностр. языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 7–14.
- Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избран. тр. Исслед. по рус. грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
- Востоков В. В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. педагог. ун-т. М., 2000. 37 с.
- Добровольский Д. О. Грамматика и фразеология: точки пересечения // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 76. № 1. 2017. С. 5–14.
- Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Золотова Г. А. О категории модальности // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 16–20.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 202–206.
- Лекант П. А. (ред.). Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высшая школа, 1995. 382 с.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 197 с.
- Москальская О. И. Вопросы синтаксической семантики // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 45–56.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.

- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.
- Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов, Варшава, август 1973 года. Докл. совет. делегации. М.: Наука, 1973. С. 458–483.
- Daneš Fr. *Semantická' struktura větného vzorce* // *Otázky slovanské syntaxe*, II. Brno, Universita J. E. Purkině, 1968. S. 45–49.

References

- Adamec P. *Poryadok slov v sovremennom rusском yazyke* [The word order in Modern Russian]. Praha, Academia, 1966. 96 p.
- Balli Sh. *Obshaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Issues]. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 1955. 416 p.
- Beloshapkova V. A. (ed.). *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1981. 560 p.
- Daneš Fr. [Semantic structure of sentence patterns]. *Otázky slovanské syntaxe*, II [Slavic syntactic questions, II]. Brno, Universita J. E. Purkině Publ., 1968, pp. 45–49. (In Czech.)
- Dobrovolskiy D. O. [Grammar and phraseology: points of intersection]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka*. Vol. 76, no. 1, 2017, pp. 5–14. (In Russ.)
- Dobrovolskiy D. O. [Grammar of constructions and phraseology]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2016, no. 2, pp. 7–21. (In Russ.)
- Iomdin L. L. [Multivalued syntactic phrases: between vocabulary and syntax]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2006* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Proceed. of the International Conference "Dialogue 2006"]. Moscow, RSUH Publ., 2006, pp. 202–206. (In Russ.)
- Lekant P. A. (ed.). *Kratkii spravochnik po sovremennomu rusскому yazyku* [A quick reference to Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1995. 382 p.
- Lomtev T. P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [Sentence and its grammatical categories]. Moscow, Moscow. St. Univ. Publ., 1972. 197 p.
- Moskalskaya O. I. [Questions of syntactic semantics]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1977, no. 2, pp. 45–56. (In Russ.)
- Rahilina E. V., Kuznetsova Yu. L. [Grammar of constructions: theory, supporters, close ideas]. *Lingvistika konstruktii* [Linguistics of constructions]. Resp. ed. E. V. Rakhilina. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 18–79. (In Russ.)
- Shahmatov A. A. *Sintaksis rusского yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.

- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika. V 2 t.* [Russian grammar. In 2 vols.]. Vol. II. *Sintaksis* [Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 710 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 768 p.
- Shvedova N. Yu. [On the correlation of the grammatical and semantic structure of sentences]. *Slavyanskoe yazykoznanie VII Mezhdunar. s'ezd slavistov. Varshava, avg. 1973 g. Dokl. sov. delegatsii* [Slavic linguistics: 7th Intern. Congress of Slavists, Warsaw, August 1973. Papers of Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 458–483. (In Russ.)
- Velichko A. V. [Proposals of a phraseological unit as a linguistic and communicative phenomenon]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2015, no. 4, pp. 7–14. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [Basic questions of sentence syntax]. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected Works. Studies in Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 254–294.
- Vostokov V. V. *Sistema grammaticheskikh znachenii prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*: avtoref. dis. ... doct. filol. nauk. [The system of grammatical meanings of a simple sentence in Modern Russian. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, Moscow Pedagog. Univ. Publ., 2000. 37 p.
- Zolotova G. A. [On the category of modality]. *Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podkhody k izucheniyu* [Modality in language and speech: new approaches to the study]. Kaliningrad, I. Kant RSU Publ., 2008, pp. 16–20. (In Russ.)
- Zolotova G. A. *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 352 p.

О названиях экзотических фруктов: современный взгляд и лексикографическая традиция

Анна Сергеевна Кулева¹, Анна Разифовна Пестова²,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), an.kuleva@gmail.com¹,

pestova2012@gmail.com²

DOI: 10.31857/S013161170009273-9

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена названиям экзотических плодов, их отражению в словарях и употреблению в речи носителей русского языка. Представлены результаты опроса: выделены наиболее актуальные названия данной тематической группы (в частности, *манго*, *маракуйя*, *личи*, *папайя*) и составлен список их орфографических вариантов. Ответы участников опроса демонстрируют, что норма в этой области весьма расплывчата и неустойчива. Об этом свидетельствуют высокая вариативность наименований одного экзотического плода (*питахайя*, *питайя*, *питайа*, *сердце дракона*, *драконье сердце*, *дракон фрукт*, *драгонфрут*, *dragon fruit*, *красный дракон*), упоминание несуществующих плодов (*мамайя*, *гуакамоле*, *гуана*), затруднения с выбором правильного наименования. По материалам Национального корпуса русского языка, а также на основе данных различных словарей и энциклопедий прослеживается история появления и динамика употребления этих слов в русском языке. Кроме того, в статье затронута проблема авторитетности и востребованности словарей. В ходе опроса выяснилось, что носители русского языка не обращаются к словарям для получения информации о названиях новых экзотических плодов, предпочитая им

Интернет, СМИ или ценники в магазинах. Хотя опрос носит предварительный характер, он дает возможность определить основные точки напряжения в рассматриваемой группе слов и наметить направления дальнейшего исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иноязычная лексика, лексикография, названия фруктов, русский язык, толковый словарь

для цитирования: Кулева А. С., Пестова А. Р. О названиях экзотических фруктов: современный взгляд и лексикографическая традиция // Русская речь. 2020. № 2. С. 76–91. DOI: 10.31857/S013161170009273-9.

Issues of Modern Russian Language

On the Names of Exotic Fruits: a Modern Look and Lexicographical Tradition

Anna S. Kuleva¹, Anna R. Pestova², Vinogradov Russian Language Institute
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), an.kuleva@gmail.com¹, pestova2012@gmail.com²

ABSTRACT: This paper deals with the names of exotic fruit in Russian language, their description in the dictionaries and usage by native speakers. As the result of the poll, the most relevant words of this thematic group, such as *манго* ‘mango’, *маракуйя* ‘passion fruit’, *личи* ‘lychee’, *папайя* ‘papaya’, have been determined and their spelling variants have been represented. The answers of the respondents show that the norm in this sphere is very diffuse and unstable. This is proved by a high variability of names for one exotic fruit (*питахайя*, *питайя*, *питайа*, *сердце дракона*, *драконье сердце*, *дракон фрукт*, *драгонфрут*, *dragon fruit*, *красный дракон* ‘dragonfruit’, or ‘pitaya’), coining names for non-existent fruit (*мамайя* ‘mamaya’, *гуакамолe* ‘guacamole’, *гуана* ‘guana’) and difficulties when choosing the right name for some fruit. The materials of the Russian National Corpus and the data of different dictionaries and encyclopedias allow us to trace the history and

dynamics of these words' usage in Russian. Besides, the article concerns the reliability of the dictionaries and social demand for them, as the poll demonstrated that the native speakers of Russian don't often use dictionaries as a source of information about the names of new exotic fruit. They prefer to consult the Internet, mass media or marketing names instead. Although our questionnaire is preliminary, it helps us to determine the main problems in the thematic group under consideration and to outline the way of their future study.

KEYWORDS: borrowings, explanatory dictionary, fruit names, lexicography, Russian

FOR CITATION: Kuleva A. S., Pestova A. R. On the Names of Exotic Fruits: a Modern Look and Lexicographical Tradition. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 76–91. DOI: 10.31857/S013161170009273-9.

Чтобы получить представление о языковой картине мира, нередко обращаются к идеографическому описанию лексики [Шведова (ред.) 2002]. Анализ отдельных тематических пластов позволяет понять, как и в каком объеме осмысливается тот или иной фрагмент действительности, как объективная реальность отражается в разных языках (см., например [Зализняк и др. 2005]). Особый интерес представляют активно пополняющиеся лексические группы: их актуализация, вызванная в первую очередь обстоятельствами экстралингвистического характера, дает богатый собственн языковой материал. Хотя в работе [Шапошников 2010] утверждается, что в 1990-х гг. «не обнаружилось массового словарного пополнения в таких областях, как царство животных, полезных ископаемых, деревьев, растений», а также «в сфере еды, питания» [Там же: 103], однако наблюдения за современным употреблением позволяют увидеть, что именно эти тематические группы интенсивно пополняются. В статье, опубликованной на страницах журнала ранее [Кулева 2019], была сделана попытка охарактеризовать развитие такого интереснейшего разряда лексики, как названия экзотических фруктов.

В настоящей работе, помимо данных словарей и энциклопедий, мы проанализировали языковой опыт носителей русского языка, опираясь на результаты опроса. В нем приняло участие 72 человека в возрасте от 16 до 83 лет (45 женщин, 27 мужчин) — как лингвисты, так и те, чей род

деятельности не связан напрямую с языком: бухгалтеры, менеджеры, юристы, дизайнеры, инженеры, врачи, музыканты, программисты и др. Чтобы выяснить, какие названия экзотических фруктов сейчас наиболее актуальны и откуда носители русского языка их узнают, мы попросили респондентов заполнить следующий простой опросник:

Пол:

Возраст:

Род занятий:

- 1.1. Любите ли вы экзотические фрукты?
- 1.2. Бывали ли вы в странах Азии? Если да, то в каких?
- 1.3. Покупаете ли вы экзотические фрукты в России или предпочитаете есть их только на отдыхе?
- 2.1. Какие названия экзотических фруктов у вас на слуху?
- 2.2. Как вы узнавали названия новых для вас фруктов: из торговых названий, от знакомых, из иноязычных источников, из книг?

Лингвисты, участвовавшие в опросе, рассуждали в первую очередь об объеме понятия *экзотический*:

Какой фрукт считать экзотическим? У разных людей ответ на этот вопрос может быть разным. Для меня, например, в моем детстве и апельсин был экзотическим фруктом. Ну, а сейчас экзотическими я бы назвал фейхоа, лайм, авокадо;

Под экзотическими будем понимать фрукты, произрастающие не в наших краях;

Не знаю даже, можно ли их считать экзотическими, но все же перечислю скромный список тех фруктов, которые я отношу к экзотическим...

Подобные ремарки вставляли и нелингвисты, например: *помело (достаточно экзотический?), ананас экзотический?; манго уже не такой экзотичный (хотя смотря какой).*

Представления об экзотике у каждого свои: кто-то причисляет к экзотическим фруктам лимон, а кто-то уточняет в скобках о мушмале: *хотя это вряд ли экзотический фрукт*. Это может свидетельствовать о том, что значение слова «экзотика» в современном языке размывается. См. толкования данного существительного в словарях: «причудливые, необычайные особенности (природы, обычаев, искусства и т. д.) отдаленных, малоизвестных стран» [Евгеньева (ред.) 1981–1984]; «предметы и явления, характерные для какой-н. местности и необычные для того, кто их воспринимает» [Шведова (ред.) 2007]; «предметы и явления (природы, быта, искусства и т. п.), характерные для какой-л. местности, страны (обычно отдаленной) и незнакомые жителям другой местности, страны» [Кузнецов 2000].

По-видимому, компоненты значения «малоизвестный», «отдаленный», «незнакомый» постепенно утрачивают свою актуальность в связи с обстоятельствами экстралингвистического характера. Во-первых, люди в последние годы стали больше путешествовать, в том числе в азиатские страны, которые принято называть «экзотическими». Более того, россияне все чаще эмигрируют не в Европу, а в страны Юго-Восточной Азии (Таиланд, Камбоджа, Китай и др.), где постепенно формируется русская диаспора. Во-вторых, мы все чаще встречаем в наших магазинах экзотические фрукты, которые раньше могли увидеть и попробовать только за границей.

Вероятно, здесь можно выделить два уровня. Экзотические фрукты в широком понимании — это те, которые не произрастают у нас в естественных условиях, хотя некоторые из них давно стали обыденными (*апельсин, банан, финик, хурма*). В узком смысле это недавно появившиеся в нашей жизни плоды, которые не просто сохраняют ореол новизны, но и известны далеко не всем нашим соотечественникам (*дуриан, личи, рамбутан*), поэтому знакомство с ними тесно связано с посещением «экзотических» стран, преимущественно Юго-Восточной Азии.

Кстати, понятие «фрукт» респонденты понимали максимально широко, скорее в обобщенном значении «съедобный плод». К фруктам относили кокосы, бананы, лимоны, инжир, финики и др. Это яркий пример несовпадения научной (в данном случае — ботанической) и наивной картины мира, осмыслению чего посвящена обширная научная литература, ср. [Апресян 1974; Апресян и др. 2007: 91–93; Иомдин 2012] и др. В статье мы ориентируемся на бытовое (ненаучное) понимание «фрукта», исключив только орехи.

Всего в ответах фигурировало около 40 экзотических плодов (48 названий, причем для некоторых из них не всегда можно точно сказать, к какому именно плоду их относит информант). Чаще всего участники опроса называли **манго**: его упомянуло 60 человек (83 %). На втором месте — **маракуйя**: она присутствует в ответах 33 человек (46 %). Показательно, что если человек называл всего два фрукта, которые у него на слуху, то, как правило, это были именно манго и маракуйя. При этом некоторые опрошенные признавались, что не знают, как выглядит маракуйя, но название им хорошо известно: *Не очень хорошо себе представляю, как она выглядит, но из нее делают сок, поэтому название на слуху*. Надо сказать, что это неудивительно: именно манго и маракуйя часто встречаются в переработанном виде — как соки, наполнитель для йогурта или мороженого, «вкус» газировки, жевательной резинки и др.

Третье место с небольшим отрывом занимает **личи**: 31 человек (43 %), четвертое — **папайя**: 30 человек (42 %).

Далее по частотности идут:

- **ананас** — 27 человек (37,5 %);
- **киви, авокадо** — по 23 человека (32 %);
- **помело, кокос и банан** — по 16 человек (22 %);
- **дуриан** — 15 человек (21 %);
- **фейхоа, питаия** — по 12 человек (17 %);
- **кумкват** — 11 человек (15 %);
- **гуава** — 10 человек (14 %);
- **инжир, мангустин** — по 9 человек (12,5 %);
- **карамбола** — 8 человек (11 %);
- **мушмула, глаз дракона** — по 7 человек (10 %);
- **мандарин, хурма** — по 5 человек (7 %);
- **апельсин, грейпфрут** — по 4 человека (5,5 %);
- **лайм, рамбутан** — по 3 человека (4 %);
- **гранат, красный дракон, лангсат, лимон, нойна, персик, сала, физалис, финики, хеномелес, хлебное дерево, черемоя**, а также **гуакамол**, **мамаия** — по 1 человеку (1 %).

Отдельно отметим два наименования, которые встретились нам в ответах респондентов: *гуакамол* и *мамаия*. *Гуакамол* — это мексиканский соус или холодная закуска. *Мамаия* — шуточный окказионализм, обыгрывающий название *папайя*. Такого фрукта не существует, однако можно найти его описания на форумах, в блогах: «папайя желтая, мамаия красная», «мамаия — разновидность папайи, но только она больше по размеру и не такая сладкая», ср. ответ участницы нашего опроса: *мамаия (как папайя, но не длинная, а круглая)*.

Кроме того, из приведенного списка имеет смысл исключить как *кокос* (который предпочтительнее рассматривать среди орехов), так и *физалис* и *хеномелес* (более известный как *японская айва*) — популярные садовые растения, в большей степени известные не своими плодами (хотя они съедобны у некоторых видов), а в качестве декоративных. Характерно, что в список экзотических растений попал *хеномелес* — само это название (ботанически точное) малоизвестно, а более распространенный вариант *японская айва* содержит географическую отсылку.

Всё это показывает путаницу, которую создает обилие экзотизмов, окружающих современного носителя русского языка.

В ответах респондентов названия многих фруктов демонстрируют высокую степень вариативности:

- *папайя* (29 человек) vs *папайа* (1 человек);
- *маракуйя* (29) vs *маракуя* (2) vs *пэшн-фрут* (1);

- помело (10) vs памело (2) vs памела (1) vs памелло (1) vs помела (1) vs помело (1)¹;
- дуриан (14) vs дурьян (1);
- кумкват (10) vs кункват (1);
- глаз дракона (4) vs драконий глаз (3);
- мангустин (6) vs мангостин (3);
- питахайя (4) vs питайя (2) vs питайа (1) vs сердце дракона (1) vs dragon fruit (1) vs драконье сердце (1) vs дракон фрукт (1) vs драгонфрут (1) vs красный дракон (1);
- фейхоа (11) vs фейхуа (1);
- карамбола (5) vs рокамболь (1) vs карамболь (1) vs старфрут (1).

Информанты, которые не могли сразу вспомнить некоторые названия знакомых им фруктов, приводили интересные рассуждения, например:

Карамбола — вроде так называется, в форме звездочки которая, или это старфрут?

Еще помню фрукт в виде звездочки, вот сейчас долго вспоминала его название. Сначала вспомнила рокамболь, оказалось, что это не фрукт, а гигантский лук-чеснок, а по совместительству литературный герой, потом ввела карамболь — оказалось, что это особый удар в бильярде, и только когда ввела в поисковике «фрукт в виде звездочки», мне показали карамболу;

Этот зеленый, в шерстке, от которого Ельцин в свое время с ума сошел, — киви;

Еще есть гуана. Ой, нет! Гуано, игуана, Гуантанамо — это все не то. Гуава.

Надо отметить, что из 72 опрошенных лишь 12 (17 %) ответили, что не любят экзотические фрукты, и 2 (3 %) — что равнодушны к ним. Что логично и ожидаемо, они перечисляют меньше экзотических плодов либо называют те, что уже перестали считаться экзотическими (бананы, ананасы, мандарины, персики и т. п.).

Интересно, что опросом не подтвердилась другая «предсказуемая» закономерность, что люди, часто бывающие в экзотических местах, знают больше названий. Вероятно, в данном случае, наоборот, потребность в назывании фрукта русским именованием возникает реже, поскольку можно использовать иноязычное слово (название английское или местное) или же просто, что называется, показать пальцем — «продайте мне это».

¹ Ср. также вопросы «Справочному бюро» справочно-информационного портала «Грамота.ру». «Что такое помпельмус?», ответ справочной службы русского языка: «Это помело или грейпфрут»; «Как правильно пишется название фрукта памело и куда ставится ударение?», ответ справочной службы русского языка: «Правильно: помело, ударение на е».

Всё это: размытость понятий «экзотический» и «фрукт», высокая вариативность наименований одного плода (до 9 вариантов — см., например, *питахайя*), упоминание несуществующих «фруктов» и затруднения с выбором названия существующих, — свидетельствует о том, что тематическая группа экзотических фруктов в современном русском языке является сильной точкой напряжения.

Рис. 1. Листовка «Фрукты Таиланда» | Fig. 1. The leaflet "Fruits of Thailand"

Чуть больше половины опрошенных (37 человек, 51 %) покупают экзотические фрукты в России. Эта группа респондентов узнаёт новые названия фруктов в основном из торговых названий (характерный комментарий одного информанта: *Что написано в магазине — тому и верим*) и от знакомых. Основными источниками новых названий у тех, кто предпочитает есть экзотические фрукты только на отдыхе (49 %), являются интернет-источники (Википедия, социальные сети, различные блоги, инстаграм, фейсбук, мобильные приложения), знакомые, а также книги и СМИ (телевизионные передачи о путешествиях, журналы, буклеты). Важным источником становится и «встречная» информация: изготовляемые специально для русскоязычных туристов информационные буклеты, листовки, где приводятся фотографии плодов, их краткое описание, а также название или ряд названий (местное, английское, русское). Впрочем, правильность русского названия в таких случаях оказывается не первостепенной задачей, уступая место практической информации, например: «Папайя. Это ягода, по вкусу напоминающая дыню», «Карамбола — небольшой угловатый овальный фрукт ярко-желтого цвета», «Лонган. Обычно продается пучками», «Дуриан. Его не стоит употреблять с алкоголем» и пр. Нередко встречаются и русскоязычные (или псевдорусскоязычные) вывески и ценники типа *гранатовое 'гранат'*, *МАРАКУЯ 'маракуйя'* и др.

Надо отметить, что Интернет в качестве актуального источника называют практически все опрошенные. На противоположном полюсе — «Большая советская энциклопедия» (БСЭ), которую упомянул всего один опрошенный с комментарием «там всё есть». Ни один респондент не упомянул в качестве источника словари.

Парадоксальным образом, именно здесь можно обнаружить «корень проблемы». Действительно, в последние годы мы наблюдаем такие тревожные тенденции, как падение авторитета научного знания, всё возрастающий разрыв между повседневным и научным знанием, а в частности — неумение пользоваться словарями. Этому есть объективные причины. Действительно, в существующих толковых словарях не отражены обширные пласты лексики, актуальной для современного носителя языка (так, не имеет смысла искать в МАС [Евгеньева (ред.) 1981–1984] не только *личи* и *амбутан*, но и *браузер* и *смартфон*). Новые словари большого и среднего объема еще только создаются. Но это не означает, что к словарям обращаться бессмысленно. Как известно, толковые словари пополняются в том числе через посредство других лексикографических изданий — это и специальные словари, и энциклопедии. Многие из них более динамичны — прежде всего это орфографический словарь, словари иноязычных слов, словари серии «Новые слова и значения» и др. Многие новые лексемы попадают в поле зрения лингвистов очень быстро и получают не только лексикографическое описание, но и кодификацию, что особенно

важно. Так, для большинства приведенных выше названий фруктов проблемой оказывается не только то, что они означают, но и как они освоены русским языком — как они пишутся, склоняются и т. п. Если мы обратимся к словарям, то обнаружим, что во многих случаях проблем быть не должно. Безусловно, ряд лексем, обнаруживаемых в словарях, сейчас по разным причинам вышел из употребления (новые названия вытеснили более старые, изменилось написание, произношение, форма слова — так, в [Захаренко, Комарова, Нечаева 2008] находим *помпельмус* и *шеддок* как названия плода, сейчас известного как *помело*, а в [Евгеньева (ред.) 1981–1984] для слова *грейпфрут* указывается ударение на первом слоге).

Разного рода устаревшие варианты мы встречаем и в художественной литературе. Кстати, не только словари, но и художественные произведения свидетельствуют о том, что многие названия, которые нам кажутся новыми и непривычными, вошли в русский язык уже давно.

Так, из упомянутых информантами названий значительную часть составляют хорошо известные лексемы, давно и прочно вошедшие в словари, в том числе толковые: *авокадо*, *ананас*, *апельсин*, *банан*, *гранат*, *грейпфрут*, *инжир*, *лимон*, *манго*, *мандарин*, *мушмула*, *персик*, *фейхоа*, *финик*, *хурма*, а также *хлебное дерево*. Опрос подтверждает, что представленное в словарях *дынное дерево* прочно вытеснено названием *папайя*, которое ожидаемо появилось, например, в [Шведова (ред.) 2007]. Этот разряд дополняют такие названия, как *киви* и *лайм* [Захаренко, Комарова, Нечаева 2008], а также *дуриан* и *рамбутан* [Лопатин, Иванова (ред.); БСЭ] — для них вариативность сравнительно нехарактерна, поэтому словарное описание таких лексем не должно вызвать проблем. Кстати, появление в опросе ошибочных вариантов таких лексем (*фейхуа*) подтверждает догадку о том, что люди редко обращаются к словарям.

Другая ситуация складывается с названиями, которые имеют несколько вариантов, менявшихся со временем. С одной стороны, большинство соответствующих плодов давно описано словарями, так что позиция «всё есть в “Большой советской энциклопедии”» вполне справедлива. С другой стороны, обилие уже зафиксированных вариантов не только затрудняет кодификацию таких названий, но и, можно сказать, подрывает доверие к словарям у недостаточно подготовленных читателей, поскольку не дает им немедленного и однозначного ответа на возникающие вопросы.

Многие названия, приведенные участниками опроса, имеют долгую и сложную историю. Интересно, что со многими экзотическими плодами знакомство произошло еще в XIX веке, но их названия имели разную судьбу: одни были освоены и прочно вошли в русский язык и словари, другие остались на страницах книг как редкие варваризмы, а сейчас обозначения этих фруктов входят в язык заново, нередко совсем иные.

Наши информанты назвали следующие фрукты.

Глаз дракона = *драконий глаз*, ср. в специальной литературе XX в.: «Euphoria longan — лонган, лунян; эвфория» [Вульф, Малеева 1969].

Гуáва встречается в литературе, однако РОС [Лопатин, Иванова (ред.)] дает норму **гуайя́ва**, ср. в БСЭ: «ГУАЙЯВА, гуаява, гойяба, гуава (Psidium guajava)»; ср. в НКРЯ:

Что за чудо увидеть теперь пальму и банан не на картине, а в натуре, на их родной почве, есть прямо с дерева гуавы, мангу и ананасы, не из теплиц, тощие и сухие, а сочные, с римский огурец величиною? (И. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855);

С берега неслись маленькие шлюпки на корвет, и скоро палуба была полна бронзовыми мадерцами с корзинами, полными фруктов. И каких тут только не было фруктов: и громадные апельсины, и мандарины, и манго, и гуавы, и ноны!.. (К. Станюкович. Вокруг света на Коршуне. 1895);

На полях и огородах, обильно поливаемых водой, древние перуанцы выращивали авокадо и гуайяву, сладкий картофель и цукини, бобы и паприку, разные сорта тыкв и маранту, из корневища которой приготавливали муку (А. Голяндин. Первый город Нового Света // Знание — сила. 2009).

(В третьем примере можно отметить и недавно ставшие популярными названия *цукини* и *паприка*, а также *маранта*, т. е. *амарант*.)

Карамбóла, *старфрут*, ср. в РОС: «карамбóла, -ы (*фрукт*)» и «карамбóль, -я (*в бильярде; то же, что карамбóла*)», ранее — *аверроа* (два вида: *аверроа карамбола* и *аверроа билимби*) [Вульф, Малеева 1969].

Кумквáт [Лопатин, Иванова (ред.)], ср. в БСЭ: «КИНКАН, кумкват (Fortunella), род плодовых вечнозеленых деревьев или кустарников семейства рутовых».

Лангсáт в специальной литературе приводился под названием *лансиум*, ср. также:

М е с т н . н а з в . Англ. — lanzon; фр. — lansom; нем. — Dökö, duku, echter Lanzebaum; малайск. — **langsát, lamsat duku**; Филипп. — boboa [Вульф, Малеева 1969].

МЕЛИЕВЫЕ (*Meliaceae*) семейство двудольных растений. <...> Среди М. много растений, дающих ценную цветную и ароматическую древесину (махагониевое, красное, розовое, желтое дерево), эфирные масла (цедрела и др.), съедобные плоды (**дуку, лангсат**, сантол), алкалоиды (карапин, нарегамин и др.) и т. д. *Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.*

Личи [Лопатин, Иванова (ред.)] фиксируется словарями не только прошлого, но и позапрошлого веков: «ЛИЧИ см. ЛИЧЖИ. Чрезвычайно вкус-

ный косточковый плод в Китае». Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865; ЛИЧИ (Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910) [Словари на Академике].

Мангустин, *мангостин*, ср. *мангостан* [Ушаков 1935; БСЭ; Захаренко, Комарова, Нечаева 2008; Лопатин, Иванова (ред.)] и *мангустан* [Вульф, Малеева 1969].

Маракуйя, *пэшн-фрут* — один из самых интересных примеров: ботаническое название соответствующего растения, вполне употребительное в русском языке, — *пассифлора*, его русский аналог — *страстоцвет*, по отношению к плоду фиксировалось название *гранадилла* (*гренадилла*), «испанское название растения пассифлоры по сходству плодов ее с гранатом» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 1890–1907), ср.: *гренадилла*, *маракуйя*, *пассифлора* [Лопатин, Иванова (ред.)].

Нойна, *черемоя* — еще один сложный случай. Этот фрукт упоминается уже в XIX веке, однако его нормативного названия, можно сказать, не существует. Ср.:

Десерт состоял из апельсинов, варенья, бананов, гранат; еще были тут, называемые по-английски кастард-эпплз (custard apples), плоды, похожие видом и на грушу, и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами. И эти были неспелые. Хозяева просили нас взять по несколько плодов с собой и поддержать их дня три-четыре и тогда уже есть. Мы так и сделали. Действительно, нет лучше плода: мягкий, нежный вкус, напоминающий сливочное мороженое и всю свежесть фрукта, с тонким ароматом. Плод этот, когда поспеет, надо есть ложечкой. Если не ошибаюсь, по-испански он называется нона (И. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855);

Фруктами здесь можно объестся; апельсины, бананы, танжерини, гуавы, — превосходны; но выше всех — «анон», зеленого цвета плод, род фиги или апельсина; когда его разрежешь, внутри находится белое сочное мясо, которое ешь ложечкою, как превосходное мороженое (А. Вышеславцев. С мыса Доброй Надежды // Русский вестник. 1858);

Anōna. Анона (съ лат.) <...> Англ. Anona, Custard-Apple, Sour-sop. **Anona Cherimolia** Mill. Хиримоя <...> Плоды этого дерева, а особенно разности loxensis, суть одни изъ лучшихъ въ свѣтѣ [Анненков 1878].

Anona (Annona) L. — Анона. A. cherimola Mill. — А. чиримола [Вульф, Малеева 1969].

АННОНА, анона (Anona), род деревьев и кустарников семейства аноновых [БСЭ 1969].

Ср.: «анόна, -ы (растение)» vs «анно́на, -ы (в Древнем Риме: годовой урожай; натуральная повинность)»; *черимойя* [Лопатин, Иванова (ред.)].

Разные виды этого растения известны еще и под описательными названиями: *аннона гладкая*, или *яблоко аллигатора* (*аллигаторова груша*); *аннона колючая*, или *метанное яблоко*; *аннона сетчатая*, или *кремовое яблоко*; *аннона чешуйчатая*, или *сахарное яблоко* и др.

Помélo [Лопатин, Иванова (ред.)] появилось сравнительно недавно, однако это впечатление ошибочно: название этого плода представлено в словарях как *помпельмус* или *шеддок*, причем он смешивался с другими цитрусовыми ('то же, что грейпфрут' [Крысин 2010]). Как представляется, слово стало употребляться по мере того, как вошел в повседневную жизнь сам фрукт. Но когда он появился на прилавках, имеющиеся в словарях названия не были использованы, хотя вариант *помело* для русского языка не очень удачен (поскольку напоминает о метле ведьмы), что поначалу приводило к появлению ценников с надписями «памела», «памелло» и др.

Сала, вероятно, можно соотнести с названием *залакка* (Zalakka) [Вульф, Малеева 1969], ср. в Википедии: «Салак, или Салакка (лат. Salacca zalacca), “Змеиный фрукт” — древовидное плодовое растение семейства Пальмовые».

Таким образом, в материалах опроса обнаруживается только один фрукт, который не зафиксирован в словарях, не удивительно, что существует множество вариантов его названия: *питайя*, *питахайя*, *сердце дракона* = *драконье сердце*, *красный дракон*, *dragon fruit* = *дракон фрукт* = *драгонфрут*, а также *плод дракона* (название, приводящее на память фантастические драконьи яйца). Впрочем, на русском языке название самого растения ранее фиксировалось: *Хилоцереус извилистый* [Вульф, Малеева 1969]. Ср. в Википедии: «Питайя, или питахайя, — общее название плодов нескольких видов кактусов из родов *Hylocereus* и *Stenocereus*», «Некоторые виды, особенно Гилоцереус волнистый (*Hylocereus undatus*), — важные сельскохозяйственные культуры, выращиваемые ради получения съедобных плодов, известных под обобщенным названием питайя».

Итак, названия экзотических растений — интересная группа слов, не только многообразно отражающая изменяющуюся действительность, но и позволяющая проследить за функционированием этого лексического разряда в динамике.

Кроме того, наблюдения над этими названиями помогают привлечь внимание к очень серьезной проблеме, упомянутой выше: разрыву между научным и повседневным знанием при падении авторитета научных источников и возрастающем неумении ими пользоваться.

Материалы Интернета показывают, что люди интересуются языком, их беспокоит отсутствие информации, они хотят знать значение того или иного названия, правописание слова, но не находят подходящих источников. Поиск в словарях предполагает умение анализировать информацию, но многим хочется ее получить «в готовом виде» — примеры легко найти на таких ресурсах, как <https://otvet.mail.ru> или «Бесполезные вопросы» <https://useless-faq.livejournal.com> (например, обсуждение «папайи и мамайи»). Но рост числа ресурсов с материалами словарей говорит и об обратном: словари, и в особенности толковые, востребованы и необходимы. К сожалению, в большинстве случаев подобные популярные интернет-ресурсы отличаются низким качеством и непрофессиональностью (то же, увы, можно сказать и о значительной доле печатной продукции).

Как представляется, одной из задач лингвистического сообщества должна стать популяризация словарей, развитие дающих комплексную информацию качественных онлайн-изданий, издание научно-популярных работ.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.06.2019).

БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.

Литература

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Имп. Академия наук, 1878. 646 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 367 с.

Апресян Ю. Д., Дяченко П. В., Лазурский А. В., Цинман Л. Л. О компьютерном учебнике лексики русского языка // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 48–111.

Вульф Е. В., Малеева О. Ф. Мировые ресурсы полезных растений. Л.: Наука, 1969. 568 с.

Гиляров М. С. (гл. ред.). Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. 891 с.

Горбачевич К. С., Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1 – СПб.: Наука, 2004 –.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981–1984.

- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
- Иомдин Б. Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 233–251.
- Крысин Л. П. (отв. ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 2: Вина — Гяур. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 680 с.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 939 с.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Кулева А. С. О старых и новых названиях экзотических фруктов // Русская речь. 2019. № 4. С. 7–20.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
- Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.06.2019).
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 1. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935.
- Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 280 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Т. I. М.: Азбуковник, 2002. 800 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Annenkov N. I. *Botanicheskii slovar'* [Botanical dictionary]. Saint-Petersburg, Imp. Akademiya Nauk Publ., 1878. 646 p.
- Apresjan Ju. D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 367 p.
- Apresjan Ju. D., Djachenko P. V., Lazursky A. V., Tsinman L. L. [On the digital textbook on Russian lexis]. *Russkij jazyk v nauchnom osveschenii*. 2007. Vol. 2 (14). Pp. 48–111. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. The 2nd edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Gilyarov M. S. (ed.). *Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Biological encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1986. 891 p.
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 1–. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004–.

- Iomdin B. L. [On the “incorrect” use of terms: can a language make mistakes?]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statei v chest’ 80-letiya I. A. Mel’chuka* [Meanings, texts and other exciting stories. Festschrift in honor of the 80th anniversary of I. A. Melchuk]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul’tury Publ., 2012. Pp. 233–251. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 2: Vina — Gyaur. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul’tury Publ., 2016. 680 p.
- Krysin L. P. *Tolkovyi slovar’ inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 939 p.
- Kuleva A. S. On the old and new names of exotic fruits. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2019. No. 4. Pp. 7–20. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. *Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [The big dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg, Norint, 2000. 1536 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar’* [Russian spelling dictionary]. Available at: <http://orfo.ruslang.ru/> (accessed 10.06.2019).
- Shaposhnikov V. N. *Russkaya rech 1990-h: Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii* [Russian speech of 1990-s: Modern Russia in its linguistic reflection]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 280 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar’* [Russian semantic dictionary]. Vol. I. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 800 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on Academic]. Available at: <http://dic.academic.ru/> (accessed 15.06.2019).
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar russkogo yazyka. V 4-kh tomakh*. [Explanatory dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennyi institut «Sovetskaya entsiklopediya», 1935.
- Vul’f E. V., Maleeva O. F. *Mirovye resursy poleznykh rastenii* [World resources of useful plants]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 568 p.
- Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. *Novyi slovar’ inostrannykh slov* [New dictionary of foreign words]. The 3rd edition. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p.
- Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key notions of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul’tury Publ., 2005. 540 p.

Суть

Александр Анатольевич Соколянский, Северо-Восточный государственный университет
(Россия, Магадан), sokol_2001@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009275-1

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история перехода слова *суть* из системы глагола в существительное. Показывается, что предпосылки такого изменения имелись еще в раннем праиндоевропейском языке, в котором форма глагола 3 лица множественного числа приобрела иной фонетический облик за счет изменения **es* → **s*. Позднее в древнерусском языке происходит постепенная утрата форм настоящего времени от глагола *быти*. Универсальной формой становится глагол *есть*, который синтаксически может выражать настоящее время, противопоставленное другим временам (*У него была собака — У него есть собака — У него будет собака*), а также все три лица (*У тебя есть я — У тебя есть мы — У меня есть ты — У меня есть вы — У меня есть он — У меня есть они*) и два числа (*У меня есть ты — У меня есть они*). Дольше всего сохраняется противопоставление форм *есть* и *суть* как единственного и множественного числа. В грамматиках это противопоставление фиксируют едва ли не в наше время («Русская грамматика», 1980), однако реальными примерами оно, как правило, не подкреплено. Имеются указания на то, что уже в первой половине XVIII в. слово *суть* используется в значении существительного, однако убедительные примеры такого употребления не приводятся. Бесспорные примеры формирования существительного *суть* появляются только к середине XIX в. Первая словарная фиксация нового существительного происходит в 1858 г. Сегодня в реальном употреблении имеется существительное *суть*, аналогичный глагол в русском языке отсутствует. Изменение глагольной формы *суть* в существительное показывает, какими долгими и непредсказуемыми могут быть истории отдельных слов в языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *суть*, глагол, существительное, языковое изменение, словарная фиксация

для цитирования: Соколянский А. А. Суть // Русская речь. 2020. № 2. С. 92–104. DOI: 10.31857/S013161170009275-1.

From the History of the Russian Language

Sut'

Alexander A. Sokolyansky, North-Eastern State University (Russia, Magadan), sokol_2001@mail.ru

ABSTRACT: The article analyzes the transformation of the word *sut'* from a verb to a noun. The prerequisites for such change existed in the early proto-Indo-European language, in which the 3rd person plural form of the verb acquired a different phonetic appearance due to the change **es* → **s*. Later the present tense forms of the verb *byti* gradually disappeared from the old Russian language. The verb *jest'* became the universal form, which can syntactically express the present tense opposed to other tenses (*U nego byla sobaka* 'he had a dog' — *U nego jest' sobaka* 'he has a dog' — *U nego budet sobaka* 'he will have a dog'), as well as all three grammatical persons (*U men'a jest' sobaka* 'I have a dog' — *U teb'a jest' sobaka* 'you have a dog' — *U nego jest' sobaka* 'he has a dog') and two grammatical numbers (*U men'a jest' sobaka* 'I have a dog' — *U nas jest' sobaka* 'we have a dog'). The opposition of the forms *jest'* and *sut'*, where *jest'* represents a singular form and *sut'* the plural one, remained the longest. It is still fixed in some modern grammars, such as "Russian grammar", 1980, but it is not supported by any examples of modern usage. There were several indications that the word *sut'* was used as a noun in the first half of the 18th century. However, they are not supported by convincing examples. Indisputable examples of using *sut'* as a noun only appeared in the middle of the 19th century. In 1858 the word was fixed in the dictionary as a noun. In modern Russian language there is a noun *sut'*, while such verb doesn't exist anymore. The way the verb *sut'* has transformed into a noun proves how long and unpredictable the history of words in a language can be.

KEYWORDS: *sut'*, noun, linguistic change, vocabulary retention

FOR CITATION: Sokolyansky A. A. *Sut'*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 92–104. DOI: 10.31857/S013161170009275-1.

1 ● Нередко слова из одной части речи переходят в другую. Для английского языка переход глагола в существительное и обратно — обычный процесс. По подсчетам С. Пинкера, до одной пятой глаголов английского языка были когда-то существительными. Так, название почти всех частей тела английского языка имеет глагольное соответствие: *head* ‘голова’ — *head a committee* ‘возглавлять комитет’, *mouth* ‘рот’ — *mouth the lyrics* ‘читать стихи’ и др. [Пинкер 2004: 360]. Легкость перехода обусловлена аналитическим строем языка: формальные показатели глаголов и существительных в английском языке не противопоставлены друг другу. Их просто нет. Иное дело русский язык, в котором морфологические показатели «нависают» над каждой частью речи. Чтобы сделать из существительного глагол, недостаточно изменить синтаксическую позицию слова, надо и морфологически его «оглаголить»: *жена* — *женить*, *стекло* — *стеклить*, *госпиталь* — *госпитализировать*. Понятно, что к инфинитиву прилагается весь комплект глагольных форм: *женить* — *женю*, *женишь*, *женил* и др. От глагола к существительному переход в русском языке более затруднен. Избавление от глагольности происходит за счет так называемой нулевой суффиксации: *выходить* — *выход*, *смотреть* — *смотр*. Помимо значения и синтаксической функции в русском языке у слов меняются грамматические формы. Есть и другие случаи перехода частей речи, когда не происходит внешней смены морфологических показателей: *столовая* и *рабочий* когда-то были прилагательными, но сегодня это существительные, так как за ними закрепилось особое лексическое значение и в предложении они не зависят более от существительных. Мы говорим *Рабочий зашел в столовую*, а не *Рабочий человек зашел в столовую комнату*.

2. Интересно, имеются ли в русском языке примеры, когда переход глагола в существительное осуществлялся без изменения внешних морфологических показателей? Обычно пишут о том, что существительное *суть* образовано от глагола, но исторические нюансы этого процесса не анализируются. Остановимся на этом явлении подробнее.

Слово *суть* в русском языке прошло удивительный путь: рожденное когда-то в праиндоевропейском языке глаголом, оно в русском языке превратилось в существительное, причем произошло это относительно недавно, во второй половине XIX в.

Путь от глагола к существительному у слова *суть* был долгий, начался он несколько тысяч лет назад.

3. **Формирование особого корня (супплетивного).** Первоначально произошло формирование особого корня для глагола 3 лица множественного числа. Настоящее время от глагола *быть* когда-то в праиндоевро-

пейском языке образовывалось от корня *es¹. Оно имело не только формы единственного и множественного чисел, но и двойственного числа, которое служило для обозначения двух предметов или парных предметов (типа *роза, уши, ворота*). Парадигма форм настоящего времени от глагола *быть* выглядела, по предположениям ученых, следующим образом:

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	*ēs-mī	*ēs-vē	*ēs-mū(s)
2 лицо	*ēs-sī	*ēs-tā	*ēs-tē(s)
3 лицо	*ēs-tī / *ēs-tū	*ēs-tē	*s-ntū / *s-ntī

Такая реконструкция делается на основе анализа употребления этих форм в индоевропейских языках. Например, форма глагола *есть* в других индоевропейских языках выглядит как *ás-ti* — санскрит, *ἐσ-τί* — древнегреческий, *eš-zi* — хеттский, *es-t* — латинский, *is-t* — готский, *ѣс-тъ* — древнерусский. На основании анализа этих и ряда других примеров ученые приходят к выводу, что в праиндоевропейском языке эта форма выглядела как *ēs-tī. В то же время в ряде языков, включая родственный нам старославянский язык, употреблялось «твердое» окончание, что вынуждает ученых для праиндоевропейского языка допускать возможность существования еще одной формы — *ēs-tū.

Глагол *суть* уже на этом этапе выпадает из общей картины: все другие глаголы содержат корень *es, а этот глагол включает в себя только *s. Каково соотношение между этими корнями? Посмотрим, как слово со значением 'суть' выглядело в других индоевропейских языках: *s-ánti* — санскрит, *εἰσί(v)* — древнегреческий, *aš-anzi* — хеттский, *s-unt* — латинский, *s-ind* — готский, *c-ŕmь* — древнерусский. В приведенных примерах также сохраняется противопоставление «мягкого/твердого» окончаний. Обратим внимание на хеттский глагол, где в данной форме обнаруживаем корень *aš-, тогда как в других индоевропейских языках видим просто форму с *s. Хеттская форма позволяет нам прийти к выводу, что в глубочайшей древности глагол со значением 'суть' включал в себя корень *es, который позднее изменился в *s. Это же подтверждает древнегреческая форма, но она подверглась большему фонетическим изменениям, поэтому

¹ В лингвистике * (звездочкой) принято обозначать формы слов или их частей, которые уже не встречаются в известных нам языках, но о существовании которых в далеком прошлом можно говорить с высокой долей вероятности. Можно сказать, что «под звездочкой» записываются «лингвистические динозавры». Древних динозавров тоже никто не видел (в нашем распоряжении имеются только костные останки), что не мешает нам представлять динозавров «целиком».

и не столь прозрачно, как хеттский язык, указывает на древнее состояние. Таким образом, глагол со значением 'суть' стал противопоставлен всем другим формам своей же парадигмы.

4. Утрата глагольных форм 1 и 2 лица. В древнерусском языке слово *суть* входило в парадигму настоящего времени от глагола *быти*, изменялось оно так.

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	єсмь	єсвѣ	єсмь
2 лицо	єси	єста	єсте
3 лицо	єсть	єста	соуть

Сегодня от глаголов настоящего времени от *быти* осталось только слово *есть* (у меня *есть* слон) и существительное *суть*. Глаголы со значением бытийности выполняли в древнем языке две основные функции: 1) вспомогательный глагол в составе перфекта, 2) связка в составе именного сказуемого.

Рассмотрим оба употребления.

В древнем языке была особая глагольная форма прошедшего времени — перфект. Эта форма обозначала действие, начатое в прошлом и имеющее результат в настоящем. По значению к перфекту близки такие современные употребления: *Молоко прокисло. Тучи нависли*. Действительно, вот оно прокисшее молоко перед нами, но процесс его прокисания происходил в прошлом. В настоящем — результат этого процесса. Тучи над нами нависают сейчас, а само формирование этого состояния принадлежит прошлому.

Образовывался перфект с помощью глагольной связки и особой формы с суффиксом *л*. Пример перфекта глагола *нести* в мужском роде.

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	азъ єсмь неслѣ	вѣ єсвѣ неслѣ	мы єсмь несли
2 лицо	ты єси неслѣ	ва єста неслѣ	вы єсте несли
3 лицо	онъ єсть неслѣ	она єста неслѣ	они соуть несли

Местоимение в таких конструкциях использовалось редко, чаще писали просто *єси неслѣ*, а не *ты єси неслѣ*. Уже в памятниках XI в. связка стала в древнерусских текстах утрачиваться. Через какое-то время она

совсем исчезла. Употребление стало таким же, как и в современном русском языке. Запись 1068 г. на камне, который был найден в XVIII в. на берегу Керченского пролива, гласит, что князь Глеб по льду измерял ширину пролива (именно в этом месте сейчас построен мост, соединяющий Кубань и Крым). Интересующий нас фрагмент записан так: *гльбѣ князь мѣрилъ м[оре] по льдѣ*. Здесь глагольная связка *ѣсть* уже отсутствует. Дольше глагольная связка в имперфекте употреблялась в книжных текстах.

Несколько иная судьба у этих глаголов была в конструкциях, где они выражали связь между подлежащим и сказуемым. Сегодня мы не употребляем связку в таких предложениях, как: *Москва — столица нашей родины. Эта собака кусачая. Я учитель.*

В древности здесь чаще связку употребляли. «В памятниках XI–XIV вв. сказуемое, выраженное существительным и прилагательным, употребляется в целом чаще со связкой, чем без связки... Связка употребляется в формах 1, 2 и 3 лица и в самых различных окружениях...» [Борковский (ред.) 1978: 74]. При этом важно то, что связка согласуется с формой подлежащего в лице и числе.

слъзы бо соутъ даръ бѣжи ‘потому что слезы дар Божий’

Подлежащее *слезы* стоит в форме множественного числа, поэтому вполне уместно появление слова *сутъ* в форме множественного числа 3 лица.

азъ есмь архистратигъ господень ‘я архистратиг Господень’

В этом случае форма *есмь* также согласуется с подлежащим в лице и числе.

Вместе с тем появляются и конструкции, в которых отсутствует связка.

Так, в «Слове о полку Игореве» читаем: *одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи ты Игорю*. Глагольная связка отсутствует.

В книжных текстах связка сохранялась дольше. «Преобладание связочных конструкций над бессвязочными наблюдается прежде всего в житийной литературе, где особенно сильны книжные традиции. По-видимому, употребление связки в определенной части русских памятников поддерживалось влиянием старославянского языка, для которого связочные конструкции были обычны» [Борковский (ред.) 1978: 75].

В более позднее время тенденция употребления связочных конструкций в книжных текстах и их устранения в бытовых текстах еще более усиливается.

Итак, книжные тексты сохраняют спряжение глагола *быти* в настоящем времени в виде связки длительное время. В XVII в. появляются первые грамматические описания церковнославянского языка, и в них

зафиксирована полная парадигма глагола *быти* в настоящем времени. Вот примеры из Грамматики Лаврентия Зизания (1596):

	единственное число	двойственное число	множественное число
1 лицо	есмъ	есва	есмо, -ы
2 лицо	еси	еста	есте
3 лицо	есть	еста	сѣтъ

[Кузьмина (сост.) 2000: 97].

Появление «твердых» форм *естъ* и *сѣтъ* связано с влиянием церковнославянского языка, в живой речи звучало *јест’* и *сум’*.

На этом этапе имеются все основания выделять в большинстве из представленных глаголов корень и окончание: *јес-мь*, *је(с)-си*, *јес-тъ*, *јес-вѣ*, *јес-та*, *јес-мъ*, *јес-те*. Форма *суть* оказывается изолированной. Как уже было сказано ранее, ее корень возникает в результате изменения **es > *s*.

Несколько позднее (1696 г.) в Лондоне издается Грамматика Г. Лудольфа, ориентированная не на книжный, а на разговорный язык. Он отметил отсутствие связки в разговорной речи: «...настоящее время от глагола *быти* в общей разговорной речи почти не употребляется, за исключением, впрочем, конструкции вроде латинской — *есть у мене* (*est mihi*). Так говорят: *есть ли у тебя денги?*» [Лудольф 1937: 127].

Очень ценно такое замечание: «Есмь, еси, есть обычно опускаются, например, *Я сѣтъ, аль ты дуракъ? онъ гораздо богатъ*» [Лудольф 1937: 127]. Грамматика Г. Лудольфа написана на латинском языке, поэтому вместо употребленных в переводе слов *есмь*, *еси*, *есть* в подлиннике стоят латинские эквиваленты этих слов *sum*, *es*, *est*.

Таким образом, книжная речь в целом сохраняла связку, а бытовая ее явно избегала. При этом в тех случаях, когда связка употреблялась, она теряла свои глагольные признаки.

Мы сегодня говорим: *У тебя есть я. У тебя есть мы. У меня есть ты. У меня есть вы. У меня есть книга. У меня есть книги.* В приведенных примерах меняется синтаксическое лицо и число, а глагольная форма везде сохраняется.

Перед нами неизменяемый глагол. Правда, до самого последнего времени составители грамматик стремились сохранить оппозицию форм *есть* и *суть* как глаголов, противопоставленных по числу. Так, в учебнике по морфологии 1952 г. писалось: «*Быть* — вспомогательный глагол, а также глагол существования. Будущее время к нему образуется от другого корня — *буду*. Настоящее время также образуется от другого корня, но

и в современном языке употребляется лишь в 3-м лице единственного числа (форма *есть*) и очень редко в 3-м лице множественного числа (форма *суть*). Последнее главным образом в научных определениях, например: *Пусть, $p_1, p_2, p_3, p_n \dots$ суть простые числа...* Употреблялась эта форма и в языке классической литературы начала XIX в., например: *Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные* (Пушкин. Станционный смотритель)» [Виноградов (ред.) 1952: 279].

Такая же информация содержится в «Грамматике русского языка» под редакцией В. В. Виноградова. В разделе, посвященном морфологии, читаем: «Настоящее время глагола *быть* представлено в современном литературном языке лишь двумя формами 3-го лица единственного и множественного числа — *есть* и *суть* (форма *суть* ограничена в синтаксическом употреблении — в научных определениях в роли связки)» [Виноградов, Истрина, Бархударов (ред.) 1960а: 575].

Аналогичная информация содержится в разделе синтаксиса: «Глагол *быть* в современном русском языке утратил формы 1-го и 2-го лица обоих чисел; для выражения наличия, существования, бытия во всех личных значениях и в обоих числах употребляется форма *есть* (в значении “наличествует, существует, имеется”)» [Виноградова, Истрина, Бархударов (ред.) 1960б: 389].

И далее: «В предложениях со значением настоящего времени сказуемое — имя существительное в именительном падеже — может соединяться с подлежащим посредством глагольной связки *есть* (реже — *суть*). Такие предложения употребляются главным образом в научном и официальном стилях, а также вообще в книжной речи, там, где необходимы четкие и краткие формулировки-определения» [Виноградов, Истрина, Бархударов (ред.) 1960б: 419]. Далее следует страница примеров, но среди них нет ни одного со словом *суть*. Это означает, что уже в середине XX в. слово *суть* потеряло все глагольные свойства, хотя в грамматических сочинениях и пытались напоминать о глагольном прошлом этого слова.

В результате глагол *есть* становится универсальной формой настоящего времени, но универсальность ему досталась дорогой ценой: глагол потерял важнейшие глагольные признаки — лица и числа. Он превратился в застывшую форму настоящего времени, что подтверждает «Русская грамматика»:

«Формы наст. вр. гл. *быть*, образуемые супплетивно, в современном языке, кроме форм 3 л. ед. и мн. ч. *есть* и *суть*, не употребляются. Форма *суть* употребительна как вспомогательный глагол в официальной, научной или архаизированной речи. Форма *есть*, вследствие утраты других форм наст. вр. гл. *быть*, употребляется не только в знач. 3 л. ед. ч., но

и знач. всех лиц ед. и мн. ч.: *Кто ты е с т ь?* — говорил он... — *Не больше как мальчишка, сирота* (Горьк.); *Там е с т ь хорошие вещи,* — сказала матушка, опуская руки в чемодан (А. Н. Толст.)» [Шведова (гл. ред.) 1980: 663]. Интересно то, что и здесь говорится о существовании глагола *суть*, но примеры употребления также не приводятся.

5. Переход глагольной формы *суть* в существительное. Судьба глагола *суть* оказалась чрезвычайно интересной: он не просто утратил глагольные признаки лица, числа и времени, но и лишился всех позиций употребления. Только ученые помнили о его прошлом и иногда употребляли эту форму в научных определениях, подобных тому, что было приведено ранее.

Захватив глагольные позиции в конструкциях типа *У меня е с т ь собака* и *У меня е с т ь собаки*, глагол *е с т ь* перестал быть изменяемым, но при этом он вовсе вытолкнул глагол *суть* за пределы глагола. Бывший глагол *суть* лишился форм лица, числа, времени, глагол *е с т ь* лишился форм лица и числа, но сохранил значение настоящего времени. Сравним три предложения: *У меня была собака* — *У меня е с т ь собака* — *У меня будет собака*. В этой синтаксической парадигме глагол *е с т ь* явно сохраняет значение времени. У бывшего глагола *суть* такой позиции нет. Вероятно, судьба этого глагола, как и других глаголов из той же парадигмы (*е с м ь*, *е с и* и др.), была предопределена. Он должен был уйти из языка. Но случилось почти чудо. Обобранное со всех сторон как глагол (без числа, лица и времени) слово *суть* было принято за существительное.

Пока глагол *суть* соотносился с формой *ј е с т ь*, можно говорить об ослабленной членимости обоих глаголов: *су-ть* и *ј е с -ть*. В единственном числе членимость глагола *ј е с -ть* поддерживалась существованием таких форм, как *да с т ь* 'он даст', *ј е с т ь* 'он ест'.

Потеряв все глагольные свойства и позиции, глагол *суть* перешел в существительные. Когда это произошло? «Словарь современного русского литературного языка» 1963 г. отсылает нас к словарю Вейсмана [Филин (гл. ред.) 1963: 1225]. Это «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка...», изданный в 1731 г. Современный читатель (если таковой найдется для столь специфического словаря!) будет удивлен его строением. Этот необычный словарь составлен следующим образом: помимо обычных словарных статей даются слова и даже целые фразы на немецком и латинском языках, а далее их пояснения (даже не совсем перевод!) на русском языке.

В словаре 1963 г. в качестве доказательства того, что слово *суть* употребляется как существительное, приведен только один пример из словаря Вейсмана: *вся суть в ь мире* [Филин (гл. ред.) 1963: 1225]. Кажется,

что в этом случае слово *суть* не может являться глаголом, так как форма множественного числа *суть* не согласуется с формой единственного числа местоимения женского рода *вся*. При таком понимании *суть* — существительное, а *вся* — согласованное с ним местоимение женского рода.

Однако не будем торопиться с выводами. Целиком русская часть этой словарной статьи выглядит следующим образом: *взаимно и худо и добро: вся суть въ міръ* [Вейсман 1731: 106]. Обратим внимание на местоимение *вся*. Обычно местоимение употребляется в тексте вместо существительных. В нашем случае местоимение заменяет существительные *худо* и *добро*. Оба слова среднего рода. Местоимение, к ним относящееся, должно находиться в форме множественного или двойственного числа. Форма двойственного числа, судя по всему, была утрачена этим местоимением довольно рано и не употреблялась даже в церковном языке. Так, Мелетий Смотрицкий (1619), давая парадигму местоимения *весь*, о форме двойственного числа пишет *лишáетсѧ* 'утрачивается' [Кузьминова (сост.) 2000: 249–250]. Множественное число в книжных текстах от *все* — *вся*. Поэтому в приведенном примере *вся* не определение к слову *суть*, а подлежащее при глаголе *суть* в форме множественного числа третьего лица. Тогда перевод всей фразы на современный русский язык такой: *Взаимосвязано и хорошее, и плохое. Всё есть в мире*. Проанализированные другие примеры употребления слова *суть* из словаря Вейсмана не позволяют определенно говорить о переходе глагола *суть* в существительное.

В пользу принятого нами решения говорит и то, что следующая словарная фиксация слова *суть* в значении существительного относится только к 1858 г. В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» читаем: «**СУТЬ**, в знач. с[уществительного] ж[енского]. Дело, в выражении: *не в том суть* — не в том дело. С и б и р.» [Опыт... 1858 II: 261]. Слова *суть* в значении существительного нет ни в «Словаре Академии Российской» (конец XVIII в.), ни в «Словаре церковнославянского и русского языков» (1847 г.).

Не употребляется слово *суть* в значении существительного и у писателей начала XIX в. В. В. Виноградов, посвятивший этому слову несколько страниц своих наблюдений, приходит к выводу: «Слово *суть* не было включено ни в один толковый словарь русского языка до словаря В. И. Даля. Оно не встречается в языке Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Следовательно, можно думать, что оно получило права литературного гражданства не ранее 30–40-х годов XIX в., иными словами — оно вошло в русский литературный язык вместе с потоком других профессиональных и народных выражений, подхваченным и расширенным реалистической художественной литературой»

[Виноградов 1994: 673]. Как ясно из предыдущего изложения, В. В. Виноградов не обладал полной информацией, так как это слово еще до В. И. Даля зафиксировано в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» в 1858 г.

В самом же словаре В. И. Даля рассматриваемое слово получает такое толкование: «**Суть** ж. сущность, существо, самость, основанье, самое главное, важное въ дѣлѣ; зерно, ядро, нутро. *Дойти до сути. Самая суть бытія отъ насъ сокрыта. Суди по сути*» [Даль 1882: 365]. В отличие от «Дополнения...», в котором слово получает территориальную привязку *Сибир.*, В. И. Даль таких ограничений не дает. Скорее всего, в данном случае прав В. И. Даль. Каких-то сибирских следов слово *суть* не обнаруживает.

В. В. Виноградов находит слово *суть* у П. А. Вяземского (1882), у А. А. Фета (1891) [Виноградов 1994: 673]. Однако Национальный корпус русского языка показывает, что употреблять слово *суть* в качестве существительного начали несколько ранее творчества этих авторов.

«Там у нас много суетятся, но заботятся только об очищении бумаг, о быстрой циркуляции их, до *сутьи* же вещей никто не доходит» (А. В. Никитенко. Дневник. Том 1. 1826–1855).

«Заметно было, что в Петербурге не поняли *сутьи* варшавского мятежа...» (Н. И. Голицына. Воспоминания о польском восстании 1830–1831. 1837).

«Например, мы легкомысленнейшим образом проповедуем уничтожение общины — одной из самых крепких, самых оригинальных и самых существенных отличий *сутьи* народа» (Ф. М. Достоевский. Записные книжки. 1850–1881).

Следует согласиться с В. В. Виноградовым в том, что «на форме *суть* лежал архаический налет отживающей книжности. Конечно, она была больше всего распространена в таких стилях речи, как официальный, канцелярско-деловой, или в стилях ученой и учебной речи. Таким образом, превращение архаической формы глагола *суть* в имя существительное могло произойти только в книжном, письменном языке и, как можно догадываться, в учебно-школьном и канцелярском его стилях (ср. *не суть важно*)» [Виноградов 1994: 675].

6. Мы уже определили, что только ближе к середине XIX в. слово *суть* употребляется в русском языке в качестве существительного. Получается, что оно — одно из самых поздних по времени появления слов с этим корнем. Изменение глагольной формы *суть* в существительное показывает, какими долгими и непредсказуемыми могут быть истории отдельных слов в языке.

Источники

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон... СПб.: Изд-во Имп. АН, 1731. 788 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. СПб.–М.: Тип. Вольфа, 1882. 683 с.

Лудольф Г. Русская грамматика. М.: Тип. «Коминтерн», 1937. 165 с.

Опыт... — Опыт областного великорусского словаря и Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. (Репринт. изд. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук Санктпетербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1852; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Санктпетербург: Второе отд-ние Имп. Акад. наук, 1858). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 637 с.

Литература

Борковский В. И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. 447 с.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.). Грамматика русского языка. В 2 т. Т. I. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1960а. 719 с.

Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.). Грамматика русского языка. В 2 т. Т. II. Синтаксис. Ч. I. М.: АН СССР, 1960б. 702 с.

Виноградов В. В. (ред.). Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во МГУ, 1952. 520 с.

Кузьмина Е. А. (сост.). Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000. 528 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 456 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 14. М.–Л.: АН СССР, 1963. 1390 стб.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. В 2 т. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

References

Borkovskii V. I. (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie* [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentence]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 447 p.

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian literary language]. V 17 t. Vol. 14. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1963. 1390 p.
- Kuz'minova E. A. *Grammatika Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Grammar of Lavrentiy Zizaniy and Meletiy Smotritskiy]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2000. 528 p.
- Pinker S. *Yazyk kak instinkt* [The Language Instinct]. Moscow, Publ. House «LIBROKOM», 2009. 456 p.
- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. V 2 t. Vol. I. *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
- Vinogradov V. V. (ed.). *Sovremenniy russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1952. 520 p.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p.
- Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov S. G. (eds.). *Grammatika russkogo yazyka* [Russian grammar]. V 2 t. Vol. I. *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. M.: AN SSSR, 1960. 719 p.
- Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov S. G. (eds.). *Grammatika russkogo yazyka* [Russian grammar]. V 2 t. Vol. II. *Sintaksis* [Syntax]. CH. I. Moscow, AS USSR Publ., 1960. 702 p.

Художественные смыслы музыкальной терминологической лексики в лирике И. Л. Сельвинского

Светлана Анатольевна Макарова, издательство «ЛЕКСРУС» (Россия, Москва),
svetlanamakarova658@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170009276-2

АННОТАЦИЯ: Лирика И. Л. Сельвинского охватывает огромный тематический диапазон и вместе с тем широкие пласты лексики, среди которых особое внимание привлекает музыкальная терминология. В лирических стихотворениях разных лет упоминаются не просто известные музыкальные жанры, формы, инструменты, но также узкопрофессиональные термины: пианиссимо, трель, минор, ноктюрн, соната, каданс, вальс, скрипичный ключ, гамма, *improviso*, октава, прелюд, кантилена, баритон, скерцо, пиццикато, флажолет, хорал, пассаж, триоль, шестнадцатые длительности, бемоль, три форте, до-диез минор. Музыкальная терминологическая лексика обогащает семантику поэтических аллюзий, метонимий, сравнений, метафор. По глубине осмысления музыкаловедческих терминов поэзия Сельвинского сопоставима с творчеством Б. Л. Пастернака, но их художественные методы различны. Поэтический мир Пастернака выстраивается на метафорических сопряжениях. Сельвинский дорожит прямыми значениями музыкальной терминологии, которые способны усилить ассоциативность подтекста, идейную антитетичность, смысловые доминанты стихотворных произведений. Терминологический аппарат музыковедения открывает Сельвинскому пути художественного освоения необычных тем и образов, а также новые нюансы поэтической полисемии и лирической экспрессии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многообразие музыкальной терминологии, прямые значения, аллюзии, метонимии, сравнения, метафоры, контекстуальные смыслы, роль музыкальных терминов

для цитирования: Макарова С. А. Художественные смыслы музыкальной терминологической лексики в лирике И. Л. Сельвинского // Русская речь. 2020. № 2. С. 105–114. DOI: 10.31857/S013161170009276-2.

The Language of Fiction

Artistic Meanings of Musical Terms in the Lyrics of I. L. Selvinsky

Svetlana A. Makarova, Publishing House "LEKSRUS" (Russia, Moscow),
svetlanamakarova658@gmail.com

ABSTRACT: The lyrics of Selvinsky covers a wide range of topics and, at the same time, a number of large lexical layers, among which a particular attention is focused on musical terminology. In his lyrical verses of various years not only does he mention well-known musical genres, forms, or instruments, but also professional terms, such as pianissimo, trill, minor scale, nocturne, sonata, cadence, waltz, violin clef, scale, improvise, octave, prelude, cantilena, baritone, scherzo, pizzicato, flageolet, chorale, passage, triplet, semi-quavers, bemolle, three forte, and c-sharp minor. Musical terms enrich the semantics of poetic allusions, metonymies, comparisons and metaphors. As to the depth of his knowledge about musical terms, Selvinsky's poetry is comparable to the works of B. L. Pasternak, though the artistic methods of two poets are quite different. The poetic world of Pasternak is established upon metaphorical links. Selvinsky, on the other hand, values direct meanings of musical terms, which are able to deepen the associations, provoked by the implied senses, contrasting of ideas, and dominant semantic ideas of his poetic works. The music terminology opens the ways of mastering the unusual themes and images for Selvinsky, as well as some new intricacies of poetic polysemy and lyrical expression.

KEYWORDS: diversity of musical terminology, direct meanings, allusions, metonymy, comparisons, metaphors, contextual meanings, role of musical terms

FOR CITATION: Makarova S. A. Fine Artistic Meanings of Musical Terms in the Lyrics of I. L. Selvinsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 105–114. DOI: 10.31857/S013161170009276-2.

Лирика И. Л. Сельвинского (1899–1968), одного из зачинателей литературы социалистической эпохи, многотемна и многопроблемна: в стихотворных произведениях прослеживаются главные события сложной и чрезвычайно насыщенной судьбы поэта, отечественной и мировой истории XX столетия. Поэт не остается равнодушным как к «вечным» темам любви, природы, поэта и поэзии, старости и смерти, так и к размышлениям о революционных преобразованиях, новой экономической политике, военных потрясениях, финансовых перспективах, развитии рынков, противостоянии советского и буржуазного образа жизни, бюрократической системе, испытании термоядерного оружия, космических достижениях, человеческих судьбах, женском характере, душевной молодости. Но в этом далеко не полном тематическом многообразии, как и во всем поэтическом творчестве Сельвинского, поражает не столько масштаб личностного соучастия и степень лирической проникновенности, сколько необычный ракурс мировосприятия — сквозь призму творческой энергии музыкального искусства.

Действительно, музыка пронизывает лирические произведения Сельвинского на всех этапах творчества. Музыка вовлекается в сюжетное повествование («Баллада о барабанщике» 1931, «Однажды у телевизора» 1966), становится предметом описания («На концерте» 1935, «У современности свои права» 1962), подключается к раскрытию широкого круга общественно-исторических и нравственно-эстетических вопросов («Трагедия» 1958, «Гуно–Лист» 1962, «Бетховен» 1967). Лирика Сельвинского изобилует музыкальными звуками, поэт включает в структуру стихотворных сочинений беспрецедентный состав музыкальных инструментов — клавишных, струнных, ударных, медных и деревянных духовых. В разных поэтических контекстах Сельвинский упоминает жанры попури и скерцо, польки и концертино, творчество И. С. Баха и В. А. Моцарта, Н. Паганини и И. Штрауса. Неудивительно, что такой содержательно многомерный музыкально-поэтический «синтез» содержит большое количество

терминологической лексики. Вполне логично допустить, что Сельвинский мог художественно обыгрывать стиховедческую терминологию, продолжая развитие темы стихосложения, утвердившейся в русской лирике еще во второй половине XVIII в.: поэт прекрасно знал теорию и историю стиха, он известен как автор оригинальной музыкально-тактовой концепции версификации, изложенной в книге «Студия стиха» (1962). Но стиховедческая лексика не задействована в лирике Сельвинского, внимание поэта всецело приковано к музыкальной терминологии, что во многом симптоматично — необычный пласт лексики открывал возможности новых поэтических поисков и художественных обретений.

Начнем с того, что в стихотворениях Сельвинского терминологическая лексика употребляется в прямом значении, прежде всего в описаниях музыкальных впечатлений. Концерт, в понимании поэта, — это торжество звуков, которые могут быть полноправно восприняты только при условии, если все остальные «события» в зале становятся очень тихими и замирают до «пианиссимо»: «...Иль на концерте среди нот, / Средь пианиссимых событий...» [Сельвинский 1971: 146]. Оказиональное прилагательное сообщает «событиям» не только тихий, но и «потаенный» характер: сила музыки на любом концерте — всевластна. Для Сельвинского музыкальное искусство — универсальный язык, который не знает национальных границ, — не случайно прямые значения музыкальных терминов предельно емко раскрываются в поэтических аллюзиях. В стихотворении «Дуэт с японкой» (1932) лирический герой слышит, как японка поет «что-то грустное из Массне». Эта ситуация наводит на воспоминания: «...Вспоминаю: эту трель / Вел по радио Шаляпин, / А за ним виолончель...». Семантика трели — мелодического украшения, основанного на повторении двух соседних звуков, одинаково понятна в Японии, России, как и грустная тональность музыки французского композитора, которая исполняется в минорном ладу: «...Поплыла тихонько песня / На два голоса в миноре...» [Сельвинский 1971: 289]. При всей универсальности музыкального языка талант композитора всегда индивидуален — эта идея звучит в позднем стихотворении Сельвинского «О музыке, но не только» (1968). Противопоставляя творческую самобытность и бездарное подражание в искусстве, Сельвинский вовлекает в развитие поэтического сюжета фортепианный цикл Р. Шумана «Карнавал». Поэт признает: в необычном сочинении, обыгрывающем образы известных композиторов XIX в., Шуману удалось раскрыть оригинальность своего дара. Но, создавая карнавальную «маску» Ф. Шопена, немецкий композитор ориентировался на знакомые музыкальные жанры и имитировал нюансы самого «звездного ноктюрна» «великого поляка»: «...Шуман, / Растягивая пальцы на клавиатуре, / Подобно змеиной пасти, / играет

звездный ноктюрн...» [Сельвинский 1971: 651]. Аллюзия уводит читателей к сопереживанию не просто лирического произведения, связанного с романтикой ночи, а, скорее всего, самого известного ноктюрна Шопена — до-диез минор.

Художественные трансформации прямых значений музыкальной терминологической лексики в лирике Сельвинского начинаются тогда, когда поэт подключает музыку к размышлениям на самые разные общественно-социальные, духовно-нравственные, культурно-эстетические темы. Великая Отечественная война стала испытанием для всех. В это непростое время женщины помогали сохранять духовную стойкость: «...Стало отныне понятно всем, / Что вы — глубочайшее преображение / наших сонат и поэм...» [Сельвинский 1971: 348]. В женщинах сконцентрировались не только гармоничность музыкальной формы, поэтичность литературных жанров, но все творческие возможности личности. В послевоенный период душевная усталость оказалась не менее сложным испытанием, ибо «...Быт не плывет в кадансах вальса, / Не устиляет путь паркетом...» [Сельвинский 1971: 516]. Духовную жизнь лирического героя сопровождают не завершающие гармонические построения танцевальной музыки, а серьезные коллизии и глубокие разочарования. Как видим, в лирике Сельвинского «музыкальные» метонимии становятся носителями широких поэтических смыслов и стилистических коннотаций: за конкретными композиционными формами и жанровыми элементами — «сонатами», «кадансами вальса» — стоят серьезные нравственно-психологические обобщения, значительные бытовые и бытийные события.

Музыкальная терминология не менее экспрессивна и в художественных сравнениях Сельвинского. Двадцатое столетие для поэта — век технического прогресса, который одинаково преобразует как сознание человека, так и жизнь природы: «...И вдруг — геометрический контур, / Вычурный, точно скрипичный ключ! / А от него пошли транспортеры, / нотные тянутся провода...» [Сельвинский 1971: 339]. Сравнение «геометрического контура», «транспортеров» со знаками нотной графики сообщает урбанистическому пейзажу не только «вычурность», но и звуковое содержание. У человеческих переживаний — тоже музыкальное звучание: «Душевные страдания как гамма: / У каждого из них своя струна...» [Сельвинский 1971: 188]. Сравнение душевных страданий с гаммой расширяет диапазон «музыки» души: человеческие переживания могут быть позитивными и отрицательными, подобно восходящей или нисходящей гамме, охватывающей все ступени лада. Вообще явления природы и человеческие чувства нередко приобретают развернутую звуковую форму, аналогичную музыкальной сонате или вальсу: «...Лунный дым преображался в музыку, / Проступая в шумах, как соната...»

[Сельвинский 1971: 488]; «Вы забежали к нам накоротке, / Нас опажнув как бы дыханьем вальса...» [Сельвинский 1971: 212]. А любовь и вовсе сродни музыкальному дуэту, предполагающему внезапное, неожиданное развитие чувств: «...Любовь — соната в четыре руки, / Разыгранная *improviso*...» [Сельвинский 1971: 227]. Распознавание в любовных переживаниях музыкальной импровизационности, безусловно, метафорично: за этим скрытым сравнением стоят не только стихийность эмоций и виртуозность их выражения, но также определенные принципы развития содержания.

В поэтических метафорах семантика музыкальной терминологической лексики значительно усложняется, обогащаясь ассоциативными связями и подтекстовыми нюансами. В стихотворении «Охота на тигра» (1932) Сельвинский, описывая кровавое событие, гиперболизирует образ хищника: «...Но миг — и он снова пред нами, как миф, / Раскатом нас огромив, / И вслед за октавой глубокой, как Гендель... / Он ушел в туман. Величавой легендой...» [Сельвинский 1971: 258]. Раненый тигр напомнил охотникам о своей природной мощи вырвавшимся из груди «громом»: звуковой «раскат» был такой силы, что охватывал самый большой простой интервал в музыке — октаву, а глубина звукового интервала оказалась сопоставима с музыкой Г. Ф. Генделя, вероятнее всего, с его органами концертами. Действительно, во многих лирических стихотворениях Сельвинский пишет о духовно-нравственных деформациях современников, выражающихся в жестоком отношении к природе, — тем трогательнее представляется поэтизация жизни природы, которая не просто олицетворяется, но и «омузыкаливается»: «...Все слилось вот в этой струнной гамме, / И недаром, выходя из нот, / Дерево с плакучими ветвями / На концерте под дождем поет» [Сельвинский 1971: 436]. Ива во время дождя выглядит настолько печальной, что ассоциируется с интонационным строем гаммы, звучащей на струнных музыкальных инструментах. Тембр струнных инструментов задействован и при озвучивании других сюжетных ситуаций. В стихотворении «Всем! Всем! Всем! (Апокалипсис XX века)» (1957) Сельвинский во весь голос призывает человечество не допустить применения водородных бомб — обращение поэта может подействовать как «рычажок телефонный»: «...И вот сигналы прольют / Дробь взывающей меди — / Этот скрипичный прелюд / Пытался связаться с бессмертьем...» [Сельвинский 1971: 613]. Пронзительный «скрипичный прелюд» с эмоционально равнодушным, импровизационным развитием идейных смыслов станет своеобразным музыкальным вступлением к чему-то большему, «бессмертному».

Между тем аллюзии, метонимии, сравнения, метафоры с использованием музыкальной терминологии, семантика которых очевидна, в лирике

Сельвинского менее значимы в сопоставлении с богатством художественных смыслов поэтического контекста — скрытых, глубинных, многозначных. Так, в стихотворении «Охота на нерпу» (1932) описывается далеко не музыкальный случай: жестокое убийство тюленей. Но во время охоты Пантелей включает запись неаполитанской песни: «...Кой-что заводит Пантелей / Из итальянских кантилен...». Произведение с напевной мелодией исполняется завораживающим баритоном: «...Звучащий бронзе в тембр и тон / Великолепный баритон!..» [Сельвинский 1971: 252]. Мужской голос, средний по диапазону между тенором и басом, становится чудовищной приманкой для нерпы — Пантелей без каких-либо усилий «набил 148 штук!» тюленей, доверчиво направлявшихся к звучащей музыке. Лексемы «кантилена», «баритон» приобретают в стихотворении контекстуальные идейные смыслы с негативной окраской: красота музыки, использованная в корыстных целях, может быть убийственной и преступной, а животные очень часто бывают добрее и лучше людей, способных создавать великолепные произведения искусства.

В лирике Сельвинского скрытая идейная антитетичность нередко приобретает гротескные формы, как, например, в стихотворении «Как битва змеи с поросенком» (1933). Описание джазового концерта, положенное в основу поэтического произведения, комично. Вместе с тем оно свидетельствует о том, что, в отличие от гармоничной духовности классической музыки, джаз для Сельвинского — это воплощение душевной смуты, эмоционального хаоса современников: «...Мне вдруг начинает в шутку казаться, / Что весь этот хаос — моя душа... / И я с замиранием сердца / Под эти джазбандные вскрики / Слежу за развитием скерцо / В битве литавр и скрипки...». Произведение шутивного характера почему-то рождается «в битве», фанфарные сигналы трансформируются в невозможные эффекты — в напевную мелодику и исполнительские приемы, достигаемые на струнных музыкальных инструментах: «...Но уже фанфара ушла в кантилену, / В пиччикато и флажолет. / <...> Тонкая техника виолончели / Со струны перешла на медь...». Итоговое впечатление от джазовой музыки практически фантазмагорично — она причудливо «сливается» в хоровое песнопение: «...И все, что душу, как парус, мотало, / Слилось в один громогласный хорал...» [Сельвинский 1971: 293–294]. Совершенно очевидно, что в данном стихотворении музыкальная терминология, вовлеченная в гротескное повествование, усиливает антитезу старого и нового мироощущения, классического и авангардного искусства: не случайно в описании джазового концерта упоминается И. С. Бах. Музыка немецкого композитора XVIII в., выдающегося мастера полифонии, становится неслышимым фоном джазового действия, похожего на какофонию.

Прием антитезы наблюдается и в других стихотворениях Сельвинского, но это уже не скрытый идейный контраст, а явное противопоставление двух художественных планов. В стихотворении «Лебединое озеро» (1943) поэт гневно обличает фашизм. Краснодар безжалостно разрушен, очень сложно «...Сквозь это мертвое литье / Узнать фасад многооконный, / Литое кружево балкона, / Сквозь двери на стене пейзаж / И пальцев тающий пассаж...» [Сельвинский 1971: 398]. Последовательность музыкальных звуков в быстром темпе вызывает ассоциации с элегантною былых чувств, поэтичностью мирной жизни: «...Большой рояль, от блеска бел, / Подняв крыло, стоял, как айсберг. / Две-три триоли взяты наспех... / Нет, не рыдал он и не пел: / Дышал!..» [Сельвинский 1971: 399]. В ритмичной пульсации триолей, предполагающих деление длительностей на три доли, прослушивается противостояние войны и мира, жизни и смерти, гармонии и ужаса. Но в военном Краснодаре происходит чудо: совершенно неожиданно начинает звучать запись музыки к балету П. И. Чайковского «Лебединое озеро», что граничит с волшебным сном, фантастическим видением: «...И веет, веет *pas de six*. / Шестнадцатые из-под ног / На рампу льдинками летели...» [Сельвинский 1971: 400]. Звуки музыки навевают воспоминания о «Танце шести», грациозных движениях балерин, исполняемых в такт ритмам коротких шестнадцатых длительностей. Музыка неподвластна фашизму: на какое-то мгновение лирическому герою кажется, что даже руины очарованы звуками Чайковского, — только фашизм способен уничтожать красоту, которая, вопреки всему, остается несломленной.

Наконец, музыкальная терминологическая лексика в лирике Сельвинского может выступать в унисон с главной тональностью произведения, актуализируя при этом идейно-эмоциональные акценты. В стихотворении «Шумы» (1954) поэт воссоздает «музыку» степей: она прекрасна, но по силе воздействия все-таки несопоставима с фортепианной музыкой Ф. Шопена: «...Даже ветру не произвести / Этой дрожи сладостной до боли, / Этого безмолвия почти, / Тишины из трепета бемолей...» [Сельвинский 1971: 456]. «Трепет бемолей» Шопена, основанный на понижении ступени основного звукоряда, недоступен даже ветру. Нисходящие интонации фортепианной музыки сродни грустным чувствам, душевной «боли», мнимому «безмолвию», непостижимой гармонии — это художественный максимум звукового отражения жизни. Из стихотворения «Тайна Бетховена» (1966) становится понятно, что для Сельвинского музыка необъяснима наукой — напрасны рациональные усилия ученых, разгадывающих тайну симфонизма Л. ван Бетховена: «...Этим он / И деревянный звук, и голос медный / В три форте поднял. Что за глубина! / Из океана эти волны льются!..» [Сельвинский 1971: 557]. В размышлениях

профессоров скрывается алогизм, основанный на механистичном отождествлении формы и содержания, недостаточной глубине осмысления творчества немецкого композитора: включив в состав оркестра новые инструменты, Бетховен действительно усилил симфонический потенциал до очень громкого исполнения в «три форте», но это не «глубина», а всего лишь «громкость» звучания. В то время как по содержательной глубине произведения Бетховена звучат на «три форте» потому, что композитор умел распознавать «музыку» истории, мироздания, природы: «...Но осень... О! Вот этот ранний, / Свинцово-оловянный тон <...> И он унес в груди, в дыханье / Балладу до диез минор» [Сельвинский 1971: 532]. Обреченный на глухоту, Бетховен слышал в осенней природе тональность «до-диез минор» и вместе с ней трагизм бытия, поэзию увядания, внутреннюю печаль.

Итак, в количественном отношении обращение к музыкальной терминологической лексике в лирике Сельвинского представляется абсолютно исключительным. Поэт не просто максимально использует терминологический аппарат музыкознания, но и виртуозно владеет им в стихотворениях на самые разные темы. Аналогичное явление можно наблюдать, пожалуй, только в творчестве Б. Л. Пастернака, готовившегося, как известно, к поступлению на композиторский факультет Московской консерватории. Вполне объяснимо, что Б. А. Кац считал «пастернаковское представительство музыки в литературе чрезвычайным»: «Музыкальное искусство не вправе жаловаться на невнимание к нему со стороны русской поэзии, но в последней до появления Пастернака не было лирического героя, который воспринимал бы мир не просто музыкально, а именно музыкантски... только он один называл эти звуки профессионально...» [Кац 1991: 29–30, 33]. Сельвинский не был музыкантом-профессионалом — тем более удивительна увлеченность поэта всевозможными нюансами звукового вида искусства, а также содержательная точность и художественная экспрессивность употребления терминологической лексики.

Вместе с тем в качественном отношении мир музыки в творчестве Сельвинского и Пастернака раскрывается совершенно по-разному. У Пастернака «музыкальные атрибуты вновь и вновь возникают в системе его метафорического реализма» [Платек 1989: 217]. Сельвинского меньше интересует выразительность переносных смыслов и метафорических сопряжений — поэт использует музыкальную терминологию преимущественно в прямом значении, но погружает ее в сложный поэтический контекст, вовлекая читателей в эмоциональное сопереживание лирического многоголосия и аналитическое постижение художественной полисемии. Музыкальная терминологическая лексика в лирике Сельвинского способствует углублению антитетичных художественных планов, усилению

главных идейных акцентов, возникновению смыслового подтекста стихотворных произведений. Музыка необходима поэту для создания полнотвучия лирических нюансов — именно поэтому в творчестве Сельвинского они так органичны и убедительны: «...Эй, скорее: стихов или музыки — / Мир без лирики сходит с ума» [Сельвинский 1971: 558].

Литература

- Кац Б. А. Пробужденный музыкой // «Раскат импровизаций...»: Музыка в творчестве, судьбе и в доме Бориса Пастернака / Составление, вступительная статья и комментарии Б. Каца. Л.: Советский композитор, 1991. С. 5–36.
- Платек Я. М. Страна без соседей (Борис Пастернак) // Платек Я. М. Верьте музыке. М.: Советский композитор, 1989. С. 189–246.
- Сельвинский И. Л. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1971. 711 с.

References

- Kats B. A. [Awakened by Music]. «*Raskat improvizatsiy...*»: *Muzyka v tvorchestve, sudbe i v dome Borisa Pasternaka* [«Rolling Improvisations...»: Music in the Creation, the Fate, and the House of Boris Pasternak]. Completion, introductory article, and comments by B. Katz. Leningrad, Sovetskii Kompozitor Publ., 1991, pp. 5–36. (In Russ.)
- Platek Ya. M. [Country with no Neighbors (Boris Pasternak)]. Platek Ya. M. *Ver'te muzyke* [Believe the Music]. Moscow, Sovetskii Kompozitor Publ., 1989, pp. 189–246. (In Russ.)
- Selvinsky I. L. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1971. 711 p.

«В ответ на Ваш запрос сообщаю...» (К 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова)

Олег Викторович Никитин, Московский государственный областной университет
(Россия, Москва), olnikitin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170009277-3

АННОТАЦИЯ: Публикуются ответы С. И. Ожегова на письма читателей «Словаря русского языка» о произношении и значении слов. В ряде писем содержатся критика и уточнение отдельных фрагментов изданного «Словаря». Переписка показывает автора не только как чуткого лексикографа, откликавшегося на послания неизвестных ему людей, но и увлеченного, живого человека, влюбленного в стихию русского слова. Комментарии С. И. Ожегова, сделанные несколько десятилетий тому назад, представляют ценность и как факт истории филологической науки, и как источник полезной лингвокультурной информации. Они заставляют задуматься над многими вопросами в русском литературном языке и просторечии, которые не получили до сих пор однозначного решения. Ненавязчивые простые толкования первооткрывателя словесных тайн С. И. Ожегова позволяют читателям проникнуть во внутренний мир этого незаурядного ученого и понять его языковую личность. Представленные в подборке письма могут быть полезны при составлении современных словарей и справочников, при обучении студентов культуре речи и языковым нормам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: С. И. Ожегов, история филологии, теория и практика словарной работы, культура русской речи, произносительная норма, лексикографический эксперимент, языковая личность

для цитирования: Никитин О. В. «В ответ на Ваш запрос сообщая...» (К 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова) // Русская речь. 2020. № 2. С. 115–127. DOI: 10.31857/S013161170009277-3.

Science and Persons

“In Response to Your Request I Inform...” (The 70th Anniversary of Publishing The “Dictionary” by S. I. Ozhegov)

Oleg V. Nikitin, Moscow Region State University (Russia, Moscow), olnikitin@yandex.ru

ABSTRACT: We publish the letters sent to S.I. Ozhegov by the readers of “Dictionary of the Russian language” where they request to clarify the pronunciation or the meaning of certain words. Several letters contain criticism and refinement of various fragments of the dictionary. The correspondence shows the author not only as a sensitive lexicographer, who responded to the messages of unknown people, but also as a dedicated and down-to-earth person keen on the element of Russian language. Ozhegov’s comments, made many years ago, are valuable as a fact of history of philological science and as a source of useful linguistic and cultural information. His remarks make us think about many problems in Russian literary language and low colloquial speech, which have not yet received a clear solution. S. I. Ozhegov’s unobtrusive simple interpretations allow readers to enter the inner world of this outstanding scientist and to understand his linguistic personality. The letters presented in the collection can be useful for compiling modern dictionaries and reference books on teaching the culture of speech and language norms.

KEYWORDS: history of philology, theory and practice of dictionary work, culture of Russian speech, pronunciation norm, lexicographic experiment, linguistic personality

FOR CITATION: Nikitin O. V. "In Response to Your Request I Inform..." (The 70th Anniversary of Publishing The "Dictionary" by S. I. Ozhegov). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 2. Pp. 115–127. DOI: 10.31857/S013161170009277-3.

Вот сделать бы такой словарь — в пределах читаемого...

С. И. Ожегов

В истории отечественной науки есть такие ученые, мимо которых пройти невозможно, потому что они стали явлением еще при жизни — культурным феноменом, открытием, даже образом. Они были экспериментаторами и в чем-то романтиками, активно участвовали в строительстве филологии будущего. Не задумываясь, вступали в бой за опасное словарное дело, когда марристы давили свободу и многим приклеивали ярлыки «контрабандистов». Не по должности, а по призванию выступали на радио, вели некабинетную работу — просвещали обычных людей, привлекая их к совместному языкотворчеству и заставляя вдумываться в смысл даже одного слова. На них рисовали карикатуры, и они были объектами шуток, иронических каламбуров, рассказов, далеко выходявших за коридоры академических дискуссий (см.: [Еськова 2001: 217–130]).

Таким явлением в общественной жизни страны в середине — второй половине XX столетия стал Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) — знаменитый лексикограф, заведующий Сектором культуры русской речи в Институте языкознания АН СССР и позднее — в Институте русского языка АН СССР, автор многочисленных работ по стилистике, лексикологии, истории русского литературного языка, социолингвистике и, бесспорно, один из главных кодификаторов родного языка (в частности, в своих заметках он обозначил четыре направления нормализации, см. [Ожегов 2001б: 435–437]).

«Сумерки лингвистики», как называют сейчас 1930–40-е гг., для С. И. Ожегова и его старших коллег Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова были временем строительства новой науки — филологии. А вместе с ней предстояло реанимировать лексикографию — сформулировать не только актуальные теоретические задачи, но и практически реализовать замысел социокультурного описания языка разных эпох, «от Пушкина до

Горького» (см. подробнее: [Никитин 2012]). Таким «переходником» от высоких научных терминов к житейской словесности стал «Словарь русского языка», первое издание которого вышло в неспокойное время послевоенной биографии страны [Ожегов 1949], как раз во время борьбы с «безродными космополитами». Непростая атмосфера идеологических войн в науке и околофилологических дискуссий о том, «какое слово важнее, *агитпункт* или *церодиакон*, *фотография* или *фелонь*» (см. об этом: [Никитин 2017]), захватила и С. И. Ожегова. Особенно показательна в этом ключе его полемика с марристом Ф. П. Филиным по поводу неумеренного использования Сергеем Ивановичем религиозной лексики [Никитин 2017: 95–97].

До «Словаря» С. И. Ожегова — и это главное отличие его детища от предшествующего опыта — не было популярных, или, как писал ученый во втором издании, *общедоступных пособий* [Ожегов 1952: 3]. Почти все имевшиеся в отечественной науке толковые словари были лексиконами-тезаурусами академического типа и в первую очередь предназначались для исследователей языка и его истории [Никитин 2004]. О культуре речи и проблемах современного произношения и употребления слов стали задумываться лишь в конце XIX века. «Стилистическая грамматика», как говорили раньше, или наука о правильности и чистоте русской речи, началась с трудов В. И. Чернышева и его поколения ученых и педагогов, а затем Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и позднее С. И. Ожегова [Ожегов 2000]. Каждый из них занимался своей отраслью филологии. Словарное дело объединило многих талантливых ученых и позволило им применить методологические установки советской науки к созданию новой лексикографической платформы. Сергей Иванович в этом ремесле являлся, пожалуй, одним из самых способных ученых, он «был гением малой формы» [Костомаров 2001: 17].

Программная статья С. И. Ожегова «О трех типах толковых словарей современного русского языка» вышла уже позднее, в 1952 г., когда первое издание «Словаря» было обнародовано и стали ясны недостатки, просчеты, ошибки, когда автора накрыла лавина рецензий и критики [Никитин 2019]. Он отнес свой словарь к третьему разряду — «краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» (цит. по изд.: [Ожегов 1974: 166]). С. И. Ожегов говорил о том, что перед словарным делом стоят большие и сложные задачи: стилистическая и грамматическая классификация слов, выявление акцентологической нормы, определение характера семантизации лексем, уточнение помет и т. д. По его мнению, нужна была «лексикографическая кодификация словарного состава современного русского языка» [Ожегов 1974: 182]. Эти и другие проблемы приходилось решать ученому в эпоху разоблачений и поиска врагов народа даже в таком неприметном деле, как словарная работа.

Вот, например, что написал ему один из внимательных читателей, ознакомившись со вторым изданием [Ожегов 1952]:

«Значение слова "отечество" определяется как "страна, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит", а слова "родина" как "отечество" и как "место рождения, происхождения". Однако В. И. ЛЕНИН указывал, что отечеством, в широком смысле, является "данная политическая[,] культурная и социальная среда..." /т. 12[,] стр. 314/> [См. полный текст письма: Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. 219. Лл. 138–139].

И получил дипломатичный ответ истинного филолога, поднаторевшего в боях на идеологических баррикадах своего времени:

«Слово "отечество" определено правильно. В цитате из В. И. Ленина, которую Вы приводите, имеется тот случай употребления и применения данного слова, который называется метонимией. Действительно, ведь та или иная "политическая[,] культурная и социальная среда" есть та или иная общественность, которая связана с определенной страной. Даже большие словари языка не могут учитывать всех применений того или иного слова» [Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 149. Л. 41. Дата: 20. VIII. 1953].

Отголоски тех дискуссий, о которых мы уже ранее говорили, слышны и в публикуемых документах — живых свидетельствах «брожения умов» в советском обществе. Этот интеллектуальный толчок им дал «Словарь русского языка». Впервые в лексикографической практике участниками словарного дела становились обычные люди: фармакологи, самоучки-историки, военные, электромеханики и др. С. И. Ожегову писали пенсионеры и дети, заключенные и преподаватели духовных академий (см. подробнее: [Никитин 2019: 104–112; Переписка С. И. Ожегова... 2001: 505–516]). Все они откликнулись на призыв ученого помочь автору раскрыть смысл языка, проникнуть в его социальную жизнь, найти в многоголосье книг *современные*, созвучные тому времени слова и выражения. Для простого народа С. И. Ожегов сразу стал большим авторитетом. Потоки писем с просьбами помочь купить «Словарь», объяснить то или иное непонятное слово, выразить мнение по поводу услышанного по радио произношения, замеченной ошибки в газете, в речи актеров и дикторов — такие непростые этические вопросы обсуждали в Секторе культуры русской речи. Иногда С. И. Ожегов передавали письма из «Литературной газеты», издательства, парткомов и других академических структур, куда обращались неугомонные авторы в поисках своей словарной правды. Многим, кто появлялся в его секторе, С. И. Ожегов за-

давал необычные вопросы, как будто искал вместе со своим посетителем оптимальную форму, яркий и запоминающийся облик слова. Так, например, Ю. А. Бельчиков рассказывал, что был свидетелем того, как Сергей Иванович придумал выражение «российские вина»: «Однажды, будучи в академическом Институте русского языка, я, как обычно, заглянул в кабинетик Сергея Ивановича. Встретив меня с присущим ему радушием, он неожиданно спрашивает: “Как бы вы назвали магазин, торгующий винами, которые произведены в Российской Федерации?” И продолжает рассуждать вслух: “русские вина”, “русское вино”, “вина России”?.. Но ведь в этом магазине будут и вина из Дагестана, крымские вина... А если “российские вина”?..» [Бельчиков 2001: 28]. Так же возникло, по признанию Ю. А. Бельчикова, и модное ныне выражение «хрустящие хлебцы» — его тоже придумал С. И. Ожегов!

Ответы на многие письма читателей «Словаря» давал сам Сергей Иванович, а его сотрудники затем перепечатывали на машинке тексты и отсылали респондентам. В одном из документов нам встретилось указание на то, что, по просьбе С. И. Ожегова, отвечала А. В. Суперанская. По мнению В. Г. Костомарова [Костомаров 2001: 19], свою главную задачу ученый видел в следующем: «...как объяснить обыкновенному человеку, нелингвисту, что такое *литературный* язык, что такое *правильный* язык. В этом его решительно поддержал академик В. В. Виноградов, сам выступивший с серией статей по речевой культуре». Поставленную задачу во многом и решал «Словарь русского языка».

Таким образом, С. И. Ожегов находился в центре «народной филологии», был ее покровителем, очень сочувственно и по-доброму относился к замечаниям, дополнениям своих авторов, дорожил их мнением. Он не был ретроградом, всегда оставался чутким к словесной музыке эпохи. Показательно в этом ключе одно высказывание Сергея Ивановича в черновых набросках к статье «Рассуждение о правильности языка»: «Заботиться о правильности языка — это не значит накладывать цепи на его развитие, охранять старое, наоборот. Забота о правильности языка означает поддержку всего того нового, что отражает дух языка, иными словами то в развитии, что обогащает» [Ожегов 2001а: 431].

Еще одна особенность языковой личности Сергея Ивановича заключалась в том, что наряду со своими более маститыми коллегами — теоретиками науки — С. И. Ожегов был «крупнейшим практиком лексикографии» [Бельчиков 2001: 33]. Потому его книга жизни не стала, подобно другим, не менее известным академическим опытам, памятником истории и филологической культуры того времени. Она обрела второе дыхание еще тогда, когда Сергей Иванович творил, мечтая, чтобы его «Словарь» оставался полезным не одному поколению читателей.

Письма свидетельствуют о той высокой научной планке, которую С. И. Ожегов ставил перед собой, постоянно переписывая и дополняя свой «Словарь» (ср., например, первое и второе издания). Он, как и его любознательные «зрители», шагал в ногу со временем! Один из учеников С. И. Ожегова В. Г. Костомаров справедливо назвал детище Сергея Ивановича *великим подвигом*, который тот «совершал» каждый день... [Костомаров 2001: 17].

Письма публикуются впервые по имеющимся машинописным копиям и автографам С. И. Ожегова. Все документы расположены в хронологическом порядке. Пропущенные знаки препинания восстановлены в квадратных, а недописанные части раскрываются в угловых скобках. Незначительные приписки и вставки в текст воспроизводятся без комментариев.

Тов. ЗАЙЦЕВ!

Охотно исполняю Вашу просьбу. Интересующее Вас выражение «прохождение военной службы» не устарело[,] и его значение можно объяснить следующим образом: «пребывание на военной службе с исполнением всех ее обязанностей» или короче «исполнение обязанностей военной службы». Таким образом, прохождение военной службы без исполнения обязанностей ее не может быть.

С приветом

(С. И. Ожегов)

25. VIII — 54 г.

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 139. Л. 3. Заверенная машинописная копия.

Краснодар, ул. Ленина[,] 24[,] кв. 11
Д. Н. Борисенко

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Благодарю Вас за замечание по моему словарю. Вы совершенно правы: черкеска — это название одежды, а черкешенка — название женщины. Слово это не упразднено и продолжает существовать в русском языке. Дело в том, что эту ошибку /черкеска вм. черкешенка/ я обнаружил, к сожалению, только после выхода словаря и ничего уже не мог сделать для ликвидации этой редакционной «поправки».

/С. И. Ожегов/

6. I. 54.

Там же. Л. 22. Заверенная машинописная копия.

Тов. Зюбко!

На Ваше письмо сообщаю, что слово «старогодний» не включено в Словарь русского языка потому, что оно, повидимому (так в тексте. — О. Н.), не распространено далее узко-профессионального употребления в путейском деле.

Писать нужно «старогодний», а не «старогодний» потому, что, насколько мне известно, этим словом обозначаются предметы (рельсы, шпалы), отслужившие свой срок на определенном месте, но еще пригодные для эксплуатации в других условиях, напр., на подъездных путях, на путях не магистральных и т. п. Другими словами, они старые, но годные.

С приветом

С. И. ОЖЕГОВ

«17» марта 1954 г.

Там же. Л. 30. Заверенная машинописная копия.

Тов. КРЮКОВУ

В ответ на Ваш запрос сообщаю, что в современном русском литературном языке прилагательное атомный имеет ударение на первом слоге, как и существительное атом.

В некоторых словарях в слове *атомный* указано на возможность ударения на втором слоге /Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова — *атóмный*; Словарь иностранных слов под ред. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова, 3-ье издание — *átóмный*/. Ударение *атóмный* является устаревшим.

В современном русском языке существует тенденция, в силу которой прилагательное имеет то же ударение, что и существительное, от которого оно образовано. Прилагательное *átомный* по нормам современного русского литературного языка и имеет ударение на первом слоге.

Зав. Сектором культуры речи
Института языкознания АН СССР

/С. И. Ожегов/

14. IV. 54 г.

Там же. Л. 32. Заверенная машинописная копия.

Тов. БАРАНОВ!

Благодарю Вас за письмо, в котором Вы отмечаете неточность в определении слова «куб». Действительно, слово «сторона», а не «грань» в определении куба отражает не математическое, а упрощенное представление о предмете. Вы, вероятно, математик и сразу обратили на это внимание. Если у Вас будут еще замечания, напишите мне.

С приветом

/С. И. ОЖЕГОВ/

17.1 — 53 г.

Там же. Л. 45. Заверенная машинописная копия.

Тов. БУЛЫКИН!

Вас интересует, как пишется сокращенное слово от выражения «металлический лом». Не может быть вопроса о написании трех «л», т<ак> к<ак> это сокращение образуется иначе, с соединительной гласной «о».

Принятое сокращение: «металлолом».

/С. И. Ожегов/

20. XII. 52.

Там же. Л. 46. Машинописная копия.

Уважаемый тов. Ларин!

Слово «ширина» в значении «полотенце» не вошло в словарь потому, что оно местное, диалектное /хотя и известное во многих диалектах/, а однотошный словарь является словарем литературного языка. Правда, в словаре есть местные, областные слова, но преимущественно такие, которые могут быть употреблены и в литературном языке.

/С. И. Ожегов/

Там же. Л. 47. Машинописная копия.

А. М. Куртику
г. Котлас Архангельской обл., затон Тулубьево.

Тов. КУРТИК.

На Ваше письмо сообщаю, что слово «бон», которое употребляется чаще во множественном числе «боны», является словом мужского рода

и, следовательно, в родительном падеже множественного числа имеет форму «бонов», а не «бон»: *изготовление бонов*.

С приветом

/С. И. ОЖЕГОВ/

4. IX. 52

Там же. Л. 52. Заверенная машинописная копия.

Уважаемый тов. Пименов!

На Ваше письмо о произношении «что», «чтобы» должен Вам сказать, что до сих пор правильным литературным произношением является произношение этих слов как «што», «штобы». Поэтому все дикторы так и произносят. Буквенное чтение, встречающееся в разговорной речи, не считается литературной нормой.

Проф. С. Оже<гов>

Там же. Автограф. Дата написания отсутствует.

Уважаемый тов. Савченко!

Произношение *училса*, т. е. с твердым *с* в возвратных глаголах[,] не является ни безграмотностью, ни специфически московским произношением. Сейчас это произношение постепенно вытесняется произношением *учился*, т. е. произношением с мягким *с*. Так произносят и московское радио. Но речевые привычки очень стойки, и поэтому иногда Вы можете услышать и у дикторов, и у других выступающих по радио твердое *с*.

Проф. С. Оже<гов>

Там же. Л. 111. Автограф. Дата написания отсутствует.

Тов. Друян!

Надо Вам сказать, что слово *бесталанный* употребляется и в знач<ении> *несчастный* (в народной поэзии), и в знач<ении> не имеющий таланта (но без всякого *т*; слова *бесталантный* в языке нет).

Основное значение слова *шибко* — быстро; но в просторечии употребляется и в знач<ении>, близком к *очень*: напр<имер> *не шибко грамотный*.

Проф. Оже<гов>

1. XII. 63

Там же. Л. 127. Автограф.

Уважаемый товарищ!

Борьба *заслуженного* с *заслужённым* — давнишняя борьба.

Вы совершенно правы, что произношение *заслуженный* свидетельствует о том, что это причастие, а *заслужённый* [—] прилагательное. Когда-то это было нормой для многих причастий и прилагательных от них. Но поскольку большинство причастий-прилагательных не различаются по месту ударения, и причастия=прилагательные типа *заслуженный* стали употребляться с одним ударением, а именно тем, которое присуще причастию. Это вполне закономерно для языка. Основной нормой теперь является произношение *заслуженный*, а произношение *заслужённый* осталось как допустимый вариант.

Проф. Оже<гов>

Там же. Автограф. Дата написания отсутствует.

К. Ф. Новикову.

На Ваш запрос о том, является ли уменьшительное существительное «шелушка» литературным, сообщаем следующее.

Слово «шелушка» и, в частности, в таких сочетаниях[,] как «картофельная шелуха»[,] является словом литературным, которое используется и как научный термин. Слово «шелушка» — уменьшительное существительное, образовавшееся и бытующее в разговорной речи. В литературной норме оно не принято, а употребление в качестве термина недопустимо.

Ст. научный сотрудник
Института языкознания АН СССР

/С. И. Ожегов/

20. IV — 51 г.

Там же. Л. 150. Машинописная копия.

Литература

- Бельчиков Ю. А. «Словарь русского языка в контексте научной деятельности // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 25–34.
- Еськова Н. А. Несколько лексикографических веселостей (отчасти — грустностей) вместо воспоминаний о Сергее Ивановиче Ожегове // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 127–130.

- Костомаров В. Г. С. И. Ожегов: русская речь и «Русская речь» // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 17–22.
- Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
- Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 231 с.
- Никитин О. В. «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон, фотография или фелонь...» (летописные страницы «Словаря» С. И. Ожегова) // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 18–32.
- Никитин О. В. «Не книга, а золото» // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 8. С. 82–112.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Гл. ред. академик С. П. Обнорский. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общей редакцией академика С. П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 с.
- Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. С. 158–182.
- Ожегов С. И. О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 93–110.
- Ожегов С. И. Рассуждение о правильности языка (Черновые заметки) // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001а. С. 431.
- Ожегов С. И. Заметки о языкознании // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001б. С. 433–437.
- Переписка С. И. Ожегова с читателями «Словаря русского языка» // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 505–516.

References

- Bel'chikov Yu. A. ["Dictionary of Russian language" in the context of scientific activity]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary S. I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 25–34. (In Russ.)
- Es'kova N. A. [Some lexicographic gaieties (and partly sad) instead of reminiscences of S. I. Ozhegov]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary S. I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 127–130. (In Russ.)

- Kostomarov V. G. [S. I. Ozhegov: Russian speech and "Russian Speech"]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary S. I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 17–22. (In Russ.)
- Nikitin O. V. [Unknown pages of Russian lexicography of the 1920-ies (prehistory of "Ushakov Dictionary")]. *Russkii yazuk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 1 (7), pp. 195–228. (In Russ.)
- Nikitin O. V. *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya* [Essays on the history of Russian lexicography of the first half of the XX century (explanatory dictionaries): monograph]. Slavyansk-na-Kubani, Izd. Tsentra Filiala KubGU v g. Slavyanske-na-Kubani Publ., 2012, 231 p.
- Nikitin O. V. ["What word is more important, *agitpunkt* or *ierodiakon*, *fotografiya* or a *felon'*..." (the chronicle pages of the "Dictionary" by S. I. Ozhegov)]. *Mir russkogo slova*, 2017, no. 1, pp. 18–32. (In Russ.)
- Nikitin O. V. ["Not book, and gold"]. *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*, 2019, no. 8, pp. 82–112. (In Russ.)
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazuka* [Dictionary of Russian language]. Editor-in-chief academician S. P. Obnorskii. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. i Nats. Slovari Publ., 1949. 968 p.
- Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazuka* [Dictionary of Russian language]. Ed. by academician S. P. Obnorskii. 2nd ed., rev. and expanded. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. i Nats. Slovari Publ., 1952. 848 p.
- Ozhegov S. I. [On three types of dictionaries of modern Russian language]. *Ozhegov S. I. Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Ozhegov S. I. Lexicology. Lexicography. Culture of speech: Textbook for universities]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974, pp. 158–182. (In Russ.)
- Ozhegov S. I. [On the colloquial speech (to the problem of the city language)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2000, no. 5, pp. 93–110. (In Russ.)
- Ozhegov S. I. [Ideas about the correctness of the language (Draft notes)]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary S. I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001a. 431 p.
- Ozhegov S. I. [Notes on linguistics]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary S. I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001b, pp. 433–437. (In Russ.)
- Perepiska S. I. Ozhegova — [S. I. Ozhegov's correspondence to the readers of the "Dictionary of Russian language"]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary S. I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 505–516. (In Russ.)

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 28.04.2020 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 280 экз.

Зак. 18/1а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»